

НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)

8 ТОМ

г. ЧЕЛЯБИНСК
2018

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

О составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Координационного совета при администрации Челябинска. (**nacht57@mail.ru**)

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигелей, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

Не забудем

Содержание

Предисловие	6
Страницы истории	7
Кто они, немцы ?	7
Факт	9
Родственники Бейвеля	9
Майоровка Карла Майора	13
Северный Павел Александрович, писатель, драматург	17
Нам помогали строить социализм	21
Немецкий архитектор Май и жилищная программа СССР в 1930-е	21
Записки немца Волтерса об индустриализации СССР	31
Великая Отечественная война: помним каждый день	38
Трудармейцы	38
Советские немцы в исправительно-трудовых лагерях Урала в годы Второй мировой войны	49
Трудармейское детство графини	53
Гросс Яков Фридрихович	56
Забытая армия	56
Рядовые трудармии	60
Бессмертный барак	62
Они создавали Челябинскую область. Александр Комаровский	63
Карточка № 74-04	67
Кнауб Федор Егорович	69
Вибе Давид Корнеевич	69
Кох Яков (1922)	70
Воспоминания трудармейца	71
Пленные	72
Немцы-трудармейцы	74
Бакаллаг: лагерь смерти в Челябинске для пленных немцев	74
Как немцы строили Челябинск. Южноуральцы вспоминают о войне и мире	77
Факт № 36: в Копейске есть братская могила интернированных немцев	81
И праху павших поклониться	83
Помнить о трудармейцах... Дайджест	85
Кох, Гауф, Шмидт. Как челябинские немцы приближали День Победы	111
Трудовая мобилизация немецкого населения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны.....	115
Судьба трудармейцев	122
Узкоколейная железная дорога Воздвиженского стекольного завода. Начальный пункт — село Воздвиженка	127
Челябинский ГУЛАГ	128
Военнопленные на Урале	130
Эсэсовец, бывший в плену на Урале: «Русские — мои лучшие друзья!»	135
Дорожим семейными корнями	143
«Я горжусь своим прадедушкой!» - Скударь Мария	143
Артур Дель: у него была мечта	148
«Об Урале с любовью»	156
Забытый зодчий	157
Наш артист	160
Мертенс Вилли Александрович	163

Поэт, автор и исполнитель песен	166
Поэт Виктор Гергенредер награжден медалью Василия Шукшина	169
Фотограф Иван Галерт	170
Бабушка судьбы	177
Мейснер Татьяна Валентиновна	180
Гисс Нина Николаевна	180
Гисс Николай Федорович	181
Гисс Иван Семенович	181
Гисс (Семушина) Елена Ивановна	182
Гергенредер Виктор Викторович (Viktor Hergenreder)	183
Народная певица	184
Человечность – язык понятный во всем мире	186
Артур Фолленвейдер. Художник – Философ – Гражданин	190
Современность и память	193
О геноциде, трудармии, демографической статистике и научной добросовестности.....	198
Форум. «Репрессии. Раскулачивание. Депортация и трудармия» Немцы трудармейцы «Челябметаллургстроя»	196
С фронта в трудармию	201
Влияние русской культуры на язык российских немцев, проживающих на территории Челябинской области (К проекту создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала»)	206
Портфолио: Анастасия Богомолова	210
Послесловие	218
Приложение	219

Предисловие

Вы держите в руках последнюю книгу из серии «Немецкий мир России». Каждый народ России своей историей заслужил, чтобы сохранить свою самобытность и память о себе. Российские немцы не исключение. История любого народа пишется самим народом, и я очень рад, что российские немцы строго следуют этому принципу. Интерес к истории народа, к своим национальным корням у россиян и южноуральцы в их числе, не ослабевает и это убеждает, что новые страницы истории будут постоянно добавляться. Благодаря этим усилиям мы можем уверенно сказать, что история российских немцев в нашем крае получит своё достойное освещение.

В очередном томе серии «Немецкий мир России. Уральский путь» продолжают темы первых семи книг и публикуются статьи по истории народа, представляются знаменитые немцы и главное, видно, что немецкое содержание нашей жизни не исчезает. Его поддерживают потомки тех, кто когда-то по своей или не своей воле, приехали преобразовывать наш уральский край и связали с ним свою жизнь.

Это очень важно и очень ценно. Народ помнит себя и знает, кто он есть.

Ради этого и живем!

Заканчивая свой рассказ, хочу сделать свой главный вывод. Современность показывает, что проблема реабилитации репрессированных народов для самих этих народов в обозримом будущем не будет решена. Хотя представители органов власти всех уровней считают наоборот. Кто прав?

По моему, это говорит только о том, что существует разное понимание сущности реабилитации у власти и у общества. Хотя и в российском обществе есть представители, которые согласны с властью. Выход один, для того чтобы выявить истину нужен диалог, Но власть к нему не готова и она приближает к себе тех, кто с ней дискутировать не собирается. К сожалению, это реальность нашей политической жизни.

Поэтому признание чести, восстановление справедливости и обретение достоинства – вот к чему до сих пор стремится российский немецкий народ.

Автор - составитель

Страницы истории

Кто они, немцы?

Совет 1: Почему немцев называют немцами, а не германцами

Немец – старославянское слово, не имеющее никакого отношения непосредственно к Германии. Кроме русских, никто не называет жителей этой страны немцами. Более того, в далеком прошлом это слово употреблялось и в отношении представителей других народов.

Почему немцев называют немцами, а не германцами.

Кто такие немцы

Слово «немец» образовано от «немой», то есть тот, который не может по-русски и слова сказать. Дело в том, что иностранцы, не знавшие русского языка, были все равно, что немые, поэтому так их и называли. Например, в произведениях Гоголя немцами называют всех людей западного происхождения, в том числе и французов, и шведов.

Сам Гоголь пишет, что «немцем у нас называют всякого, кто прибыл из другой страны», а сами страны, откуда приехали чужестранцы, зовут «немецкая земля» или «немецчина» (это ближе к украинскому языку). Гоголь иногда посмеивается над этим словом, например, в произведении «Тарас Бульба» у него инженер-француз приехал из Немецчины. А в «Ревизоре» лекарь-немец, который по-русски слова не понимает, так и молчит все время, как будто он и в самом деле немой.

Так как в XIX веке из иностранцев в России были преимущественно немцы, то это название так и закрепилось в русском языке за всем народом Германии. Интересно, что Слобода Кукай в Москве с тех пор называется Немецкая слобода, в честь того, что именно на этой территории проживали иностранцы. Там были представители и Англии, и Голландии, но называли ее немецкой, так как все они не говорили по-русски.

В XIX веке слово «немец» носило ругательный оттенок, так называли всех неправославных европейцев, по аналогии, как «басурманами» звали всех мусульман.

Есть еще одна теория происхождения слова «немец». В далеком прошлом существовало племя русов, отличавшееся особой воинственностью. Проживал этот народ вдоль реки Неман или Немень. Их называли немцами. Позднее эти земли были завоеваны германскими племенами, а это племя иногда еще называют «неметы».

Как называют себя сами немцы

Слово «германцы» тоже было придумано не самими немцами. В Древнем Риме Германией называли страну, расположенную к северу от самой Римской империи. Так как римляне первыми придумали название для этой страны, так и получилось, что оно прижилось, и сейчас страна называется Германия.

Интересно, что германцев называют не связанным с ними самими именем не только в России. Во Франции и Испании немцев зовут алеманами, а в Италии говорят про них «тедески».

Тем не менее сами немцы зовут себя совсем иначе – дойч (Deutsch). Это слово образовано от древненемецкого слова «люди, народ», которое произносилось как diot. Получается, первоначально немцы называли себя «народом». Точно так же они называли и все остальные народы, например британцев, датчан и других. Сведения об этом можно встретить в латинских исторических рукописях.

Источники: 50 интересных фактов о немцах!

Совет 2: Почему немцев называли немцами

Слово «немцы» пришло в русский язык очень давно. Этот этноним древнерусского происхождения означает «немой, не говорящий по-русски». Слово «Германия» тоже древнее. Но жителей Германии принято называть немцами.

Несовпадение названия страны и народа, ее населяющего, в русском языке звучит весьма странно

Почему сложилось так, что немцами русскоговорящие называют жителей Германии? Это обусловлено как историческими, так и лингвистическими причинами.

Язык развивается по своим, порой необъяснимым законам. В употреблении и закреплении в языке того или иного слова участвует множество факторов. Чаще всего основным и главным творцом языка является его носитель – люди. Официальные источники, такие как документы, летописи, литературные произведения, отражают лишь результат этого творчества.

О происхождении слов «немцы» и «Германия»

По предположению лингвистов, слово «немец» появилось в русском языке в 12 веке или ранее. В документах Древней Руси это название встречается именно в это время.

На тот момент слово *Germania* уже существовало в латинском языке. Именно от него произошло русское название «Германия». В произведениях римских авторов, написанных на латыни, его можно встретить уже в 1 веке нашей эры. Так римляне называли территорию по ту сторону реки Рейн, а племена, жившие там, Юлий Цезарь называл *Germanus*. О них также упоминал летописец Тацит.

В русский язык слово «Германия» пришло только в 19 веке, когда в одну страну в Европе объединились несколько отдельных княжеств.

К тому времени слово «немец» уже успело закрепиться в русском языке. В больших городах Руси и впоследствии Российской Империи было много приезжих иностранцев из европейских стран. Большую роль в этом сыграла политика Петра Первого, направленная на налаживание связей с Европой. Это, в свою очередь, способствовало еще более частому употреблению слова «немец» среди русскоязычного населения.

Но вот почему оно впоследствии стало относиться только к жителям Германии и почему немцев не переименовали, как остальные народы, сказать очень трудно. Возможно, определенную роль сыграла Великая Отечественная Война, когда значение слова «немец» приобрело сильные негативные коннотации. Эмоционально окрашенные слова хорошо держатся в коллективной памяти народа.

Кого называли немцами

Одно из древнегерманских племен называли «неметы»

Немцами славяне называли не только жителей Германии, но и другие европейские народы: норвежцев, шведов, западных европейцев, датчан. В русском языке до сих пор сохранилось слово «немец» в значении «иностранец». В 20 веке в среде русскоговорящих еще употреблялось слово «немец» по отношению к эстонцам. Но закрепилось в русском языке это слово именно в значении «жители Германии».

Для кого еще немцы – не германцы

Славяне – не единственные, кто употребляет слово «немец» для обозначения жителей Германии. Оно встречается и у венгров, и у украинцев, и у поляков, и у чехов, и у сербов, и у хорватов.

Не последовали древней римской традиции и французы, и немцы, и даже жители бывшего Рима итальянцы.

По-французски немец – *Allemand*, по-немецки – *Deutsch*, по-итальянски – *Tedesco*.

Но именно в русском языке название страны не похоже на название этноса, ее населяющего.

ФАКТ

Итак, несколько интересных страниц и фактов из мед-истории города Челябинска. В 1775 году, через 39 лет после основания Челябинска, в городе появился первый врач, этим лекарем был назначен Иван Кноблах из Оренбургского пехотного полка. Врачевал он в захолустном городе шесть лет, после ликвидации воеводства должность лекаря была упразднена. Население вновь было вынуждено идти к местным знахарям и повивальным бабкам.

Родственники Бейвеля

Через сто лет Челябинск вспомнил о своем градоначальнике

24.10.2006

Михаил Фонов

Утро в номере гостиницы «Южный Урал». Я в гостях у москвича, приехавшего в Челябинск на открытие мемориальной доски, посвященной моему деду. Несколько обязательных фраз, и я включаю диктофон.

- Итак, вы...

Через сто лет Челябинск вспомнил о своем градоначальнике

Утро в номере гостиницы «Южный Урал». Я в гостях у москвича, приехавшего в Челябинск на открытие мемориальной доски, посвященной моему деду. Несколько обязательных фраз, и я включаю диктофон.

- Итак, вы...

- Я - Александр Саввич Бейвель, внук Александра Францевича Бейвеля, сын Саввы Александровича Бейвеля, который родился в апреле 1903 году в Челябинске и был по старшинству вторым в семье.

Мы, Бейвели, во втором, третьем и следующих поколениях стараемся держать высокую жизненную планку Александра Францевича, стремимся соответствовать ему.

- А когда дедушка вошел в вашу сознательную жизнь?

- О деде мне больше рассказывала мама, Анна Рафаиловна. А отец... Он со мной на эту тему мало общался. Он был человек сдержанный, как, впрочем, и все мужчины нашего рода. А кроме того, отец был репрессирован, наверное, это тоже сказалось.

Первые разговоры относятся, наверное, ко времени оттепели, к 60-м годам. Информация до меня доходила обрывками. Например, мне стало известно, что когда на Урале находился Александр Васильевич Колчак, деду и его семье был предложен отдельный вагон, чтобы уехать за границу. Отец говорил, что технически устроить это было довольно просто - еще не все связи с Францией были оборваны. В семейном архиве хранились письма, адреса, фотографии из Франции и Великобритании. Но, как я понимаю, предложение было отклонено.

Еще я помню - матушка рассказывала: пришел кто-то из больных и говорит: вот вам гусь. «Какой гусь?» - "Мне сказали, что за прием у врача надо принести гуся". Помню, как матушка рассказывала про бабушку Анну Васильевну, даму, как ей казалось, весьма строгую и

скрупулезную. «Анечка, - говорила она, - положите, пожалуйста, мне в чашечку одну и три четверти ложечки сахара».

Мы жили в Сокольниках на довольно глухой улице с домами, раньше являвшимися дачами москвичей. Сейчас этой улицы уже нет - застроена. Там была дача. Одну из четырех комнат занимала наша семья, а в соседней жил дядя Кирилл, которого отец опекал как младшего брата. Однажды - отец и дядя Кирилл как раз были в отъезде - к нам залезли воры. Открылось окно, а я, маленький, спал под этим окном, протянулась рука, схватила вазу и исчезла. Мама, конечно, испугалась и возмутилась, а бабушка ее успокоила и только спросила: «Анечка, а Сашеньку не украли? Нет? Тогда ложись спать».

- Но однажды вы поняли, что Александр Францевич занимает особое место среди родственников?

- Толчок был как раз из Челябинска. Где-то в 1990 году. Ко мне обратился краевед В.Г. Борисов. Завязалась переписка с В.С. Боже. Краеведы задавали мне вопросы, я не знал, как отвечать. И стал искать ответы.

- А Челябинск в вашей семье присутствовал хотя бы виртуально?

- Что вы, Челябинск для меня почти родной город. С ним очень много связано не только с дедушкой, но и по маминой линии. Со времен войны здесь жила Елена Рафаиловна Полевская. Здесь родились мой двоюродный брат Аскольд и сестра Ольга. У меня с ними - самые тесные контакты. В первый раз я приезжал сюда в 1987 году, после первого курса и похода по Чусовой. В походе у нас была, знаете, любимая песня с таким лихим припевом: «Далеко, далека ты, родимая Челяба, сам черт сломает ногу среди этих гор». Бывал здесь и позже. Родственники жили на ЧМЗ, и до 17 лет мне казалось, что ЧМЗ - это весь Челябинск. Я помню изумительные по красоте озера, на которые меня возила сестра.

- Скажите, пожалуйста, как сложились судьбы клана Бейвелей?

- Моя дочь как-то сказала: такое впечатление, что Господь хранил Бейвелей. Эпоха была такая - никого не щадила. Я не говорю, что она была совсем плохая. Было много хорошего, особенно после 50-х годов. Теперь нам стало ясно, что образование и промышленность у нас были на очень высоком уровне. Не говоря о культуре и нравственности. А колбаса... Это важно, но это не первый показатель.

Господь хранил Бейвелей. Иначе не скажешь. Начиная с Александра Францевича. Ведь он встречался со Столыпиным, с Колчаком. Правда, не был политиком и никогда не претендовал на это. Он занимался врачеванием и хозяйством. Не потому ли репрессии его не коснулись? Анна Васильевна тоже не была репрессирована. После смерти деда в Копейске она уехала в Москву, а затем к дяде в Липецк.

Со своим старшим сыном Георгием Александр Францевич очень возился как с врачом, и это, видимо, дало свой результат. Георгий Александрович всю жизнь работал врачом, сначала долгое время в Копейске, потом переехал в Липецк. Врачом же служил на фронте во время войны. Умер своей смертью.

С папой иначе: он пострадал от репрессий. Он был сослан на Дальний Восток, потом под Воркуту, в район Магадана. Выжил, но за эти шесть или семь лет изменился до неузнаваемости. Я сужу по фотографиям. Те годы отец не любил вспоминать. Единственное, что я помню, он рассказывал маме, что самыми страшными следователями были, к сожалению, женщины. Он очень любил маму, всегда уважительно относился к женщинам, но сказал именно так: на допросах женщины получали удовольствие от издевательств.

Дядя Кирилл родился в 1915 году в Челябинске. После смерти Александра Францевича переехал в Москву, к моему отцу. Дядя Кирилл экстерном закончил Московский инженерно-строительный институт и пошел на фронт сапером. Потом был переводчиком. Войну закончил под Берлином. В Германии у него появилась жена и родилась моя двоюродная сестра Аня. Она

приезжала в Москву, но позже мать вывезла ее обратно в Германию. Там она и живет. Часто приезжает в Россию, считает ее своей второй родиной, почти без акцента говорит по-русски.

Дядя Кирилл был удивительным человеком. Папа написал стихотворение, в котором сравнивал своих братьев и сестру с цветами. Самый младший - Кирилл - это колючая роза. Красивая, но колючая. Это был человек с крепким стержнем. Уже в те годы он моржевал. И у проруби я видел, что значит воевать сапером: все тело его было иссечено осколками. По субботам или воскресеньям он ездил на пруды. Или около дома обливался водой из ведра. Однажды он вышел за порог, облился, а на двери захлопнулся замок. Было раннее утро, и он минут десять не мог достучаться до кого-нибудь...

Дядя Кирилл был заядлым туристом, фотографом. Много путешествовал пешком по Подмоскovie. Он был очень гармонично вписан в природу. Дожил до старости.

Герман Александрович был как-то от нас удален. Я его помню как человека с юмором.

По профессии он был военным моряком. Очень красивым - в форме, с кортиком. Служил на Северном флоте, в годы войны - тоже. В последние годы жил в Миассе.

- И была у дедушки дочь Евгения...

- Да, Евгения Александровна Котельникова. Она жила в Ленинграде со старшим сыном Константином. Перед войной родился второй сын - Марк. А младший сын, Григорий, приезжал со мной в Челябинск на юбилей города. Евгения Александровна с семьей чудом выехала из Ленинграда по «дороге жизни» на Алтай. Она скончалась через некоторое время после папы.

- А каково ваше потомство?

- У меня две дочери. У Дарьи в прошлом году родилась дочь, моя внучка Мариночка. Младшая дочка, Юлия, студентка, сейчас учится в МИИТе. Она продолжит профессию строителя. Внуков пока нет. А хотелось бы сохранить фамилию ...

- А вы? В комсомол вступали?

- Вступал.

- А в партию?

- В партию не вступал.

- Сознательно?

- Дело тут такое. Когда после демобилизации я пришел в институт, то какое-то время перед поступлением в аспирантуру был комсоргом. И когда возраст подошел, меня выдвигали кандидатом в члены партии. Я не сопротивлялся, но особо и не рвался. Меня больше интересовали научные дела. Что-то помешало вступить в партию.

- Но вы сознавали, что советский строй был несправедлив к вашим предкам?

- Да не советский строй... Понимаете, в нашей семье никогда не было никакой ненависти или, не дай Бог, чувства мести. Речь шла о каких-то отдельных личностях, всем известных.

- Понятно. Как я предполагаю, ваш дед имел склонность к предпринимательству. А вы?

- Я сейчас веду лабораторией, и моя работа в какой-то мере соприкасается с предпринимательством. Торговлей не занимался. Но в годы перестройки приходилось как-то зарабатывать на жизнь не только по специальности.

- Вы - собственник?

- У меня есть шесть соток. Там - небольшой домик. И квартира.

- Автомобиль?

- Автомобиля нет. О чем не жалею.

- Александр Саввич, давайте подытожим: какова судьба французской семьи в России?

- Сейчас Россия - фактически наша историческая родина. Ведь мой прадед носил имя покровителя Парижа и жил в самом его центре. И судьба занесла его в Россию. А нашу семью - на Урал. Прадед шесть лет доказывал свое право преподавать в школе. Было непросто, конечно. А дед уже чувствовал себя свободно и развернулся в полной мере. Я думаю, перед ним

национальная проблема не стояла. Мало ли в России выдающихся людей разной национальности? Пожалуй, больше, чем в иных странах.

- Я вижу у вас на тумбочке иконки.
- Да, одна Смоленской Божьей Матери, вторая - Спасителя.
- Вы человек верующий.
- Я человек верующий.

Александр Бейвель родился в 1950 году в Москве. Закончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. После службы в армии пришел в Центральный научно-исследовательский институт транспортного строительства, где работает по сей день. Закончил аспирантуру, защитил диссертацию. Участвовал в создании мостов через Ангару в Иркутске, через Волгу в Тольятти (по плотине ВоГЭС), через Волгу же в Саратове, через Оку в Кашире, практически всех мостов на Московской кольцевой дороге и ряда мостов на кольцевой дороге вокруг Петербурга, мостов на новой автодороге Чита - Хабаровск.

Автор свыше 50 научных статей, нормативных документов и изобретений. Его имя внесено в Российскую архитектурно-строительную энциклопедию.

Челябинск вспомнил и почтил память Александра Францевича Бейвеля. То, что вспомнил и почтил, - похвально. Так поступают только хорошие города. Было что вспомнить, есть за что почтить. Правда, это произошло через сто лет. Что ж, тем более похвально: и через сто лет не забыт. Впрочем, может быть, Челябинск только то и сделал, что еще раз подтвердил всеобщий закон истории: заслуги не забываются. Если кто-то, например, Александр Францевич Бейвель, когда-то имел заслуги перед людьми как лучший городской голова, то и через сто лет забытья найдется кто-то, например, какой-нибудь Владимир Боже, который отыщет, откопает, извлечет из небытия свидетельства прошлого и не отстанет от современников, пока они не проникнутся правдой о предшественнике и не воздадут ему по справедливости.

И то сказать, какая личность, какая биография, какая судьба...

Дело не в том, чтобы покрыть лаком жизнь А.Ф. Бейвеля. Дело в том, что у справедливости свой «товарообмен»: заслужил - воздай. Он - людям, люди - ему. Несмотря ни на что.

Может быть, Челябинск еще и потому вспомнил о своем голове, что время Бейвеля и наше время - близнецы. Тогда и теперь - начало века, тогда и теперь - буйное вхождение в капитализм, тогда и теперь - биржи, кредиты, подряды, тогда и теперь - строительный бум, тогда и теперь - преобразование улицы Уфимской или Кировки, тогда и теперь - выборные хитросплетения, неистовые обогащения, общественные продвижения неизвестно куда.

Очень похоже на то, что мы продолжаем Бейвеля. Мы все - его родственники, и сроднила нас неумолимая история.

<http://mediazavod.ru/articles/daily/obshchestvo/28220/>

Майоровка Карла Майора

Юрий Попов, краевед

27 февраля 2015

Немецкая колония Майоровка была образована 27 ноября 1909 года на переселенческом участке Улькенталдысай-1 и отнесена к составу Рождественской волости Акмолинского уезда. В Рождественскую волость входили села с немецким населением – Рождественское, Романовское, Преображенское и Майоровское. На первое января 1914 года в Рождественской волости 415 дворов и 3143 жителя. Часть крестьян вступила в Потребительское общество.

В урочищах Улькенталдысай-1 и Улькенталдысай-2 изыскания на грунтовые воды велись в 1907 году гидротехником Романовым на средства земства. Несколько скважин и колодцев дали

положительные результаты на водные ресурсы местности. После этого стали прибывать новоселы. Названо село в честь одного из активных инициаторов переселения немцев с берегов Волги на берега Нуры Карла Андреевича Майора, 1861 г.р. В многодетной семье выделялся сын Карл Карлович, 1888 г.р. На новом месте родился в 1912 году внук Александр Карлович. Семейную фотографию Майоров мне подарил правнук Карла Карловича Давид Эккерт (Германия, г. Берлин). Она выполнена примерно в 1914 году. У стены дома пятнадцать человек, в том числе пять подростков.

По ряду данных, крестьяне прибыли из Саратовской губернии, Мариентальского и Эрленбахского кантонов, где жили в селах Мариенталь, Эрленбах, Розенберг, Унтердорф, Александерталь. Рядом обустраивались украинские села Ефремовское и Батуриновское. Ближайший врачебный пункт в Акмолинске за 80 верст, ближайшая школа за пять вёрст.

Крестьянам отвели 7646 десятин земли. По другим данным, выделили 9066 десятин, из них 6530 считались удобными; земельных душевых долей – 515. В 1911 году население достигло 765 человек.

Мелочную торговлю вели Иоганн Вуккерт и Яков Вазема. Карл Гертер построил маслобойку. В 1912 году в Майоровке проживают 152 семьи и 863 человека. Земли у новосёлов 8809 десятин.

Сельский ревком создан в Майоровке 13 декабря 1919 года, его членами были И.А.Бельш, А.А.Манвейлер, Г.Г.Кнауб. Избран состав сельской милиции: К.Я.Лейман, К.Ф.Кох, Вебер.

В 1921 году население достигло 1100 человек, в селе было 158 дворов. В школе первой ступени два учителя обучали 75 детей. Среди известных односельчан: Карл Кох, Карл Лейман, Готлиб Шварц, Андрей Кнауб, Александр Манвейлер и Иоганн Падер.

9 октября 1923 года всё тот же неутомимый К.А.Майор обратился в Акмолинское земельное управление с заявлением. Он решил построить водяную мукомольную мельницу. Было дано согласие на ее строительство в урочище Шатыр.

С 26 сентября 1923 года Майоровка вошла в состав Черниговской волости, которая объединяла шестнадцать населённых мест: Киевка, мельница Сулова, хутор Черемиса, Бала Кундузды, Скобелевское, Ивановское, Богучарское, Батуриновское, Морозовское, Ефремовское, Кумдыколь и другие.

В неурожайный 1923 год жители Майоровки заговорили об отъезде в Поволжье. Однако решились на этот шаг всего несколько семей. С собой забрали не только пожитки, но и живой скот. Несмотря на сложности с продовольствием в селе, создаётся добровольное общество друзей воздушного флота. Крестьяне жертвуют зерно, картофель, сало. На этой основе соревнуются с

земляками из села Рождественского, где выделяются крестьянские хозяйства Розена, Крамера, Вебера, Ланга, Штейнгауэра, Зеслера, Лиса.

Коммунистическая ячейка в Майоровке берет начало с 1924 года. Заявления о приеме подали Генрих Кнауб, Иоган Грефенштейн, Иоган Криттель и весовщик на мельнице Фридрих Буксбаум, наиболее активный среди них.

Постановлением Президиума ВЦИК от 3 сентября 1928 года был создан Акмолинский округ. В нем наметили 15 районов. Майоровка в составе Черниговского сельсовета вошла в Революционный район с центром в городе Акмолинске. Г.Г.Кнауб в 1928 году был введен в состав Акмолинской окружной КК РКП(б).

Но 23 июля 1930 года Акмолинский округ ликвидирован. Часть районов была укрупнена за счет объединения Промышленного и Революционного районов. Возник Нуринский район. С тех пор село Майоровское является его постоянной административно-территориальной единицей.

По данным В.Ф.Дизендорфа, в 1925 году в селе открылась начальная школа. Число жителей на этот период составляло 1100 человек.

В июле 1929 года хозяева 32 дворов села Майоровка решили объединиться в артель «Надежда» и поселиться на новом месте, в 12 километрах от села. Новый посёлок назвали Нойдорф. На логу Талдысай в октябре 1929 года соорудили плотину длиной 205 метров, высотой 4,3 метра.

На 15 сентября 1933 года колхоз «Надежда» возглавил А.Вегнер. В правление входили Давид Гердт, Давид Гольцварт, Яков Гердт. Бригадирами работали Егор Генрих и Генрих Зейферт. Председателем сельсовета трудился Егор Зейферт, секретарём – Яков Руди, потом Яков Майор.

В декабре 1934 года колхоз «Надежда» переименован в колхоз им. С.М.Кирова. Избрано правление в составе Якова Герта, Ивана Бауэра, Давида Гольцварта, Ивана Вегнера, Готлиба Вайцеля. Ревизионная комиссия: Яков Руди, Давид Шрайдер, Карл Генус.

Наконец, назову имена жителей, входивших в состав участковой избирательной комиссии: Г.Ф.Зейферт, Г.Г.Класс, И.Ф.Ейде, И.А.Вегнер, Я.Ф.Руди, П.Л.Егель.

В 1937-1938 годы степное село пребывало в страшном горе. Местные чекисты село Майоровку обозначили как «вражеское гнездо». Арестованных увозили в Караганду, где их помещали в тюрьму «под зеленой крышей». Судебная тройка решала дела быстро и беспощадно. Из Майоровки к высшей мере наказания – расстрелу – приговорили более 20 немцев. В алфавитном порядке чисто немецкий майоровский мемориал выглядит так: И.Ф.Бауэр, 1906 г.р., А.Ф.Вебер (1898), Д.Г.Вебер (1890), И.А.Вегнер (1905), Г.Г.Вейцель (1896), Ф.Ф.Гердт (1867), Д.Ф.Гердт (1888), Я.Г.Гердт (1895) – председатель колхоза, Д.А.Гольцварт (1883), Я.Ф.Долингер (1907), Г.Ф.Зейферт (1903) – председатель сельсовета, Г.Г.Кенеф (1880), Г.Г.Класс (1886) – сторож, А.К.Майор (1912), Г.Я.Мейер (1916), Е.Ф.Фельде (1884), Ф.Ф.Фельде (1905), Д.Д.Филиппи (1913) – тракторист, Д.Д.Шмидт (1898), Г.Е.Шнейдер (1896), Д.Е.Шрайнер (1898), Я.Я.Эртман (1893).

Решил перепроверить свои находки. Написал в Майоровку. Ответил Мелкон Левонович Давидьян. Он сообщал: «Работой о лицах, репрессированных в 30-50-е годы, я стал недавно заниматься. Уже установил, что жителей села Майоровка было арестовано в 1937-1938 годах 28 человек. Домой из них никто не вернулся. Прилагаю список этих людей. Они все немецкой национальности: Андрей Кенф, Иван Краус, Готфрид Шнейдер, Андрей Зейферт, Давид Шрайнер, Готлиб Вейцель, Фридрих Гердт, Кондрат Лир, Иван Бауэр, Иван Вагнер, Карл Вагнер, Александр Майор, Александр Вебер, Адам Штеле, Яков Гердт, Д.Шмидт, Генрих Класс, Егор Фельде, Яков Далингер, Гольцварт Давид, Яков Гер, Давид Гольцварт, Давид Гердт, Давыд Филиппи, Иван Руди, Яков Эрдман, Давид Вебер, Готфрид Майер, Иван Пфенинг».

Далее Мелкон Левонович указал, что эти люди реабилитированы, но реабилитация произведена только в 1989 году. Приложил несколько справок и адреса детей.

«Постановлением НКВД и Прокуратуры СССР от 29 августа 1938 года Фельде Егору Федоровичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания – расстрел. 18 сентября 1938 г. постановление приведено в исполнение... 17 июня 1989 года Фельде Егор Федорович реабилитирован...»

«Постановлением Тройки при УНКВД по Карагандинской области от 29 сентября 1938 г. Филиппи Давыду Давыдовичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания – расстрел. 13 октября 1938 г. постановление приведено в исполнение. 29 июня 1989 г. Филиппи Давид Давыдович реабилитирован».

«Постановлением Особой Тройки при УНКВД по Карагандинской области от 13 октября 1938 г. Шрайнеру Давиду Ермиясовичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания – расстрел. 20 октября 1938 г. постановление приведено в исполнение. 6 июня 1989 г. Шрайнер Давид Ермиясович реабилитирован».

«Постановлением комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 29 августа 1938 года Гердту Давиду Генриховичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания – расстрел. 29 августа 1938 года постановление приведено в исполнение. 7 июня 1989 г. Гердт Давид Генрихович реабилитирован...».

«Постановлением комиссии Прокуратуры СССР и НКВД СССР от 8 января 1938 года Гердту Якову Генриховичу за участие в антисоветской организации определена высшая мера наказания – расстрел. 3 февраля 1938 года постановление приведено в исполнение. 27 июня 1989 г. Гердт Яков Генрихович реабилитирован».

«...Вы просите подробно рассказать о моем отце Гердте Якове Генриховиче.

Я его сын – Александр Яковлевич, 1927 года рождения. Отец 1895 года рождения, родился в Поволжье. Приехал в село Майоровка в 1912 году. До революции работал как все, имел свое хозяйство. В войне 1914 года не участвовал, так как был младшим в семье и остался при родителях. Коллективизацию принял активно, работал бригадиром, председателем сельсовета. В 1933 году его избрали председателем колхоза. Отец был первым коммунистом в селе. В декабре 1937 года его арестовали, как многих других, как «врага народа».

У матери осталось семь детей, но вскоре двое детей умерли от голода. Мать умерла в 1979 году, так и не узнав о судьбе своего мужа.

Война. Старший брат Генрих, 1915 г. р., был в трудармии с 1942 по 1953 год. Сестра Мария, 1922 г.р., в трудармии была с 1942 по 1946 год.

Остальные трое работали в Майоровке в колхозе. Я стал колхозником в 12 лет, сестра Амалия с 13 лет и брат Давид тоже с 13 лет. Я работал 38 лет механизатором, из них 29 комбайнером. Имею два Ордена Трудового Красного Знамени, шесть медалей, много разных грамот.

Я женат на Фриде Давидовне, имеем пять детей. Все уже самостоятельные. Мы, дети и внуки Якова Генриховича, всегда хорошо работали в «Урожайном». Хотя и поздно, но отец реабилитирован, мы как-то успокоились. И все же хочется знать, где расстреляли отца...».

«Постановлением Особой Тройки при УНКВД по Карагандинской области от 13 октября 1938 года Вейцель Готлибу Готлибовичу за участие в контрреволюционной организации определена высшая мера наказания – расстрел. 20 октября 1938 года постановление приведено в исполнение. 29 сентября 1989 года Вейцель Готлиб Готлибович реабилитирован».

«Отец родился 25 декабря 1896 года в селе Умейт Саратовской губернии. Мать, Миллер Амалия Христиановна, родилась в селе Франкрайх той же губернии. Отец жил в Майоровке с 1912 года, а мать в селе Долинка под Карагандой.

Поженились они в 1917 году, создали семью, родили девять детей. Старший брат Готлиб умер в Челябинске в трудармии в 1943 году. Другой, Александр, тоже состоял в трудармии в Челябинске с 1942 по 1947 год. (Выделение автора-составителя) Еще один брат

Андрей проживает в Караганде. Брата Готфрида уже нет в живых. Три сестры - Мария, Лидия и Амалия на пенсии.

Я работаю шофером в «Урожайном». Родился в 1936 году, стал трудиться с 1948 года, Был погонщиком, закончил курсы трактористов, служил в армии. Вернулся домой, женился, имею троих детей, все с высшим образованием.

У жены отец Шрайнер Давид Ермиясович, 1898 г. р., тоже репрессирован. Он родом из села Бекермуттер. В Майоровке с 1909 года. Отец и тесть работали в колхозе до ареста. Отец счетоводом, а тесть в пимокатном цехе. С ними арестовали и соседа Шмидта Давида, ветеринара. В чем обвинили наших отцов? Это я понял, читая журнал «Огонек». Сталин старался убирать лучших. Нелегко было и нам, детям «врагов». В детстве спал на соломе. Налог на корову – 10 кг топленого масла, 50 кг мяса. Денежные займы на нас размещали по 2-3 тысячи рублей. На трудодни мало что получали. Летом жили в бригадах, а осенью делали перерасчет, и оказывалось – ты в долгу перед колхозом... С уважением, Давид Готлибович Вейцель».

Вот такие факты из прошлого села Майоровка, судеб его жителей мне удалось собрать.

Публикация свидетельств имеет только одну цель - публично назвать имена безвинно пострадавших людей. Пусть все знают, что это были честные, трудолюбивые люди. После войны на спецпоселение в Челябинске оказались К.Я.Вамбольдт, А.А.Вебер, А.А.Гердт, В.А.Гердт, П.А.Гердт, Д.Ю.Финк.

С 7 июля 1954 года Майоровка – центр Кировского сельского совета, с 1961 года – центральная усадьба совхоза «Урожайный», созданного на базе колхоза им. С.М.Кирова. Как сообщал мне в 1989 году председатель исполкома Кировского сельского совета А.А.Гетцель, в Майоровке проживало 1840 человек. Число дворов 490, приблизительно 1250 голов крупного рогатого скота. В посёлке было пять магазинов, намечалось строительство торгового центра. В средней школе типовой постройки обучались 416 учеников. В 1988 году построен детский сад на 180 мест. Не прекращал свою работу и ранее организованный детский сад. Всего дошкольные детские учреждения посещали 220 детей.

В посёлке три улицы, проезжая часть которых покрыта асфальтом и освещена, а также шесть улиц местного значения.

В 1988 году построена врачебная амбулатория, в 1989 году закончили строительство поселковой больницы на 20 коек. Создан фольклорный вокально-инструментальный ансамбль «Эрбе», который в мае 1989 года получил звание народного коллектива. 41 житель села Майоровка имел высшее образование.

В 1989 году в посёлке пересчитали долгожителей: Кулянда Тореханова (94 года), Екатерина Яковлевна Майнгард (92 года), Эмилия Ивановна Шрейнер (89 лет), Константин Иванович Шнонин (87 лет), Мария Егоровна Райт (85 лет), Мухарам Абдулаева, Берта Теофиловна Гомер (84 года), Амалия Карловна Кимбель (83 года), Лоя Ивановна Шпигерт, Кондрат Адамович Горн (82 года), Амалия Егоровна Лейман, Шарлотта Андреевна Вайцель (81 год), Майкен Мусина (80 лет).

Население села на 1 января 2006 года составило 1300 человек.

<http://deutsche-allgemeine-zeitung.de/ru/content/view/2604/66/>

Северный Павел Александрович, писатель, драматург

(27 сентября 1900 - 1981)

Павла Александровича Северного можно назвать человеком удивительной судьбы.

Еще в 20-е-40-е годы прошлого столетия русская эмиграция в Китае и во многих странах мира знала этого писателя. У нас в стране за ним закрепилось «звание» писателя- эмигранта». И

только в пятидесятые годы его узнали и на родине. Знают и в Верхнем Уфалее, где писатель родился. Но для многих читателей Южного Урала жизнь и творчество Северного будут открытием.

Оказывается, настоящая фамилия Северного – Ольбрих. Его отец барон Александр Викентьевич фон Ольбрих - потомок немцев, которые оказались в России еще в петровские времена. В конце 19 и начале 20 века он был известным на Урале горным инженером. Фон Ольбрих управлял чугуноплавильным и железоделательным заводом в Верхнем Уфалее (тогда еще поселке), когда в семье появился сын Павел. С 1903 года семья жила в разных местах Урала, где отец был управляющим заводами: Невьянским, Чермозовским, Баранчинским... Будущий писатель получил прекрасное домашнее воспитание, хоть и очень строгое. За провинность его наказывали тем, что ставили в угол коленями на горох. При этом он должен был читать Библию. Ко времени окончания Павлом Ольбрихом классической Пермской гимназии уже шла первая мировая война.

Павлу не было и 16 лет, когда он добровольцем пошел в армию. Ровесник века - Ольбрих пережил не только мировую войну, но и революцию, которую не принял. Во время гражданской войны после тяжелого ранения в екатеринбургском госпитале он узнал, что его отец остался на Урале, но в 1919 году его отца вместе с женой и дочерьми расстреляли. Это известие сильно повлияло на Павла. Он вступил в 7-ю уральскую дивизию Колчака. Госпиталь, где он лечился, оказался брошенным армией. Ольбрих сумел вывести друзей по несчастью, много дней с ними догонял колчаковское войско, которое отступало под натиском армии Блюхера на восток. Через Тавду, Омск, Красноярск, Иркутск... Много раз Павел был на волосок от смерти. Пережил сыпной тиф. Попал в плен к красным. Его должны были расстрелять, но ему чудом удалось бежать. Подробности этого побега Северный описал в рассказе «Гимн», не называя себя. Рассказ можно прочитать в челябинском издании «Русская Атлантида» (№44, 2012).

Самые страшные дни пережил юнкер Павел Ольбрих во время Великого Сибирского Ледяного похода армии Колчака через Байкал в январе-феврале 1920 года. Тогда от стотысячной армии осталось только 15 тысяч. И один из них будущий писатель. Он потом опишет все это в последнем своем романе «Ледяной смех», во многом автобиографическом. Автор очень узнаваем в образе поручика Вадима Муравьева. Почему роман так называется? Потому что до конца своих дней Павел Александрович помнил смех сходящих с ума людей, которые в темноте под завыванье выюги проваливались под лед. Позже он вспоминал: «Байкал для беженцев был той границей, которая... отсекала их от Родины, оставляемой ими ради неведомой неизвестности». И еще важны его слова: «А мне всех жаль, - и белых, и красных. Каждая сторона потеряла главное – Россию».

Павел Ольбрих оказался в Манчжурии. Потом в Китае. Некоторое время работал на КВЖД. В Харбине стал писателем. Первой у него была пьеса «Смерть императора Николая» (1922), она с успехом прошла в Харбине, Владивостоке. Следующей была книга «Только мое, а может быть, и Ваше», посвященная Александру Колчаку - ученому, флотоводцу, Верховному правителю Сибири, человеку. Тогда Павел Александрович Ольбрих впервые назвал себя Северным. Наверное, не случайно. Уж очень он тосковал в эмиграции по северным уральским краям, по Каме, тайге. Потом фамилия Северный стала семейной.

В Харбине жизнь не устраивала Павла Ольбриха. На переезд в Шанхай, в то время центр культуры, денег не было. Тогда писатель совершил пеший переход с севера Китая на юг. Больше двух тысяч километров он шел десять месяцев, не зная языка! Рекомендательные письма на китайском языке и уважение людей давали ему везде приют. У Павла Ольбриха был еще и талант художника. По дороге он делал зарисовки бытовых сценок. Позже многое, что он пережил, шагая по китайским дорогам, войдет в книгу «Фарфоровый китаец качает головой».

С 1933 года Павел Северный жил в Шанхае. Состоял в «Обществе граждан СССР в Шанхае», работал редактором русскоязычной газеты «Новая жизнь» под патронажем генерального консульства СССР. Преподавал русский язык и литературу в университете ФУ-

ДАНЬ, в МИДе Китая переводчиком с русского языка. Писал книги: «Тургеневская сказка», «Ветер с Урала», «Туман над Камой», «Лики неповторимой России» ... В Китае издал 18 книг. Он был членом общества «ХЛИАМ» (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты), дружил с большими художниками русскими и китайскими. Лучшие художники иллюстрировали его издания. Главной в его произведениях была Россия, ее история, люди, природа. Особое место всегда у писателя занимал Урал. Во многих странах книги Северного хорошо знали. У нас в стране белоэмигранта Северного не печатали.

Павел Северный бывал в Японии, Индии, Индокитае, Гонконге, Европе. В Париже изучал документы, переписку Пушкина и Натальи Гончаровой. О жене Пушкина написал роман «Косая мадонна». Позже Павел Александрович не раз возвращался к этому роману. Он очень бережно описал семейную жизнь поэта. И сегодня эта книга интересна читателям.

В Париже молодой писатель нашел себе красавицу-жену. Тамара Купер, дочь крупного торговца пушниной, по образованию врач-косметолог, училась в Берлине, Париже. Обвенчались они в Шанхае. Сын писателя – Арсений Павлович писал: «У меня были потрясающие родители...». Их особняк в Шанхае принимал замечательных людей, с которыми дружила семья Северных: артистов, художников. Писатель знал Рабиндраната Тагора, Николая Рериха, Вертинского, Сергея Лемешева, правнука С.Т.Аксакова – композитора С.С.Аксакова. К приезду знаменитого певца Федора Шаляпина в Шанхай (1936) Павел Александрович поместил в шанхайской русскоязычной газете стихотворение «Ему», посвященное русскому певцу. Шаляпину оно очень понравилось, и он пригласил Северного на свои концерты, а потом и подружился с ним. Стоит прочитать рассказ Северного «Руки Шаляпина», чтобы убедиться, какой яркий и необычный портрет певца создал Северный. И сам Павел Александрович принимал участие в спектаклях театра Лайсеум.

Сын Павла Александровича Арсений (1939 года рождения) учился в Шанхае в советской школе, где могли учиться дети только граждан СССР.

33 года эмиграции Павла Александровича не покидала мечта о возвращении в Россию, к родным местам. «Я проехал вокруг света и уверяю, лучше нашей России, Русского Севера, земли нет. Одна березка под моим окном дороже всех экзотических стран». Он знал, что возвращение опасно. Эмигранты, вернувшиеся в союз в 40-х годах, попадали в лагеря. Северные вернулись только в 1954-м, после смерти Сталина. Им разрешили вывезти книги, рукописи, предметы искусства. Но часть архива, писем, фотографий было опасно вывозить, пришлось что-то уничтожить. Семью Северных и другие семьи, вернувшихся с ними в СССР, привезли в Чкаловскую область (теперь Оренбургскую), поселили в степном совхозе Бурлыкский, на ферме №1, что в 150 километрах от Оренбурга. Цивилизацией в поселке и не пахло. По ночам выли волки. Перед отъездом из Шанхая Павел Александрович перенес тяжелую операцию и не мог работать в совхозе. Профессия жены – косметолога не вписалась в деревенскую жизнь. И только их четырнадцатилетний Арсений вместе с другими подростками работал на току, а по ночам прирабатывал прицепщиком на тракторе.

Северному обещали работу библиотекаря в сельской библиотеке, где было 200 книг. А он привез домашнюю библиотеку в три тысячи томов! И ту работу не дали. Чудом Павлу Александровичу удалось отправить письмо в Москву Министру иностранных дел СССР Молотову. Его знакомый опустил это письмо в почтовый ящик в Свердловске. Через две недели из Кремля пришел ответ с назначением Северного техническим редактором в Чкаловское областное издательство. Там появилась его первая детская книга в нашей стране: «Топтыгин с Косью» (1956). Это одно из лучших его произведений для детей. Прекрасное описание уральской природы, людей, которые умеют жить в этой природе, трагическая судьба прирученного человеком медведя... Позже выйдут и другие детские книги Северного: «Синий пояс», «Шумит тайга Манчжурии» (Москва, Детгиз, 1960).

Не прост был путь семьи Северных из Чкалова в Подмосковье. Жена Павла Александровича, прекрасно владеющая английским, французским, немецким языками, экстерном окончила московский институт иностранных языков. Ее пригласили работать в штабе Всемирного фестиваля молодежи (1957). После фестиваля Тамаре Александрове разрешили преподавать языки в Москве, но не дали прописки, как эмигрантке. Она жила в столице нелегально и очень рисковала. Ей удалось с трудом прописаться в Подольске и в 1958 году «перетащить» туда семью. Павел Александрович работал директором подольского городского парка, потом руководил кинотеатром, получил небольшую квартиру. В Подольске продолжал писать для взрослых и детей, но клеймо белого эмигранта очень мешало ему. Урезали тиражи его книг, сокращали сами произведения, платили половинный гонорар как не члену Союза писателей.

В Подольске Северный закончил самое значительное свое произведение - трилогию - «Сказание о старом Урале» («Рукавицы Строганова», «Куранты Невьянской башни» и «Камешек Ерофея Маркова»). Больше полутора тысяч страниц! Гигантский труд. Работа с архивами, народными преданиями. Это история Урала, начиная с времен Ивана Грозного (2-я половина 16 века) и заканчивая Демидовскими временами. Каторжный труд уральских рабочих, их быт, их чаяния, несметные богатства тех, кто владел заводами, рудниками... В книге «Камешек Ерофея Маркова» Северный рассказывает историю открытия золота на Урале. В 60-70-е годы прошлого века трилогия была очень известна. Сын Павла Александровича вспоминает, что тогда писатель получал мешки писем от читателей. Сейчас, к сожалению, многие не представляют значимости этого вклада в уральскую историю и краеведение. За эту книгу Павла Северного приняли в 1966 в Союз писателей СССР.

Последней изданной книгой при жизни писателя была «Ледяной смех». Он успел подержать ее в руках и в очередной раз огорчиться – роман был почти наполовину сокращен.

В 1971 году Павел Александрович похоронил жену. Он очень тяжело пережил потерю. Через десять лет 12 декабря 1981 года и сам ушел из жизни. Его дом в Подольске отмечен мемориальной доской.

Сын Павла Александровича - Арсений Павлович очень многое делает, чтобы отца и его книги помнили. Он объездил много городов с рассказами об отце: Владивосток, Уфа, Екатеринбург, Уфалей, Оренбург... Бывал и в Шанхае. К сожалению, родители далеко не все могли рассказывать сыну, многое было уничтожено: архивы, письма, фотографии. Сын вспоминает, что отец плакал, когда рвал письма Рериха, Шалапина. Только два письма Николая Рериха к отцу тогда еще мальчишке Арсению удалось спрятать и привезти через границу. Отрывок одного из них стоит привести:
«Дорогой мой,

Сердечно благодарю Вас за книги Ваши, посвященные Пушкину и Тургеневу. Прочел их с большой радостью, ибо такие характеристики наших великих людей, по моему мнению, совершенно необходимы. Помимо отличного слога, Вы умеете так бережно выявить все прекрасные стороны великих характеров, что для молодого поколения Ваши книги будут вехами...» (26 января 1937г.)

Арсению Павловичу удалось восстановить число написанных отцом книг. Их 154! К сожалению, далеко не все издано. Часть рукописей утеряна. Теперь известно, что в 83-х библиотеках мира есть 193 экземпляра книг Северного, изданных в Китае (данные за 2010 год). Там он до сих пор считается своим. Арсению Северному удалось издать и переиздать 35 произведений своего отца. Только в последние годы в Москве, Екатеринбурге, Подольске появились «Ледяной смех», «Андрей Рублев», «Сказание о старом Урале», «Косая мадонна», которая в Екатеринбурге в 2011 году названа книгой года, лучшим изданием для юношества.

Арсений Павлович передал Объединенному музею писателей Урала в Екатеринбурге 17 произведений отца, среди них неопубликованный рассказ, написанный в 40-е годы в Шанхае, «Чусовая стынет». Его напечатали в журнале «Урал» (2014, №5). Этот рассказ - еще одно

доказательство того, как хорошо автор знал Урал, его природу, его людей. В нем яркие характеры уральцев: и молодых и стариков. Одна сцена «дуэли» с кнутами старика Дорофея и молодой татарки убеждает в том, как талантлив писатель, как ярок и народен его литературный язык. Рассказ предваряет предисловие, где коротко говорится о судьбе Павла Северного.

Есть договоры с издательствами об изданиях в Оренбурге романа «Разгневанный гнев» и в Екатеринбурге - «Сказание о старом Урале».

В 2013 году не без инициативы Арсения Павловича в Оренбурге издали книгу «Невьянский сундучок», где впервые собраны произведения Северного для детей и подростков. В основном эти произведения издавались в середине 20 века в Шанхае и Чкалове, а некоторые публикуются впервые. Книга издана с большой любовью. Это - настоящий подарок для детей: сказка, повести, рассказы: «Синий пояс», «Топтыгин с Косью», «Про беличье царство Векшин Посад»... Они напоминают произведения для детей Мамина-Сибиряка, Бажова. Удивительны у него слова о природе Урала, хотя знаком он был с нею только в детстве и ранней юности. Посвящение сыну Павел Александрович написал, когда тому было еще 6 лет. «Сундучок» вышел в Оренбурге благодаря участию президента благотворительного фонда «Евразия» Игоря Храмова и оренбургского мецената Александра Митаревского. На презентацию книги весной 2013 года Арсений Павлович приезжал в Оренбург.

О книге хорошо отозвалась «Литературная газета» (2013, №42): «...Очень хорош, фактурен сбереженный архаичный язык Северного, тонки и наблюдательны описания природы, мудры, полны достоинства старики, добры и прилежны их внуки...».

Как много делает Арсений Павлович для того, чтобы люди знали творчество его отца, достаточно прочитать отрывки из двух его последних писем автору этой статьи:

«Хочу поделиться с Вами очень приятным известием. Гавайский университет получил скан первой папиной книги 1922г. «Последние дни императора Николая второго». Их в мире всего две: одна в Китае, а другая в США (на микрофильме). Может, в литературном смысле она слаба, но папа написал, когда ему было 22 года и сразу после тяжелого, великого, ледяного перехода через Байкал и от всего сердца.

Вот чем она ценна для меня. Я очень горд, что выполнил свой сыновний долг перед папиным творчеством.

Вы даже не представляете, сколько трудов мне это стоило, «Умом Россию не понять». Но собрал все папины книги, изданные в Китае!»(24.5.2014).

«...Я был в шоке, когда получил скан пьесы из Америки. Это оказалась РУКОПИСЬ, написанная папиной рукой... Радости нет предела! Столько десятков лет она пролежала в маленькой русской эмигрантской библиотеке при монастыре под Нью-Йорком в микрофильме. Получается, в мире есть всего одна книга в Китае!» (30.5.2014).

Арсений Павлович Северный приезжал в Верхний Уфалей в 2005 году, когда исполнялось 105 лет со дня рождения его знаменитого отца. Для небольшого уральского города это было событие. В Уфалее сохранился дом, где родился Павел Северный. Этот дом сдал в аренду управляющему заводом Александру Ольбриху богатый уфалейский купец Прохоров. Сейчас это первый этаж хлебозавода. В городском музее есть хорошая экспозиция, посвященная писателю, восстановлен его кабинет. В центральной городской библиотеке собран полный материал о жизни и творчестве Павла Северного.

Автор этой статьи благодарен тем, кто помог узнать о жизни и творчестве Павла Северного: сыну писателя Арсению Павловичу – москвичу, другу семьи Северных - оренбуржцу Александру Владимировичу Митаревскому, который тоже вернулся в Россию из Шанхая. Они помогли представить, каким был Павел Александрович: красивым человеком, с аристократическими манерами и достоинством, природным артистизмом и человеческим обаянием.

Большая благодарность историко-краеведческому музею, центральной городской библиотеке Верхнего Уфалея, краеведу Валентине Александровне Черных за внимание к судьбе и творчеству писателя Павла Северного.

Этот человек достоин того, чтобы его знали и помнили.

Н.Капитонова

Нам помогали строить социализм

Немецкий архитектор Май и жилищная программа СССР в 1930-е

21.09.2015

Известный немецкий проектировщик Эрнст Май приехал в СССР в 1930 году, чтобы строить новаторские города. По его плану себестоимость 1 кв. м в них была около 1000 руб. Нищий СССР смог выделить только 100 руб. за метр. В итоге немцы, исходя из такой суммы, решили возводить в советских городах при заводах бараки.

Эрнст Май приехал со своей группой немецких проектировщиков в СССР для того, чтобы проектировать и строить новые промышленные города. В Европе в это время проблема массового жилья для рабочих была центральной проблемой архитекторов. В Германии – особенно. Она решалась самыми разными способами, в том, числе и теми, которые прославили Мая, построившего во Франкфурте множество новых жилых посёлков.

Но и в Германии, и в других европейских странах, новое рабочее жильё было индивидуальным. Прорабатывались разные варианты минимальных экономичных квартир на одну семью и способы соединения их в комплексы.

В Советском Союзе само понятие «рабочая квартира на одну семью» было выведено из употребления ещё в 1929 году, до приезда Мая. Капитальные каменные дома для рабочих, которые в 1930-31 годах проектировал Май в Магнитогорске, изначально, согласно программе, должны были быть коммунальными. Официально, рабочих с семьями должны были селить в эти дома по норме в 6 кв. м, которая заведомо исключала посемейное расселение. Даже санитарная норма в 8-9 кв. м, ещё недавно иногда упоминавшаяся в прессе и официальных документах, не давала возможности селить одну семью в квартиру.

(Эрнст Май в Сибири)

В Магнитогорске же при Мае расселение в деревянные бараки шло по норме 3,5 кв.м на человека (при средней обеспеченности меньше 2 кв.м), и никаких шансов, что заселение каменных домов будет происходить иначе, не было.

Плачевная экономическая ситуация в СССР не оставляла никаких надежд на решение жилищной проблемы – масштабы государственного финансирования строительства жилья были ничтожны, а требования к качеству жилья снижены до самого нижнего предела. Дома Мая в Магнитогорске будут сдаваться и заселяться без водопровода, канализации, кухонь, а в некоторых случаях даже без внутренних перегородок.

Правительство СССР непрерывно требовало удешевления жилого строительства. В частности, 4 марта 1931 года вышло постановление СНК РСФСР о лимите средней стоимости жилой площади. Для России стоимость кв. метра ограничивалась 102 рублями. Если учесть, что расчётная стоимость каменных домов Мая должна была составить 198 рублей за кв. м, то вдвое меньшая стоимость означала резкое плановое ухудшение качества жилья по стране в целом. Поскольку в это время строилось ещё и некоторое, хотя и минимальное, количество благоустроенного жилья для привилегированных слоёв общества (в Магнитогорске в 1930-31 годы – 10% от общей построенной жилой площади), то реальная средняя стоимость массового жилья оказывалась намного меньше, на уровне 90-92 рублей за кв. м. В Магнитогорске же фактическая стоимость бараков, в которые расселяли рабочих, составляла тогда 40-50 рублей за кв. м. Только часть из них была комнатными, остальные – общими. Благоустройства (водопровода, канализации, кухонь) – никакого.

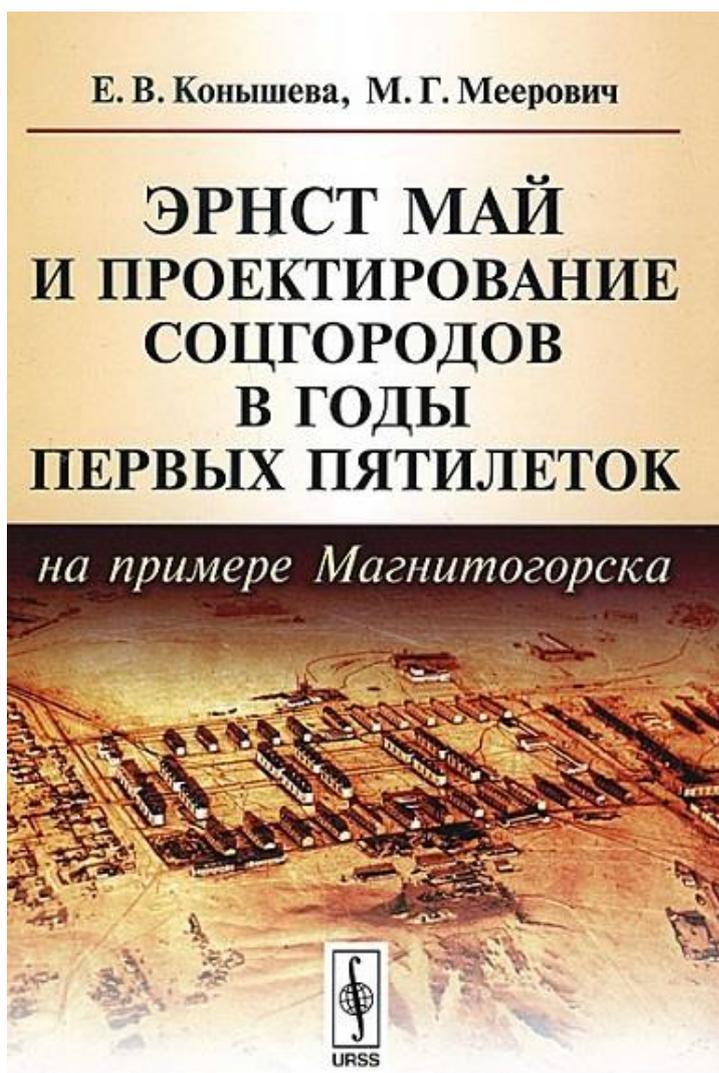

(Группа немецких проектировщиков во главе с Маем на работе в СССР)

Май надеялся убедить Сталина, что жилое строительство в новых промышленных городах должно быть более цивилизованным, и, следовательно, на него надо выделять больше денег. Он даже написал об этом письмо вождю СССР (которое осталось без ответа). Однако план строительства тяжёлой и военной промышленности, известный под названием «индустриализация СССР», предполагал снижение уровня жизни населения до физически возможного минимума и использование полученных таким образом ресурсов в промышленном производстве, что особенно ярко проявлялось в новых, построенных на пустом месте городах – таких как Магнитогорск.

Главная задача Мая по приезде в СССР состояла в проектировании схем генпланов новых промышленных городов. Май со своей немецкой группой принимал участие в разработке генеральных планов двух десятков соцгородов. Это больше половины из тех 37 новых поселений с численностью жителей почти в 4,5-5 млн. человек, возведение которых было намечено планом индустриализации за первые пять лет. Центральное место среди них для Мая занимал Магнитогорск.

Май начал проектировать город на левом берегу реки Урал согласно первоначальному заданию, но потом последовало решение о переносе его на правый берег, потом опять на левый. Эта неразбериха тормозила и дезорганизовывала работу проектировщиков.

В первом номере основанного Маем франкфуртского журнала «Дас нойе Франкфурт» за 1931 год была помещена короткая заметка «Эрнст Май в России». Из неё можно понять, как в идеале выглядели в плане новые советские города:

«В конце 1930 года была закончена первая большая работа Мая и его сотрудников для города Магнитогорска на Урале. Речь идет о рабочем городе на 200 тысяч жителей, строительство которого начнется в 1931 году. Предполагаемый срок строительства – шесть лет. Мы опубликуем проект в одном из следующих номеров. Сегодня только некоторые предварительные данные.

Город Магнитогорск находится в двух километрах от промышленного комплекса, где работают его жители. В центре города располагаются театр, общественные и торговые здания. Город поделён на кварталы, 10 тысяч жителей каждый, отделённые друг от друга зелёной

полосой. Тип жилища ориентирован на семью, что означает, что каждая семья получит собственную квартиру с общей комнатой, двумя спальнями, ванной, маленькой кухней и уборной. Широко применяется галерейный тип дома, поскольку он даёт наилучшие предпосылки к будущему переходу к общественным кухням. Жилые здания имеют максимум три этажа. В каждом квартале предусмотрен рынок, который может быть использован для других целей, когда исчезнет частная торговля. Проект был представлен в Москве в конце декабря».

Проект города Эрнста Мая (Магнитогорск) на 200 тысяч жителей действительно был сделан к декабрю 1930 года, но о его реализации упёрлась в нищету СССР.

Стоимость города на 200 тысяч жителей, подсчитанная техническим отделом Цekomбанка (где работала группа Мая) составила 471,6 млн. рублей (жилищное строительство плюс коммунальное). Всего же на всё жилищное и коммунальное строительство РСФСР на 1931 год было выделено 1,1 млрд. рублей.

Таким образом, стоимость строительства Магнитогорска на 200 тыс. жителей составляла около 43% всех средств, выделенных на жилищное строительство в РСФСР в 1931 году. При этом население Магнитогорска составляло примерно одну шестидесятую часть прироста городского населения СССР за годы первой пятилетки (13,8 млн. человек).

На совещании в Цekomбанке 4-5 декабря 1930 года было решено построить в 1931 году город с населением 30 тыс. человек и стоимостью около 90 млн. рублей. Но поскольку рассчитывать можно было только на 35-40 млн. рублей, было принято решение обеспечить постоянным жильем только 15 тысяч человек, остальные 15 тысяч должен был разместить Магнитострой во временных помещениях существующих посёлков.

Это означало, что уже в декабре 1930 года Май знал, что ему предстоит спроектировать каменных домов только на 15 тысяч человек. В то же время численность населения Магнитогорска достигла к концу 1931 года 200 тысяч человек, размещавшихся в бараках, землянках, палатках и вагонах.

Параллельно Маю проектированием новых советских городов занимался Николай Милютин. В своей работе «Соцгород» он приводит такие данные: на устройство одного жителя такого «соцгорода» следует затратить 1100 рублей (36,5 млн. рублей на 33 тыс. жителей). Это в 10 раз больше, чем планировал Эрнст Май. Разумеется, план Милютина уже на подходе к рассмотрению в ведомствах был «зарезан».

Май ранее тоже говорил, что при соотношении немецкой марки к рублю примерно 1:1, в современном городе себестоимость 1 кв. м не может быть ниже 1000-1400 марок (т.е. 1000-1400 рублей). Это как раз цифры, приводимые Милютиным. Последняя цифра соответствует данным, которыми первоначально пользовалась группа Мая, рассчитывая стоимость жилья Магнитогорске – 1350 руб. на человека, но только на жильё. Вместе со стоимостью коммунального строительства – 2350 руб. на человека.

Реальность же была такова. Во время первой пятилетки городское население СССР по официальным данным увеличилось на 14 млн. человек. На жилищное строительство было, по официальным данным, потрачено 4 млрд. рублей – почти в четыре раза меньше, чем следовало бы

Рис. 30. Магнитогорск. Строительство первого квартала соцгорода (ул. Пионерская). Фото начала 1930-х гг. Источник: Архив МУ «Магнитогорский краеведческий музей»

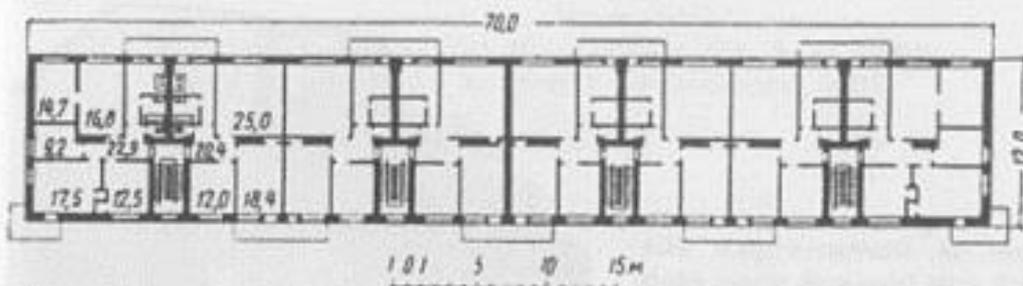

Рис. 31. Магнитогорск. План типового этажа жилого дома центральной зоны квартала № 1 соцгорода (тип Госпроекта). Источник: Казаринова В.И., Павличенков В.И. Магнитогорск. М., 1961. С. 151

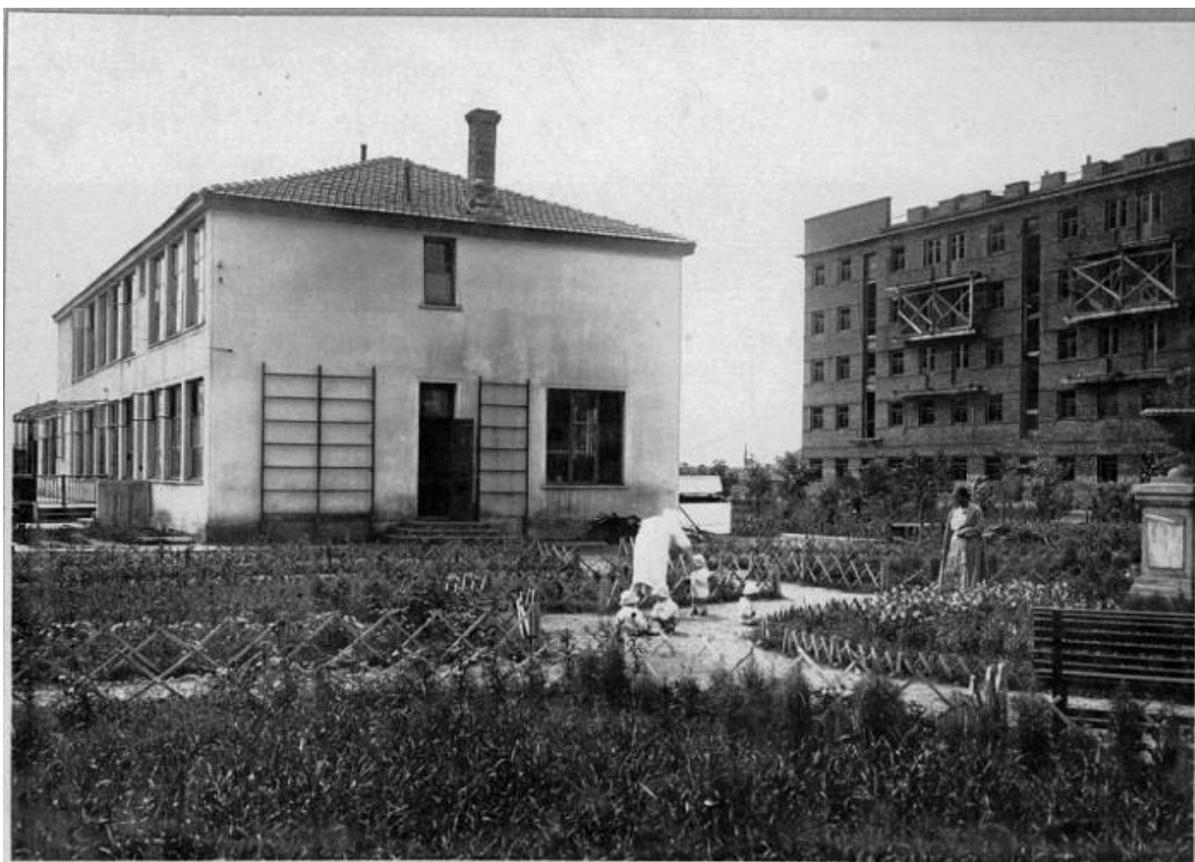
Рис. 32. Магнитогорск. Жилой дом центральной зоны квартала № 1 соцгорода (ул. Пионерская, 29). Госпроект. Фото Е. В. Кобышевой, 2008

Как уже говорилось выше, в реальности же себестоимость 1 кв. м в первую пятилетку составила около 100 руб. за кв.м – в 10 раз ниже, чем первоначально планировали и Милютин, и Май.

В этих условиях группа Эрнста Мая приняла единственно возможное решение – слить новых советских граждан в бараки. Они более чем на полвека стали зримым образом провала градостроительной политики СССР. В итоге в таких «городах» не удалось создать горожанина, а только посад – людей, ушедших из деревни, но не приобщившихся к городской культуре.

Через год, в августе 1932 года сотрудник Мая архитектор Вальтер Швагеншайдт писал коллеге в Германию: «В последние месяцы я за закрытыми дверями разработал предложение для нового типа социалистического города. Исходя из реальной жизни в развивающихся районах, я говорю – Советский Союз ещё долго сможет строить только примитивные бараки. Имеющиеся материалы и силы они вынуждены использовать для строительства промышленности. Одноэтажные застройка из местных материалов – это правильный путь. А потом я предлагаю барачный город, по мере поступления денег, материала и рабочей силы, перестраивать».

В итоге Швагеншайдт разрабатывал проект «барака с растущим благоустройством». На первой стадии это одно помещение с нарами на 222 человека. На третьей – «законченный культурный барак» с уборными, умывальниками и спальнями с кроватями на 100 человек.

*детские ясли
в Соцгороде*

Так закончилась мечта немецкой группы проектировщиков под руководством Эрнста Мая. Они приехали в СССР в надежде строить здесь современные новаторские города. В итоге же всё закончилось строительством барачков.

В 1933 году Эрнст Май разорвал контракт и покинул СССР. Но в Германию он не вернулся. Наполовину еврей, Май понимал, что с приходом к власти национал-социалистов его пребывание там крайне опасно. Вместе с семьей архитектор эмигрировал в Африку, где прожил два десятилетия. Второе дыхание открылось у Мая в 1954-м, когда он вернулся в Западную Германию и стал отстраивать разрушенную страну. Он умер в 1970-м в Гамбурге.

В общей сложности на Урале жили и работали 17 архитекторов Баухауза. Так, Ханнес Мейер в 1932 году разработал проект города-спутника Перми – Закамска – на 40-50 тысяч жителей. Он был главным архитектором Института проектирования городов, но впал в немилость и уехал из СССР 20 июня 1936 года.

Мейер много проектировал и строил в Мексике. Его секретарь Маргарете Менгель осталась в СССР и была расстреляна на полигоне в Бутово. Сын Ханнеса и Маргарете, Йоханнес Менгель, кочевал по детским домам, где был переименован в Ивана Ивановича, с 15 лет работал на угольных шахтах Копейска, что под Челябинском.

В июле 1937 года, бросив личные вещи и документы, СССР покинул Ганс Шмидт, в 1936 году отстраненный от градостроительных проектов и занимавшийся разработкой проектов стандартного оборудования для кухонь.

В итоге 14 из 39 приехавших в 1930 году в Москву выходцев из Баухауза остались в СССР, 12 из оставшихся были репрессированы.

Ещё в Блоге Толкователя об индустриализации в СССР:

Записки немца Волтерса об индустриализации СССР

Немецкий архитектор Рудольф Волтерс приехал в СССР в 1932 году проектировать вокзалы. Его германские коллеги придумали для Советов города из барачков, т.к. считали, что

русские ещё не способны жить в городах европейского типа. Волтерс описывает, как проходила индустриализация СССР в 1932 году.

Почему инженер Пальчинский не верил в сталинскую индустриализацию

Великий русский инженер, масон и один из организаторов Февральской Революции Пальчинский доказывал в 1920-30-е годы, что сталинская индустриализация с её гигантоманией окажется в итоге неэффективной. В качестве антипримера он приводил ДнепроГЭС, Магнитку и Беломорканал. Время показало правоту Пальчинского.

<http://tfolk.ru/?p=24843>

Записки немца Волтерса об индустриализации СССР

24.03.2015

Немецкий архитектор Рудольф Волтерс приехал в СССР в 1932 году проектировать вокзалы. Его германские коллеги придумали для Советов города из бараков, т.к. считали, что русские ещё не способны жить в городах европейского типа. Волтерс описывает, как проходила индустриализация СССР в 1932 году.

Сталинская индустриализация в основном была осуществлена американскими и немецкими специалистами. К примеру, бюро американца Кана спроектировало почти все советские заводы (571 объект). Кредиты на индустриализацию также выделяли банки США и Германии.

С конце 1920-х до середины 1930-х в СССР на «стройках социализма» трудились десятки тысяч иностранных специалистов. Одним из них был немецкий архитектор Рудольф Волтерс. Его работа в СССР была частью грандиозного немецкого проекта по проектированию новых советских городов. В нашей стране до сих пор мало кто знает, что подавляющая часть уральских и сибирских городов была спроектирована немецким бюро Эрнста Мая. Именно оно придумало и барачную систему советских поселений, которая существует в России до сих пор.

Сотрудник Мая архитектор Вальтер Швагеншайдт так описывал в письме от 9 марта 1931 года работу бюро: «Мы проработали район между Новосибирском и Кузнецком, гигантский угольный бассейн Сибири. Довольно подробно мы спроектировали прямо на месте 6 городов, большая часть из которых будет построена уже в этом году».

За короткое время группа Мая сделала проекты застройки Магнитогорска, Нижнего Тагила, Щегловска, Кузнецка (Сталинск), Ленинска, Автостроя (Нижний Новгород, с 1932 года – Горький), Прокопьевска, Сталинграда и многих других городов. Основным принципом работы Мая были функциональная планировка и строчная застройка. В подчинении бюро Мая были советские строители – в основном бежавшие из деревень от коллективизации крестьяне или депортированные крестьяне. Их квалификация, как писал Май, была близка к нулевой.

Другой немецкий архитектор Конрад Пюшель, работавший в это время в Орске, так описывал строительство «социалистических городов» первой пятилетки:

«Строительство велось согласно драконовским планам и представлениям правящего слоя: требовалось точное выполнение плана любой ценой. Применять в работе технические средства не имело смысла; даже если они и имелись в наличии, то были настолько примитивными, что никакой фараон не стал бы их использовать при строительстве египетских пирамид. Приходилось использовать и подгонять рабочую силу, предпосылкой к чему было наличие большого числа заключённых».

В августе 1932 года выше упомянутый Вальтер Швагеншайдт писал коллеге в Германию: «В последние месяцы я за закрытыми дверями разработал предложение для нового типа социалистического города. Исходя из реальной жизни в развивающихся районах, я говорю: Советский Союз ещё долго сможет строить только примитивные бараки. Имеющиеся материалы и силы они вынуждены использовать для строительства промышленности. Люди, которые населяют социалистические города, находятся на очень низком культурном уровне, они не понимают, как жить в многоэтажных домах. Одноэтажная застройка из местных материалов — это правильный путь. А потом я предлагаю барачный город по мере поступления денег, материала и рабочей силы перестраивать, и я покажу, как его можно будет перестроить в город-рай».

Швагеншайдт сделал проект «барака с растущим благоустройством». На первой стадии это одно помещение с нарами на 222 человека. На третьей, заключительной стадии развития социалистического города — «законченный культурный барак» с уборными, умывальниками и спальнями с кроватями на 100 человек.

Строительство примитивных барачков, придуманных немцами, было единственной формой обеспечения населения массовым дешёвым жильем. Оформление центров городов, как писал Эрнст Май, дворцово-храмовыми ансамблями и монументальными, декорированными классической орнаментикой жилыми домами никак не вписывалось в их представление о насущных проблемах советского градостроительства.

Вальтер Швагеншайдт считал, что идеальный советский город, который мог себе позволить по скудным средствам СССР — это большой завод, вокруг которого раскинулось множество барачных городков; эти объекты связаны трамвайной или узкоколейной линией для подвоза рабочих.

Немецкий архитектор Рудольф Волтерс в 1932 году подписал контракт с берлинским представительством советского Наркомата железнодорожного транспорта на работу в СССР в течение одного года. Двумя годами раньше Волтерс защитил диссертацию по проектированию вокзалов. Его оклад составил 600 рублей в месяц внутри СССР, ещё 150 марок в месяц откладывалось на его счёт в Германии.

Через год полный впечатлений Волтерс вернулся домой и немедленно, по свежим следам, написал книжку «Специалист в Сибири». Она вышла двумя изданиями в Берлине, в 1933 и в 1936 году. Его книга до сих пор продолжает числиться по разряду нацистской литературы (после Второй мировой войны она не переиздавалась в Германии; никогда она не издавалась и в СССР). И совершенно напрасно. Волтерс приехал в Россию практически свободным от всяких политических или социальных предрассудков. Он не был ни нацистом, ни социалистом, свои взгляды он обозначала как «консервативно-христианские».

В 1937 году его пригласил на работу близкий друг и бывший товарищ по учебе Альберт Шпеер, любимый архитектор Гитлера и будущий имперский министр вооружений. Волтерс быстро занял высокое положение в архитектурной иерархии Третьего Рейха.

Вплоть до конца войны Волтерс был ближайшим сотрудником Шпеера. Он занимался градостроительным проектированием главной трассы нового Берлина — оси «Север-Юг», издавал книги об архитектуре Третьего Рейха и о творчестве Шпеера. Во время войны он в качестве высокопоставленного сотрудника «Организации Тотта», занимавшейся военным строительством на оккупированных территориях, ещё раз побывал на советской территории. Блог Толкователя приводил отрывки из его записок, как Волтерс работал на Украине, и его впечатления о жизни на оккупированных территориях.

В 1943 году Волтерс стал руководителем «Рабочего штаба по восстановлению немецких городов». Весной 1945-го он по поручению Шпеера совершил путешествие по Германии, организуя в разных городах проектные бюро, которые должны были заняться восстановлением и реконструкцией разрушенных немецких городов.

Его друг и начальник Шпеер оказался на скамье подсудимых в Нюрнберге и получил 20 лет тюрьмы. Волтерс уехал в свой родной город Кёсфельд, где занимался проектированием зданий, градостроительством и публицистикой вплоть до своей смерти в январе 1983 года.

Мы приводим отрывок из книги Волтерса «Специалист в Сибири», посвященный первым дням его пребывания в Новосибирске:

«Утром 7 июня, на следующий день после моего прибытия в Новосибирск, я явился в сопровождении венгерского коллеги к месту работы. На боковой улице, то есть на разрезанной песчаной дороге, находилось пятиэтажное скучное здание, наполовину ещё незаконченное. По деревянной временной лестнице поднимаемся на второй этаж, где находится проектный отдел строительства сибирской железной дороги. Шеф отдела, 35-летний инженер, принимает меня по-дружески. Мой венгр, который приехал на три месяца раньше, но уже немного понимает и говорит по-русски, служит переводчиком. Сначала необходимо выполнить массу формальностей, выдаются анкета за анкетой, пишутся «бумажки» и суются мне в руки. Я получаю продуктовую книжку, по которой могу покупать в магазине, предназначенном для иностранцев.

Этот магазин находится на Красном проспекте. Перед входом стоит часовая с винтовкой с примкнутым штыком. Здесь я могу купить всё и ничего: обувь и одежду, но, к сожалению, только немногих определённых размеров, граммофон, но без пластинок и иголок, продукты по предназначенным для меня нормам, молоко и яйца — если они там случайно окажутся. В одном углу лавки стоит шкаф с кубками и фарфором, как будто в тире. В центре помещения — круглый стол с красным плюшевым диваном и креслами, где всегда сидят два-три пьющих пиво специалиста. Над прилавком большой плакат с немецкой надписью: «Ленин живёт в сердцах каждого честного рабочего». Большие витрины частично завешены, частично декорированы красным материалом и цветными портретами Ленина и Сталина.

Несмотря на скудость всего в этой лавке, мы всё-таки могли кое-как ею обходиться. Но по сравнению с русскими мы снабжались по-княжески. Наши русские коллеги не видели ничего обидного в том, что мы, иностранцы, снабжались лучше, чем они. Напротив, благодаря нашим продуктовым книжкам мы приобретали слишком много друзей, которые рассчитывали вместе с нами пользоваться нашими рационами. Белый хлеб, молоко, яйца, масло русские инженеры не получали вообще, а все прочие их продуктовые нормы были намного ниже норм для иностранцев. К тому же цены на продукты для наших русских коллег иногда в десять раз превышали то, что должны были платить мы, иностранцы. И даже если наши зарплаты были не намного выше, чем зарплаты русских, то продуктовые книжки делали нас привилегированным классом.

Таковыми особыми привилегиями пользовались среди русских только высшие чиновники, высокие партийные функционеры, военные и, прежде всего, ГПУ — тайная государственная полиция. У ГПУ тоже имелись свои закрытые магазины, где могли покупать только они и только по специальным книжкам. Собственно «открытых», то есть доступных всем жителям, магазинов было очень мало, и то, что там можно было достать, было дорогим и плохим. Продукты продавались только в закрытых лавках и на свободном рынке, где цены были заведомо недоступными. Рабочие и служащие покупали тоже в закрытых лавках, поскольку все предприятия и управления имели свои продуктовые магазины.

Особенно отчётливо разница в обеспечении продуктами проявлялась во время обеда. Почти все русские ели в столовых на предприятиях, поскольку только немногие семьи имели возможность готовить пищу дома, и к тому же самостоятельно приготовленный обед стоил гораздо дороже, чем готовая еда на работе.

В нашем управлении было три столовых. Одна предназначалась для рабочих и низших служащих. Еда этих людей была очень плохой и стоила 1,5 рубля при месячном заработке от 80 до 150 рублей. Для среднего уровня, более высоких служащих и для инженеров с заработком от 200 до 500 рублей имелась ещё одна столовая, в которой первое блюдо стоило 1 рубль, второе — 2 рубля и простой десерт тоже 1 рубль. В третью столовую нашего управления имели доступ высшие служащие, начиная с руководителей отделов, с заработком от 600 до 900 рублей и партийцы. Обед здесь был хорошим и обильным, состоял из супа, мясного или рыбного блюда и десерта, но стоил только 2,5 рубля. В этой последней столовой, где столы были накрыты скатертями и прислуживали чисто одетые девушки, получил право есть и я. Зайти в эту столовую можно было только по предъявлении соответствующего удостоверения. Контроль был очень строгим.

Только один единственный доступный всем ресторан имелся в большом городе Новосибирске; государственный, так называемый «коммерческий», в котором обед стоил от 10 до 20 рублей. Здесь ели, как правило, только товарищи, которые какими-то тёмными путями зарабатывали много денег и находящиеся в командировках чиновники.

В жилье тоже выражались классовые различия. Самыми роскошными жилищами Новосибирска были две современные трёхкомнатные квартиры, которые занимали генерал, командующий Сибирской армией, и шеф ГПУ.

Отдельные двухкомнатные квартиры занимали только высшие чиновники и партийцы, так же как немногие женатые иностранные специалисты. Русские инженеры, если они были женаты, имели одну комнату, с очень большой семьей — две. Две или больше таких семьи делили между собой одну кухню. Неженатый не имел никакой возможности получить комнату для себя одного. Как живут мелкие служащие и рабочие, я не хочу описывать. Мне никто не поверит, если я скажу, что холостые рабочие живут по 20–30 человек в одной комнате в казармах или бараках, многие семьи делят одну комнату и тому подобное. Я это видел сам, и я видел, что иначе не могло быть; но я всегда поражался тому, с какой невероятной наглостью русская пропаганда работает за границей, и как ей удаётся пару новых поселков в Москве и Ленинграде сравнить с берлинскими дачными колониями. В России пропаганда грохочет уже 15 лет так сильно и непрерывно, что товарищи действительно верят, будто по сравнению с немецкими рабочими они живут в раю.

Через десять дней после прибытия в Новосибирск я смог наконец въехать в собственное жильё. В новом пятиэтажном здании управления на Красном проспекте я получил комнату, три метра шириной и пять метров длиной. Высота была 4,50 метра. Из-за насекомых я был рад получить необжитую ещё комнату, но только небо знает почему, буквально с первого же дня в ней были представлены не только клопы и тараканы (которые у нас известны под названием «русских», а здесь назывались «пруссаками»), но и блохи — в непредставимых количествах. Моя комната вместе с 15 другими выходила в длинный коридор без окон. Свет, водопровод и клозет были ещё не готовы. Стены комнаты были побелены известкой, дверь и окно, в которых были щели в палец толщиной, покрашены серой краской. В комнате стояла узкая железная кровать, покрытая матрацем в три сантиметра толщиной, стол, стул, старый шкаф и умывальный столик с раковиной.

Прошло шесть месяцев, прежде чем всё пришло в более или менее жилой вид: клозет, которым пользовались сорок человек и который всегда был невероятно грязен (у меня имелись специальные галоши для посещения этого помещения), водопровод в коридоре, который каждую неделю один день не работал, электрический свет, который функционировал всегда за исключением нескольких вечерних часов от 8 до 12 и т. д. Когда я думал о Германии, то осознавал убожество моего жилья, но когда я оглядывался вокруг, а я делал это ежедневно, то казался себе в качестве одинокого человека с целой собственной комнатой просто князем.

По прошествии четырнадцати дней, когда наиболее насущные проблемы моего обеспечения квартирой и продуктами были урегулированы, я попытался со всей серьезностью приступить к работе. Об этом никто до сих пор не позаботился, меня лишь попросили, исходя из моих собственных представлений, вникнуть в проект вокзала. Переводчика не было, немного помочь мог только венгерский коллега, с которым мы вскоре близко подружились. Итак, через четырнадцать дней я обратился к своему шефу с просьбой о программе работы. Он пообещал мне её «немедленно» обеспечить и предложил приходить вечерами и работать с 17 до 23 часов, поскольку днём в бюро нет свободного рабочего места.

Я пришёл вечером, шефа не было. Я пришёл на следующий вечер, его опять не было. На третий вечер он появился, будто ничего не произошло, показал мне проект вокзала и попросил дать отзыв. Мой венгр переводил довольно плохо. Я постарался не увлекаться критикой, хотя все это мне сильно не понравилось. Но для того, чтобы говорить обо всём подробно, нужен был умелый переводчик, а его не было. По моей настоятельной просьбе шеф пообещал переводчика на следующий вечер.

Переводчик не пришёл назавтра, не пришёл на следующий день, он никогда не пришёл. Через три дня, которые я вынужден был бездельничать, снова появился мой шеф. На моё замечание, что мне нечего делать, он сказал только «nitschewo». Это замечательное словечко, которое одновременно может означать «хорошо», «плохо» и «ничего», должно было в данный момент означать «ничего страшного». В ответ на мои настойчивые просьбы, шеф снова пообещал осмысленную работу на следующий вечер — «завтра».

Через два дня, в которые мой шеф не показывался, мне стало слишком скучно и я пошёл к начальнику отдела. Тот позвал шефа, они посоветовались и предложили мне поработать над вокзальной площадью. Таким образом, проблема была временно решена. Тем не менее, я всё равно ничего не мог делать, поскольку не было исходных рабочих материалов. Через несколько дней, после долгого нажима, я получил необходимые чертежи с указанием расположения нового вокзала, но у меня не было никаких транспортных показателей: числа поездов, количества людей и автомобилей, данных о транспортных потоках из города до вокзала и т. п. Я просил и просил эти необходимые данные, мне обещали, но их не было, их никто не знал. В конце концов, когда уже прошло больше месяца с моего приезда, я начал работать и сочинил фантастический проект, только чтобы хоть что-то было на бумаге. Видя меня за работой, шеф стал приветливее, он только морщил лоб и пытался убраться с моего пути, когда я хотел что-нибудь спросить. Один русский инженер, видя это, принял во мне участие и все время повторял:

- Чертите спокойно всё, что вы хотите, проект никак не сможет оказаться слишком грандиозным, а построено все равно будет не то, что начерчено. Вы, немцы, всё время придумываете себе лишние заботы».

<http://tfolk.ru/?p=23299>

Великая Отечественная война: помним каждый день

Трудармейцы Заговорившая память

Алексей Толстой в августе сорок второго года писал в «Правде», что «весь наш тыл живет, равняясь по нравственной высоте Красной Армии: борется за металл, за уголь, за хлеб, за хлопок, за картошку, за производство оружия и военных машин с таким упорством, самопожертвованием, с отдачей всего себя, как это делает Красная Армия. Тыловой труд — будничнейший, незаметнейший, в нем не кровь льется, но пот, в нем не наносят жгучих или смертельных ран, но не меньше нужно величие души, чтобы день за днем, ночь за ночью, преодолевая усталость, отдавая все силы, вооружать и снабжать Красную

Армию, верить в нее священной, всенародной верой, что победит и отомстит она покорителям Родины нашей».

В том, что сказал Алексей Толстой, что повторили тысячи авторов следом за ним, нет неправды. Тыл действительно помогал фронту всеми силами, делился последним, действительно жил предстоящей победой, приближал ее, действительно не жалел себя. И мы, послевоенные, искренне верили, что был только энтузиазм, что все до единого в тылу работали до изнеможения по доброй воле, по зову души, без всякого насилия. Правда, в узком кругу случайно узнавали, что все было не совсем так, как нам рассказывали приходившие в школу ветераны, что в книгах пишут правду, но неполную. Что о многих значительных фактах просто не принято писать и говорить.

Время перестройки оживило память тех, кто больше молчал. Мы вслух заговорили о том, что многие годы не могли прочитать в газетах. А потом одно издание за другим стали выдавать шоковую информацию о минувшем. Взглянув по-иному на известные события, мы вдруг стали отчетливо осознавать, что наряду с героическим в нашей истории немало трагического. Возникло много вопросов, ответы на которые не даны и по сей день. Почему в городе, окруженном лесами, солдаты замерзали от холода? Почему на дрова шли надворные постройки? Почему у рубленых изб спиливали на дрова углы? Почему в деревне пухли с голода дети и смертей было не меньше, чем на фронте?

Через много лет после войны моя мать накануне праздника Победы начала пересчитывать соседей — кто погиб на фронте, кто умер от голода, кого задавило на заводе. И количество погибших там и умерших здесь, на нашей улице, оказалось не в пользу тыла. Почему?

И, наконец, главный вопрос, который встал неожиданно именно в последние годы: почему мы в войне потеряли почти в три раза больше людей, чем воюющая с нами Германия?

Вопросы. Вопросы. Разом на них не ответить. Видимо, необходим коллективный разум, свидетельства очевидцев, особенно тех, кто многие годы молчал. Видимо, необходимо по-новому, с позиций нашего времени, осмыслить прошлое страны.

Каждую субботу в редакции челябинской областной газеты члены общественного совета проводят прием граждан. Пришлось вести его и мне. В одно из первых дежурств в совет пришел немолодой уже человек и рассказал о судьбе своего отца, который не был арестован — сам явился в военкомат по повестке, не был судим, но всю войну провел за колючей проволокой, а потом умер на поселении.

— А кем был ваш отец до войны?

— Работал учителем в школе, учил детишек математике и немецкому языку, пока его не мобилизовали в трудармию...

— В стройбат? — спросил я.

— Нет, в трудармию. Это не совсем одно и то же. Это стройбат, но за колючей проволокой. Трудармеец был приравнен к заключенному. Это почище любого стройбата. Вы знаете, миллионы людей были направлены в трудармию. В Челябинске трудармейцы вместе с военными строителями в годы войны построили металлургический комбинат, многие предприятия в Металлургическом районе, строили они и жилье. Много их там погибло...

Посетитель долго говорил. Он рассказал немало подробностей из собственной жизни: как голодал, пока учился воровать на базаре, как тайно ходил к лагерю, где жил

его отец. Я записывал его воспоминания, а когда речь зашла о фамилии, он категорически отказался ее назвать, видимо, в нем не прошел тот страх, в котором жила его семья, его многие близкие в течение не одного десятилетия.

Заинтересоваться всерьез трудармией меня побудила встреча в созданном в Челябинске обществе «Мемориал» с Карлом Людвиговичем Вехтером. Его предки, переехавшие в Россию из далекой Германии еще в позапрошлом веке, были истинными хлебопашцами. Выращивать хлеб готовился и он сам, но в начале тридцатых годов крепкое хозяйство деда, где батраками и не пахло, потому что все делалось руками детей и внуков, было признано кулацким. Всю семью из Запорожской области выселили на Урал, в сельскую местность. Здесь она снова обустроилась: почти на голом месте появился дом, сарай, купили корову. Но пожить не пришлось. Снова «раскулачили», и всю семью направили на кирпичный завод в Копейск. В 1938 году отца, дядю и его сына забрали вместе с еще несколькими рабочими завода и увезли в Челябинскую тюрьму, на этом их след оборвался до самой реабилитации, наступившей только после XX съезда партии посмертно.

Началась война. Карл Людвигович получил повестку, но в армию не взяли... Причина? Пятая графа анкеты — национальность. Взяли в трудармию. Перебрасывали со стройки на стройку.

Одеты строители были в красноармейскую форму Русские, украинцы, татары, немцы, эстонцы, армяне. Никого до поры до времени не выделяли — все на равных, работали на совесть. Но осенью сорок первого воинов-строителей немецкой национальности пригласили на собрание в армейский клуб. Проверили там документы, уточнили какие-то данные, спросили, нет ли у кого оружия — оружия не было. Вот тогда и появились возле клуба вооруженные солдаты. 700 или 800 участников собрания построили в колонну и под конвоем через весь Челябинск провели к строительной площадке будущего металлургического завода. Вели днем, через центр города, на виду у всего народа.

— Горожане, — вспоминает Карл Людвигович, — недоумевали: «Кого ведут?» Мы были в красноармейских формах, а нас сопровождали автоматчики как врагов народа? Почему? На каком основании из нас сделали врагов? Кому мы насолили? За что к нам такая ненависть?

Без малого полвека прошло с тех пор, а вразумительного ответа на свои вопросы Карл Вехнер и тысячи таких же, разделивших с ним судьбу трудармейца, не получили. Попробуем хоть-как-то понять, что и почему произошло.

Шла суровая война. Мужик нужен был фронту. Но его труд не в меньшей степени требовался и в тылу. Где взять? Да еще как направить его туда, где труднее — на лесозаготовки, на рытье котлованов, на бетонные работы. На добровольцев тут надежды мало. Созданная же в 1934 году система Гулага (Государственное управление лагерями при НКВД СССР) показала высокую «эффективность» в борьбе с инакомыслием, стала источником мобильной и крайне дешевой рабочей силы. Заключение не требовало вежливого обхождения, хорошего питания, здоровых условий быта, а если и требовал, то на него можно было не обращать внимания. Он не человек — он враг народа, его в короткое время можно было перебросить с одного конца страны в другой в телячьих вагонах. Только где в условиях войны взять этих самых «заключенных каналостроевцев»? Как наладить бесперебойную поставку кадров для системы Гулага — государства в

государстве со своими еще более суровыми законами? Методы 1937 года уже не годились, на доносителей надежды было мало — требовался иной размах, иной подход к делу.

Попытаемся представить те принципы, по которым велся отбор в трудовую армию. По всей вероятности, на первых порах ее основу составили люди нерусской национальности. Это были в первую очередь немцы, проживающие в районах Поволжья, на Украине, Кубани и Кавказе. Их предки поселились здесь еще в XVII—XVIII веках, а связь с Германией практически утеряна, особенно для сельского населения. Но с началом войны власти опасались, как бы в тылу у Красной Армии не возникла пятая колонна. Конкретных фактов не было, во всяком случае до сих пор ничего не опубликовано, но эти факты можно сфабриковать — в НКВД опыт такой был накоплен в ходе подготовки «громких» процессов. На свет появился документ, который мог показаться современникам правдоподобным.

«По достоверным данным, — читаем в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, — полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, — следовательно, немецкое население скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты и затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья...»

Диверсий, как известно, не было, а карательная машина против немецкого населения Поволжья и других регионов заработала во всю мощь. Без суда и следствия мужчины, женщины стали резервом для пополнения трудовых армий, которые начали действовать на Урале, в Сибири, в Казахстане, на Крайнем Севере.

Кроме немцев, трудармии стали пополняться за счет выходцев из западных районов Украины, Молдавии и Прибалтики. После присоединения этих территории в 1940 году к Советскому Союзу инакомыслящих направили на перевоспитание в малонаселенные районы страны. В годы войны ими пополнились ряды трудармейцев.

И, наконец, в трудармии попала значительная часть русского населения. Кто они? Во-первых, инакомыслящие: за острое слово, за анекдот, за возмущение порядками, за протест против произвола местного начальника. Во-вторых, спецпереселенцы. Они были рождены коллективизацией конца 20-х — начала 30-х годов, то есть те, кого именовали кулаками, подкулачниками, середняками. Никто из них никогда не выступал против Советской власти, они просто хотели быть на своей земле хозяевами. Им, как и немцам, пришлось пережить не одно переселение. К примеру, выселенные с Дона, они закреплялись в какой-нибудь полуопустевшей деревне Урала, например Мишкино (ныне Курганской области) или Баландино Челябинской области, отстраивали дома, разводили хозяйство, чтобы потом по указанию сверху бросить все вновь нажитое и отправиться на «стройки коммунизма», какими стали Челябинский тракторный, Магнитогорский

металлургический, железная дорога Абакан — Тайшет. Стоит полистать подшивки многотиражных газет, поглядеть фотографии, чтобы убедиться, что ударные бригады формировались из бритых наголо мужиков.

В годы войны эти «ударники» пополнили ряды трудовой армии. Как тут не вспомнить своего соседа дядю Митю Бахарева. Десятки лет он прожил на Урале, а от акцента, характерного для курской земли, не избавился. Дед его кулаком не был, но не ко двору пришелся в родной деревне, попал на выселки, а недоверие рикошетом ударило по внуку: в армию не, взяли как неблагонадежного, «доверили» работать на Севере за колючей проволокой.

Со временем трудовые армии пополнились еще одной категорией мнимых «врагов». Вышли бойцы из окружения — доверия им нет, значит, место им тоже в трудармии, если у этих бойцов не было контактов с оккупантами. Если такие контакты были, то путь их лежал в лагерь НКВД.

Все эти выводы сделаны после многочисленных бесед с бывшими трудармейцами, приходившими в «Мемориал». Я ни в коей мере не считаю их абсолютными. Вполне возможно, что система отбора была более тонкой и обстоятельной. Об этом станет известно, когда будут открыты архивы НКВД для журналистов, писателей и историков, когда заговорят те, кто непосредственно занимался формированием и подбором кадров трудармий. Может быть, тогда мы узнаем еще одну тайну, которая мне давно не дает покоя, но разгадать которую я пока не в состоянии. Бывшие трудармейцы не раз рассказывали, что были случаи, когда в охрану лагеря советских немцев ставили евреев, побывавших под оккупантами. Ни для кого не секрет, как относились фашисты к людям этой национальности. Можно представить, как, выйдя из ада оккупации, эти евреи могли относиться к людям, которые носят немецкую фамилию и говорят пусть на швабском диалекте, но немецкого языка? Как правило, в таких лагерях больше было произвола, суровее жизнь трудармейцев.

Известны и другие случаи, когда бригадиром в отряд евреев назначали, к примеру, латыша или крымского татарина. Разный уровень культуры, разная религия, разный язык — в тех условиях это не сближало, а разъединяло. Неужели таким образом воспитывался интернационализм? Не здесь ли следует искать истоки и нынешнего обострения межнациональных отношений?

А теперь, опираясь на письма и воспоминания очевидцев, попытаемся рассказать об условиях труда и быта трудармейцев.

Немало воспоминаний бывших трудармейцев и трудармеек было опубликовано на страницах «Вечернего Челябинска». Так случилось, что несколько материалов подряд рассказывали о судьбе советских немцев. Читатели сразу нас поправили: не только немцы были мобилизованы в трудовые армии.

«Из всех деревень области, — пишет в редакцию Степанида Дмитриевна Усольцева, — мужиков, не годных для фронта, взяли в трудармию. Жили они в таких же тяжелых условиях, как и советские немцы. Длинные землянки на 100 человек, в два этажа нары, всего две железные печки, которые топить было нечем. Постель... Есть силы в деревню за соломой сходить — набьют соломой мешки, нет сил — спали на голых досках. На нижних нарах люди примерзали к ним, на верхних тоже мерзли, но не так, зато задыхались от смрада, от вони. Умиralи мужики каждый день, хоронили их в общей яме, без крестов и отличительных знаков.

Кормили баландой два-три раза в день и давали 700 граммов хлеба. Я сама с сорок второго года до конца войны ела 700 граммов хлеба и баланду, где капустаинка капустаинку догоняла. А как жили трудармейцы на ЧТЗ в землянках, сама видела, потому что ходила проведать земляка. Их тоже на работу водили под конвоем...

Да и кто жил во время войны здесь хорошо? Только спекулянты, и мародеры. Остальные так же на баланде».

Бывший трудармеец Андреас Иоганнович Гец вспоминает:

«На строительстве Челябинского металлургического завода было создано пятнадцать лагерей. В каждом содержалось около пяти тысяч человек только немецкой национальности. И общее число было не менее 50 тысяч человек. Они выполняли все строительные работы, киркой и ломом копали мерзлую землю, ломом и кувалдой добывали камни в карьерах, строили заводские корпуса, жилые дома: на морозе, под открытым небом устанавливали оборудование, бетонировали фундаменты. Чтобы не заморозить бетон под оборудование, приходилось многие сутки подряд днем и ночью прогревать его. Официально нас называли трудармейцами, а содержали за колючей проволокой в три ряда. По углам ограды стояли вышки с охранниками. На работу и с работы ходили колоннами под охраной. Нас предупреждали: «Шаг налево, шаг направо — стреляю без предупреждения». Правда, за все годы не было случая, чтобы кто-то пытался бежать. Но до сих пор обидно, что из нас сделали рабов. Прошли десятилетия, а вклад трудармейцев в победу над врагом никак не отмечен, над могилами тысяч погребенных нет ни обелиска, ни надгробной плиты. Справедливо ли это?»

Такой вопрос задают многие ныне здравствующие трудармейцы, члены семей погибших.

После выхода в Воениздате (М., 1988 г.) книги А. Н. Колесника «Рассказ о военных строителях» в редакцию обратился с письмом бывший трудармеец Владимир Петрович Киблер. Его возмущает, что до сих пор не дана объективная оценка трудовым армиям. «Врать надо тоже в меру», — восклицает он. Да, в книге правильно отмечено, что командовал стройкой генерал Комаровский. Да, верно сказано, что начальником политотдела был Воронков. Оба авторитетные руководители. Да, были на стройке военные строители, но в основном комбинат строился руками трудармейцев — мобилизованных русских немцев. Жили они в землянках с нарами в три ряда: по краям — в один ярус, в середине — в два. Жило в землянке по 200—250 человек, по краям стояли железные печурки. Зимой спали не раздеваясь, потому что было холодно. Несколько землянок составляли лагерь, окруженный колючей проволокой.

«Я прибыл сюда, — пишет В. П. Киблер, — 24 июня сорок второго года и был направлен на РМЗ (теперь это завод Ремстройдормаш). Директором завода был Шкаренков, подполковник, начальниками цехов и отделов — вольнонаемные. Все остальные — трудармейцы. Меня определили мастером в котельно-сварочный цех, где на стеллажах под открытым небом изготавливались все металлоконструкции. Было у меня в бригаде 30—35 человек из трудмобилизованных, некоторые из них не знали, что такое гаечный ключ, а приходилось делать из металла формы перекрытий цехов, стойки, каркасы — все для ЧМЗ. Кантовали, снимали узлы со стеллажей вручную, потому что кранов не было. Условия труда ужасные, станки для резки металла стояли прямо под открытым небом».

Понятно: шла война и в первую очередь нужно было заботиться о потребностях фронта, а потом уж думать об условиях труда и быта людей. Многие, поделившиеся воспоминаниями о работе на строительстве ЧТЗ, отмечали, что к концу войны и условия жизни, и условия труда на заводе улучшились, меньше стало жестокости, больше внимания уделялось тем, кто добросовестно трудился. Но все осуждают недоверие властей к целым народам, превращение тысяч ни в чем не повинных в рабов. Они и без охраны трудились бы на оборону, как делали тысячи рабочих на других предприятиях.

Сегодня многие задаются вопросом: как могло случиться, что в стране, строящей социалистическое общество, использовался рабский, подневольный труд? И ведь если воевавшие на фронте, и если вольнонаемные труженики тыла отмечены орденами и медалями, имеют определенные льготы, то бойцы трудовых армий, немало сделавших для победы над фашизмом, остались вне официальной памяти, по-прежнему остаются вне наград, вне льгот. Об этой категории тружеников тыла мы не встретим пока ни музейных экспонатов, ни мемориальных досок. Нет даже надгробий на братских могилах. Мы до сих пор не знаем, где и сколько их похоронено. Все это предстоит еще сделать.

В письме в «Мемориал» Василий Васильевич Цицер, в годы войны трудармеец, пишет: «Если бы не было зверских репрессий властей против собственного народа (всех национальностей), значительно меньше было и изменников за линией фронта, легче было бы выиграть войну, мы не потеряли бы за годы войны в три раза больше людей, чем напавшая на нас Германия».

Хочу высказать еще одну мысль. Вместе с отечественными немцами под охраной в трудармии оказались и люди других национальностей: болгары, греки, поляки, финны, итальянцы. Были среди них и коммунисты-эмигранты, бежавшие к нам из фашистской Германии. Все они оказались под подозрением и даже в изменниках по национальной принадлежности. С бывшими внешними врагами сейчас установились приемлемые взаимоотношения, а внутренние «враги» так и остались не реабилитированы. Большая вина в этом лежит и на молчавшей пропаганде.

Деятельность «Мемориала» помогает вскрывать то, о чем долгое время не принято было говорить. На страницах многих газет появилось немало материалов о прошлом, состоялись вечера, где дается возможность высказаться тем, кто молчал более полувека.

А. ЕРОШКИН,
журналист

Время испытаний

Металлургический завод, строившийся в Челябинске, до августа 1942 года назывался Бакальским. Дело в том, что вначале его предполагалось построить на базе руд Бакальского месторождения вблизи поселка Бакал. Сметная стоимость в действующих ценах того времени составляла 400 млн рублей, численность трудящихся завода планировалось довести к 1939 году до 30 тыс. человек, а население Бакала — до 100 тыс.

К составлению проекта реконструкции Бакальских рудников и изысканию площадей под будущий металлургический завод была привлечена наряду с советскими организациями и американская фирма «Оглбей Нортон».

Однако изыскательские работы показали недостатки водных ресурсов и отсутствие ровной и достаточно большой площади для строительства в окрестностях Бакала, и тогда в 1934 году начались изыскательские работы в районе поселка Першино под Челябинском.

Там даже было построено несколько небольших зданий для управления строительства и около десяти времянок для строителей. В 1935 году стройку законсервировали — не хватало средств.

В августе 1940 года было принято решение о возобновлении строительства качественных сталей на базе высококачественных бакальских руд. Еще до начала Великой Отечественной войны создается строительное управление Бакалстрой, вошедшее в состав Наркомстроя. После новых изысканий и острых споров окончательно утверждается площадка для строительства — Першинская.

В первые же месяцы войны на этой площадке разворачивается эвакуированное строительное управление треста «Запорожстрой», а с декабря 1941-го Куйбышевский особстрой направляет сюда людей, значительные материальные и технические ресурсы, а в марте-апреле 1942 года в соответствии с решением ГКО прибывает из Сталинграда 5-я саперная армия с квалифицированными кадрами инженеров и техников, рабочих различных строительных специальностей.

В августе 1942 года по решению Совнаркома СССР эта стройка получила новое название — Челябинметаллургстрой. О сложностях строительства, героических буднях рабочих и специалистов на строительстве Челябинского металлургического хорошо рассказал в книге «Записки строителя», вышедшей в Воениздате в 1973 году, генерал армии А. Н. Комаровский. К сожалению, время, в которое жил и работал Александр Николаевич, не позволило ему поведать всю правду о событиях на стройках ЧМЗ и Бакальского аглокомбината, выдававшего заводу агломерат. И взгляд начальника строительства далеко не всегда совпадает с оценкой нынешних моих собеседников — участников и очевидцев тех уже теперь далеких событий. Действительно, на строительную площадку ЧМЗ за короткий срок прибыло несколько десятков тысяч человек. Кто были они, эти люди? В исторических исследованиях о них говорится лишь конспективно. А правда такова, что на территории Челябинской области за короткий срок были развернуты десятки лагерей, лагучастков и лагпунктов, в которых содержались сотни тысяч заключенных, осужденных за уголовные преступления; много в них было политических заключенных, осужденных по 58-й статье, огромное число людей, получивших большие сроки заключения в соответствии с предвоенными сталинскими законами и наказанных за различные мелкие нарушения и поступки на основании суровых законов военного времени.

На стройках Челябинской области в сорок втором году появились так называемые трудмобилизованные, или трудармейцы. А. Н. Комаровский в своей книге сказал о них так: «Надо было прежде всего принимать и расселять рабочих из числа так называемой трудовой армии, т. е. лиц военнообязанных, но не призванных по той или иной причине в действующую армию». Весьма туманная формулировка.

Петр Александрович Эзау окончил машиностроительный факультет Московского инженерно-экономического института буквально 25 июня 1941 года. После окончания вуза он получил направление на Урал и работал в Миассе. 22 марта сорок второго года его привезли в трудармию, из Миасса группу до Челябинска сопровождал милиционер. По прибытии в Челябинск Эзау направили в 7-й стройотряд, который работал на строительстве ЧМЗ.

В отрядах, как вспоминает Петр Александрович, было до двух тысяч трудармейцев. Основную часть составляли немцы Поволжья, советские немцы из других районов

страны, финны и греки. Все они содержались под охраной. Прибывшие же летом 1942 года трудмобилизованные из Средней Азии работали без охраны. П. А. Эзау вспомнил в связи с этим любопытный эпизод:

— Меня поразило, что в составе нашего отряда было немало бывших в недавнем прошлом военных немецкой национальности, многие из них награждены орденами и медалями, и первое время они даже носили их, а потом поняли, что, когда тебя ведут под охраной с овчарками, носить награды негоже. Хорошо помню одного немца-трудоармейца, на груди которого алел значок депутата Верховного Совета СССР. Работали мы в основном чернорабочими, землекопами. Однажды генерал Комаровский узнал в одном землекопе, возившем тачку с грунтом, своего руководителя, под началом которого трудился в 30-е годы. Он перевел коллегу на более легкую работу.

Вообще, 1942 год был тяжелейшим временем для трудоармейцев. Питание очень плохое, угнетали жестокие морозы. Резко увеличилась смертность. П. А. Эзау вспоминает, что на строительстве действовали постоянно четыре похоронные бригады, куда еще дополнительно выделяли по одному-два человека. Ежедневно умирало до 50 трудоармейцев.

— В нашем отряде, — говорит П. А. Эзау, — было два инвентарных гроба, в которые ложили умерших, а у общей могилы гробы освобождали, засыпали умерших землей, и возчик возвращался с пустыми гробами за другими.

Больных и истощенных трудоармейцев, а также заключенных, вылечить которых, по мнению медиков, считалось невозможно, как тогда говорили, «активировали» и представляли, так сказать, самим себе. Их помещали в отдельный барак, снимали охрану, и они постепенно умирали.

Жизнь в трудоармии была настолько тяжела, что некоторые мобилизованные, прослышав, что в лагерях заключенные питаются лучше, всерьез обсуждали вопрос о том, как бы получить небольшой срок и попасть в это заведение. Товарищем по бригаде у П. А. Эзау был некто Кирбиц — белорус по национальности, попавший за колючую проволоку лишь за то, что кому-то из чиновников показалось в его фамилии немецкое звучание. Этот Кирбиц к концу 1943 года все же доказал, что он — белорус и добровольцем отправился на фронт. В составе бригад советских немцев были люди и других национальностей: евреи, эстонцы, фамилии которых походили на немецкие, но доказать свое происхождение в той обстановке они просто не могли.

Надо сказать, пока в 1941—1942 годах источник пополнения подразделений трудоармии казался неисчерпаемым, высокие начальники, мягко выражаясь, мало обращали внимания на социальные вопросы, в том числе на питание. Ситуация резко изменилась в сорок четвертом, когда источник пополнения иссяк, тогда были предприняты все меры для улучшения в первую очередь питания и жизненных условий.

А что же в Бакале? В 1942 году там тоже развернулось строительство — агломерационного комбината, продукция которого должна была идти для обеспечения нужд ЧМЗ.

Карлу Карловичу Симону 63 года, он до сих пор трудится в Бакальском рудоуправлении. А когда началась война, он жил в Верхне-Чирчикском районе Узбекской ССР, недалеко от Ташкента. 23 июня вместе со своими друзьями — тремя русскими и немцем он подал заявление о вступлении в Красную Армию добровольцем. Ему сказали, что надо подождать. После августовского Указа 1941 года немцев, проживающих в их

селе, выселили в Самарканд. 31 марта 1942 года К. К. Симону принесли повестку, только не в действующую, а в трудовую. Везли их в товарных вагонах, в 40-тонных размещались 104 человека, а в 20-тонных — 52.

— Привезли нас в Бакал, — вспоминает К. К. Симон, — и сразу в баню. Выходим из нее, увидели охранников и с ними лающих овчарок. До этого у нас не было никакой охраны, мы ехали совершенно свободно.

Прибывших на Бакал советских немцев размещали в бывшей церкви, для чего вокруг возвели вышки и ограду из колючей проволоки, а также на Успенском поселке. Симон рассказывал мне:

— Питание в первое время было негодным, вместо хлеба часто давали жженые сухари, а зимой мерзлые турнепс и капусту. Работали мы на строительстве котлована под аглофабрику. Глубина его была до 20 метров. Сначала на строительстве котлована почему-то использовали в основном служащих: бывших счетных работников, врачей, экономистов. Как правило, эти люди были в возрасте, нормы не выполняли, а это сказывалось на питании.

Существовали три котла: первый и второй были для тех, кто выполнял нормы выработки. По первому котлу полагалось в 1942 году 800 граммов хлеба, три раза — первое блюдо и дважды — второе; по второму котлу — 600 граммов хлеба, трижды — первое блюдо, один раз — второе и, наконец, по третьему выдавалось 400 граммов хлеба и дважды — первое блюдо. Ясно, что люди, не привыкшие к тяжелому труду, чаще уходили из жизни.

Возводя аглофабрику, трудовые одновременно развернули строительство для будущего лагеря заключенных. Сейчас в печати появляются сообщения, рассказы, воспоминания о страшных колымских и красноярских лагерях, о лагерях, расположенных в Коми АССР, но я пока не встречал рассказов о лагерной жизни в нашем крае. В силу климатических условий жизнь у нас была не намного легче, чем на Колыме.

Многое зависело и от руководителей. К счастью для заключенных, оказавшихся в Бакальском лагере, начальником строительства здесь был Д. С. Захаров. Он понимал, очевидно, кто сидит вместе с уголовными элементами в подчиненном ему лагере. Тут были и командиры Красной Армии, и хозяйственные руководители, и врачи, и учителя, и инженеры, репрессированные перед войной. Д. С. Захаров иногда представлялся заключенным человеком, который все может, вроде кудесника. В качестве премии передовым бригадам выделялись испеченные пироги и так называемое премиальное блюдо. Но даже всемогущий Д. С. Захаров, естественно, не мог сломать традиций и порядков, существовавших в сталинских лагерях, он мог только отдельным людям облегчить судьбу.

Р. Г. Франк до войны был комсомольским активистом, вступил кандидатом в члены партии. Прибыв на Бакал трудовым, он только три дня как кандидат в члены партии находился без охраны, а затем и его взяли под охрану, хотя кандидатскую карточку не отобрали. Он вспоминает, что летом сорок второго в Бакал прибыло много бойцов и командиров Красной Армии немецкой национальности. Особенно выделялся старший офицер-орденоносец, участник гражданской войны, последующих боевых событий А. Я. Диц, награжденный именным оружием. В неразберихе тех дней он несколько недель ходил с именованным пистолетом, пока охрана не сообразила, что такая трагикомичная ситуация должна быть прекращена, и Диц сдал свое оружие.

Медицинское обеспечение в трудармии и лагерях было плохое. На Бакале медики из уральских трав приготавливали настойку «Адонис-верnalis» — универсальное средство от всех болезней. Трудармейцы и заключенные говорили: «Идешь в санчасть, голову носи под мышкой, иначе освобождения не получишь». При всех заболеваниях медик наливал из ведерной бутылки в стакан настойку, давал заключенному, тот выпивал, и на этом лечение заканчивалось.

С 1944 года содержание заключенных и трудармейцев несколько улучшилось. Тем, кто систематически перевыполнял нормы выработки, полагалось выдавать по 1,2 килограмма хлеба; трудармейцы немецкой национальности с работы и на работу ходили уже без охраны. Полностью охранный режим был снят только после победы, в августе сорок пятого. Однако на спецучете с унижительной процедурой ежемесячной регистрации советские немцы находились вплоть до 1956 года.

...Давно прошли те трудные годы. Бывшие трудармейцы — граждане немецкой национальности разъехались по стране. Но многие остались на Урале. Известно, например, что к концу 1942 года на площадке Челябинского металлургического завода было возведено для трудмобилизованных 12 рабочих поселков общей жилой площадью 40 тыс. квадратных метров. В рабочем поселке № 4, на месте которого сейчас располагается рынок Металлургического района, а также в поселке № 3, где сегодня магазин «Утес», жили в основном немцы Поволжья. Жили они и в других рабочих поселках. После войны они строили двух- и трехэтажные дома на улицах Богдана Хмельницкого, Сталеваров, Мира. Постепенно эти дома сносятся, на их месте возводятся современные жилые здания.

Многие немцы Поволжья навсегда связали свою судьбу с Челябинском, стали заслуженными ветеранами производства. Здесь вместе с металлургическим комбинатом [12] поднялся и город металлургов и строителей с современным благоустроенным жилым фондом, бытовыми и культурными сооружениями.

Отличными организаторами строительного дела стали и многие трудармейцы управления № 4 Рудбакалстроя. Такими, как Р. А. Райт, А. Е. Майснер, П. А. Эзау, Э. Я. Гуйо, Р. Г. Франк, гордятся в нашем небольшом городе. Сейчас некоторые из них на заслуженном отдыхе, другие уже ушли из жизни. Но те, кто жив, никогда не забывают трудное военное время — время суровых испытаний, когда, находясь, казалось бы, даже в нечеловеческих условиях, они вместе со всем советским народом помогали нашей армии добывать Победу.

Е. П. ТРОФИМОВ,
работник Бакальского рудоуправления

<http://litlife.club/br/?b=208986&p=43>

Советские немцы в исправительно- трудовых лагерях Урала в годы Второй мировой войны

ZEITUNG «AUSSIEDLERBOT

С каждым годом от нас уходят те, кто пережил Вторую мировую войну, те, кто помнит ужасы, голод и разруху послевоенных дней. Та жестокая война не признавала никаких международных правил: фашистские войска планомерно уничтожали военнопленных и мирное

население, расстреливали и сжигали сотнями тысяч представителей «неарийской» расы на захваченных территориях. В ответ на их действия война породила невиданное явление – массовые трудовые армии.

С точки зрения советского руководства, трудармии являлись не местом для отбывания наказания, и не лагерем для военнопленных, а обширной системой трудовой повинности для гражданского населения Советского Союза. После указа Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года о введении военного положения, власти получили право привлекать советское население для строительства и ремонта оборонных сооружений, промышленных объектов и к возведению закамouflированных концлагерей ГУЛАГа, позднее прозванных «трудовой армией».

После развала Советского Союза было рассекречено большое количество документов, касающихся положения немцев на Урале. Помимо многонациональных групп, здесь была и отдельная категория граждан, о которой долгое время предпочитали молчать – это советские немцы. Именно они были частью той великой рабочей силы, которая совместно со многими советскими гражданами оказались «трудомобилизованными». Фактически главное предназначение «трудармий» – полная изоляция от общества и умерщвление «социально опасного» немецкого «контингента» через привлечение к каторжному труду на самых опасных участках.

Уральский регион стал центром оборонного производства. Как отмечают советские историки, за период с 1941 по 1942 год из 1.523 эвакуированных заводов сюда прибыло 730 предприятий. Но вся эта масса тяжёлой промышленности Урала строилась не силами комсомольских бригад, а создавалась на крови и костях заключённых исправительно-трудовых лагерей.

Опасаясь массового перехода немецкоязычного населения на сторону фашистской Германии, советское командование приступило к отзыву из Красной Армии военнослужащих этой национальности. Теперь уже бывшие защитники Родины направлялись в ИТЛ по всему Советскому Союзу, в том числе в Удмуртскую АССР и Молотовскую область. Ещё в сентябре 1941 года началась активная подготовка местных лагерей к массовому приёму русских немцев. Так, выполняя секретное постановление НКВД СССР, начальники исправительно-трудовых лагерей Усольлага (г. Соликамск) и Ивдельлага (г. Ивдель) рапортовали, что готовы разместить на вверенных им участках 39.000 «неблагонадёжных» мобилизованных немцев.

Условно все лагеря, где размещались немцы, разделялись с учётом полового признака на три категории: исправительные учреждения мужского типа, женского типа и лагеря смешанного содержания. Однако Уральские ИТЛ немного отличались от всесоюзных и разделялись только на два типа: мужские (Соликамлаг, Севураллаг, Тагиллаг, Тавдинлаг, Богословлаг) и лагеря совместного содержания (Усольлаг, Бакаллаг, Ивдельлаг, Востураллаг). Причиной такого решения руководства исправительных лагерей считается специфика развёртывания на Урале ширококомасштабного строительства, где требовалась только грубая мужская сила. По мнению НКВД, строительство отдельных женских ИТЛ являлось расточительством в сложные военные годы и не могло отвечать поставленным задачам.

В книге «Памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941-1946 гг.» приводится довольно точная статистика участия немцев в составе трудомобилизованного контингента. Например, если за 4 года существования ИТЛ Богословлага через него прошло 110 женщин, то уже в Тагиллаг и в ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой (БМК-ЧМС) было направлено 1.008 и 1.500 немцев соответственно. При этом стоит отметить, что исправительно-трудовой лагерь БМК-ЧМС по праву считается одним из самых опасных лагерей Уральского региона после Богословского. Согласно рассекреченным архивным данным, за всё время его существования средний уровень смертности среди немцев-трудармейцев достигал 17,3 % (вторая по смертности группа после заключённых), а количество демобилизованных по инвалидности – 34,7 %.

Январь 1942 года стал переломным моментом в истории советских немцев. Отныне советское правительство решило отказаться от частичной мобилизации в рабочие колонны граждан немецкой национальности. Выполняя постановление №1123 «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста», ГКО СССР 10 января 1942 г постановил начать массовую мобилизацию свыше 120.000 человек, которых ранее принудительно выселили.

Таким образом, уже к лету 1942 года большинство лагерей уральского региона были существенно реорганизованы. Если ранее в ИТЛ преобладали заключённые, совершившие тяжкие или политические преступления, то теперь здесь содержались ранее свободные граждане Советского Союза.

При этом контингент мобилизованных немцев кардинально увеличился и в среднем составлял 46 %. Стоит отметить, что в Соликамлаге и Бакаллаге количество советских немцев было намного выше (56 % и 99,8 % соответственно).

Во всех лагерях Урала первоначально существовало чёткое разделение заключённых на уголовников (проходивших в отчётной документации под литерой «А») и мобилизованных советских немцев (литера «Б»). Согласно внутренним документам НКВД, такое решение было вызвано желанием доказать всем трудомобилизованным немцам, что советская власть не приравнивает их к «врагам народа», и данное заключение является вынужденной мерой военного времени. И это требование неукоснительно выполнялось. Так, в одном из документов «Баластроя» (позднее «Челябметаллургстрой») лагерное руководство отчитывалось депутату Белобородову: «В целях обеспечения полной изоляции мобилизованных немцев, работающих на территории Бакальского комбината, создано круглосуточное оцепление и полностью исключена вся внешняя связь спецконтингента». Аналогичный подход был введён и в других ИТЛ НКВД. В Вортураллаге, например, советские немцы размещались в отдельных бараках, которые в свою очередь разбивались на секции по 20-30 человек. На Богословском строительстве «трудомобилизованные» содержались в постройках общей площадью 10.000 кв. м. В каждом бараке назначались ответственные за поддержание порядка и уборки помещений, преимущественно из граждан, временно освобождённых от тяжёлого физического труда.

Примечательно и то, что «трудомобилизованных» не лишали избирательных прав и даже... не лишали членства в ВПК (б). Однако все партийные собрания в лагерях больше походили на фарс и никогда не выходили за формальные рамки лагерного руководства. В ряде ИТК Урала комсомольские и партийные организации и вовсе не существовали, при этом у большинства

новоприбывших советских немцев никто не стремился отбирать заветные партбилеты. Часть немецких коммунистов в Краслаге, шокированные нарушением всех прав и свобод, пытались повлиять на лагерную охрану и написали коллективное письмо в ГУЛАГ НКВД СССР с требованием прекратить все противоправные действия против «трудомобилизованных». Ответ себя не заставил долго ждать.

В срочном порядке из Москвы в Краслаг прибыла комиссия во главе с генералом Генкиным и потребовала всех коммунистов 1-го отряда сдать партбилеты, но партком воспротивился, и впоследствии это решение им дорого обошлось. В лагере немедленно создали суды-тройки и осудили зачинщиков на длительные тюремные сроки в суровых лагерях Крайнего Севера. Остальных этапировали в Усольлаг, Каругольлаг и Вятлаг. Только после смерти Сталина удалось добиться частичной реабилитации обвиняемых в «деле немцев-коммунистов», но, к сожалению, многие не дожили до этого времени.

Но далеко не все немцы-коммунисты избирали такой путь и шли на открытую конфронтацию с лагерным руководством. Доведённые до крайнего физического и морального изнеможения, некоторые соглашались на сотрудничество и переквалифицировались в тайных доносчиков. Количество таких людей было довольно велико и среди беспартийных немцев. В конечном счете, все они служили одной лишь цели – выявлять предателей народа, затаившихся среди лагерного контингента. Именно с подачи таких «стукачей», лагерная охрана была осведомлена о текущем состоянии дел и задавливала в зародыше любые попытки неповиновения. Все «шкурники» прекрасно осознавали, что каждый донос будет стоить жизни «трудомобилизованному» немцу, но всё равно продолжали вести свою деятельность. В книге «Зона полного покоя» Герхард Вольтер рассказывает, что за хорошую работу таким лагерным элементам полагалось более щедрая пайка и тёпленькое место в лагерной обслуге.

Основные исправительно-трудоустройства лагеря Урала

К маю 1942 года на Урале активно функционировали 9 из 15 исправительно-трудоустройств лагерей, в которые размещались трудовые колонны мобилизованных немцев. Тагиллаг был организован 27 ноября 1942 года и предназначался для обеспечения рабочей силы второй «сверхлимитной» очереди коксохимического и металлургического Ново-Тагильских заводов. В первый год смертность заключённых составляла 44 %. За время существования Тагиллага через него прошло около 15.000 советских немцев. Принудительную мобилизацию в данном ИТК условно разделяют на три периода. Во время первой всеобщей трудомобилизации главными источниками поступления немецкого контингента послужили местные военкоматы – Павлоградской (66 %), Семипалатинской (29 %) областей Казахской ССР. Вторая отличалась привлечением жителей из числа местных немцев в основном из Свердловской и Омской областей. В связи с переполнением, третья мобилизация не коснулась данного лагеря.

Печально известный ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой, расположенный в Челябинске, до 1943 года носил другое название – Бакаллаг. Именно сюда в 1942 году прибыли первые военнопленные вермахта. Общая численность трудармейцев в Бакаллаге (без учёта военнопленных и привлечения спецстроительных батальонов) за 4 года составила около 90.000 человек, из которых 37.086 были советскими немцами. На данный объект отправлялись преимущественно депортированные немцы из таких регионов, как Поволжье (30 %), Молдавия и Украина (28 %), Кавказ (9 %). Коренных немцев-уральцев здесь находилось не более 3 %. Часть немцев призывного возраста, которые работали на спецзаводах и имели бронь, не оставляла своих попыток попасть на фронт. Но вместо желанного статуса защитника Родины, в большинстве случаев их ожидали исправительно-трудоустройства лагеря.

В своей книге «На костях трудармейцев» Александр Нахтигаль описывает воспоминания одного из местных немцев: «Не дожидаясь призыва, я решил сам обратиться в ближайший военкомат. И меня мобилизовали... на «Бакалстрой». Только когда мы подходили к посёлку, то заметили первые сторожевые вышки. «Вот это да, наверное, будем охранять заключённых», –

предположил один из нас. Но каково было наше удивление, когда после формального приёма нас всех отправили в тот самый лагерь, только в качестве арестованных. По иронии судьбы такая же участь ждала и этапировавшего нас офицера, слишком уж подозрительную фамилию он носил. И такие случаи были не единичны. Среди заключённых оказалось довольно много советских солдат и офицеров немецкой национальности».

Руслан Мороз

<https://aussiedlerbote.de/2017/05/sovetskie-nemcy-v-ispravitelno-trudovyh-lageryah-urala-v-gody/>

Трудармейское детство графини

Розалию Граф (в девичестве Кригер) родственники не зря называют «мостом общения». Мост соединяет берега и страны, народы и времена. Решительная, волевая и какая-то ...выше всех, несмотря на невысокий рост, одним словом, Графиня! Это прозвище «прилипло» к ней прочно, заменив имя. Она, заводила, всегда впереди – то ли идти слушать, как стучит по шпалам поезд, то ли гнёзда на берёзах мастерить, то ли песни голосистые петь.

По крупицам разыскивает теперь Графиня сведения о своей семье, о веточках рода, жестоко обломанных в военное лихолетье. А семья была большая! Её дед по матери – Егор Петер служил в царской армии, имел от двух браков (первая жена умерла) восемь дочерей и сына. Закончил свой жизненный путь в Копейске под Челябинском, в 1936 г. Повезло, не дожил он до страшного 37-го или зловещего августа 41-го...

Дед по отцу, Иоганн Кригер, жил в Германии, изучал пивоваренное дело. Обе его дочери, Зося и Розалия, жили то с отцом, то в России, но после смерти матери в 1914 г. уехали в Германию. Последовавшие затем Первая и Вторая мировые войны окончательно разъединили их. Фамилия Кригер - довольно распространённая, как теперь найдёшь родную «веточку»?

Папина сестра Розалия Кригер со своими детьми. 1914 г., перед отъездом в Германию. Может быть, кто-то узнает эту женщину?

Их брат Александр (когда умерла мать, ему было семь лет) всего в жизни добивался сам – учился, работал на шахте в Копейске, рано женился, надеясь обрести тепло домашнего очага и изжить вечное чувство сиротства. Время было трудное, но радостное: страна строилась, поднималась из руин, шахтёрский труд ценили. Именно тогда на шахте в Кадиевке (Донбасс) забойщик Алексей Стаханов установил знаменитый рекорд по добыче угля. По всей стране развернулось стахановское движение. Сердца горели любовью к родине, желанием трудиться для ее блага. Не знали тогда копейские шахтёры – а большинство из них было немцами – какую судьбу уготовит им родина-мать.

Сначала в жизни Александра Кригера всё складывалось хорошо: любимая жена Валентина, детский щебет и смех встречали его дома после забоя. Но в 1936 г. внезапно умерла 28-летняя жена, оставив троих малышей – семилетнего Иоганна, пятилетнего Александра и полуторагодовалую Розалию. Что было делать шахтёру – ведь завтра снова на смену? Кто присмотрит за детьми и накормит их? Не долго думая, привёл он в дом новую жену – Елизавету. Вскоре родилась и маленькая дочка, связав их друг с другом ещё теснее. Но через год Александра посадили, репрессировали как «врага народа».

Перепуганная Елизавета, забрав четверых ребятишек, уехала в глухую деревеньку, к матери и сёстрам, надеясь выжить там, с помощью близких. Но пасынкам и падчерице места в избе не нашлось – поставили им шалаш, изредка подбрасывали что-то из еды, чтоб совсем не поумирали от голода. Если бы не старая бабушка – мать Елизаветы, «драгоценнейший человек – слов нет!», как говорит о ней Розалия, действительно, схоронили бы там, в глухомани, троих детей.

Как холодно спать в шалаше, как страшно маленьким детям одним на окраине леса! И это не сказка – уральская быль. Маленькая Роза предложила: «А давайте сделаем себе гнёзда на ветвях высоких деревьев – будем, как птицы!» Решили – сделали. Утеплили свои гнёзда тряпьем, сухой травой, землёй. Так и жили – раскачиваясь между небом и землёй, поближе к Богу, поближе к маме, которая уже не вернётся никогда. А отец вернулся – незадолго перед войной. Собрал остатки своей семьи (к тому времени маленькая дочь Елизаветы умерла). Но тут грянула война – и его отправили на фронт, однако, разобравшись – немец ведь! – с полпути вернули назад, в трудармию. Александр Кригер прошёл лесоповал, испытал все ужасы советских лагерей за колючей проволокой, вернулся лишь в 1957 г. и, проработав год на цементном заводе в Челябинске, умер.

Война никак не повлияла на детство нашей Графини и её братьев – куда уж хуже! Они вернулись в глухую уральскую деревеньку – всё-таки сельчане знали сирот, там можно было хоть как-то существовать.

В марте 1943 г. местные крестьянки-немки, ничего не знавшие о своих мужьях, отправленных в трудармию, решились на отчаянный, по тем временам, поступок: «Пошли в трудармию! Узнаем, что там с нашими мужьями, почему нет от них никаких вестей?! Уж лучше с ними за колючей проволокой сидеть, чем здесь от голода помирать!»

И пошли. Чуть не всем селом, с детьми и стариками. С ними – и девятилетняя Роза с братьями. По дороге узнали, что многих мужей, отцов уже нет в живых и идти-то, собственно, не к кому. Но поздно – трудармейские колонны охотно поглотили вновь прибывшую рабсилу. Трудармейцы жили в землянках. Там, за печкой, поселили вместе с братьями и девочку. Сначала хотели отправить её в детский дом – да куда там! Уж лучше в сырой землянке, но рядом с братьями, чем в детдоме! Трижды бежала Роза от конвоиров, возвращаясь назад, за колючую проволоку.

Братьев определили работать жестянщиками, посыльными. А среднему - Иоганну приглянулось ремесло сапожника. Во время войны приходилось ему шить сапоги из бумаги, покрывая их асфальтовой крошкой, а туфли – из ткани; других тогда не было. Роза тоже хлеб

даром не ела: собирала крапиву на столовские щи, помогала на кухне, убирала в землянках. Получала так называемый месячный «детский паёк» - на троих один раз поесть.

А однажды, когда выдали трудармейцам простыни, решила восьмилетняя Роза стать, наконец, девочкой: из белой простыни и полосатого матрацного чехла пошила себе юбку и кофточку. Дед-банщик подстриг её чёрные волосы «под полечку» - мечта всех тогдашних девчонок. Но ...нарядную и счастливую девочку старший по бараку поставил на стол и мрачно сказал: «Так... Отец - враг народа, и она туда же... Будем её судить за расхищение государственного имущества!» И не остановили его ни детские слёзы, ни умоляющие взгляды братьев и односельчан маленькой Розы.

В 1944 г. разыскала ребят их тётка по матери – Елена Петер – и забрала девочку к себе, в село Тельмановку Кустанайской области. Сама она осталась без мужа, с малолетней дочкой, но к племяннице относилась сердечно. Там Роза впервые пошла в первый класс. Волевая, с мальчишеским характером, сразу стала она в школе заводилой. Конечно, пришлось поколотить пару раз кое-кого – чтоб не дразнили «мальчишкой».

Проучившись три года, вернулась 13-летняя девочка в родной Челябинск, к братьям. Закончив в вечерней школе четвёртый класс, пошла работать: нянечкой в детском саду, швей в мастерской, сестрой-хозяйкой в детской поликлинике, лудильщицей и паяльщицей на заводе электромашин.

Традиционный свадебный наряд немцев Копейска, 1952 г. Только платье должно быть белое. Но денег на него, по бедности, не хватило.

В 1958 г. встретила она свою любовь – Йозефа Графа. С ним вместе, как говорится, пешком под стол ходили: дружили ещё их родители. Поженились, родили двоих сыновей, поехали поднимать целину, прожили вместе 18 лет и - разошлись. Встретилась на его пути молодая, красивая, нахальная – и променял он на неё свою Графиню и сыновей. «Бог ему Судья!» - ни слова осуждения не услышала я из её уст. Вот такая она, наша землячка Розалия Граф (78) из Нойвида, – немногословная, справедливая и сильная духом.

Татьяна Головина

December 9th, 2012 <http://tatjanagolowina.livejournal.com/41054.html>

Гросс Яков Фридрихович

Буданова Юлия Павловна рассказала о судьбе деда:

«Гросс Яков Фридрихович родился в 1907 году. Был мобилизован в трудармию на угольные шахты в г. Челябинск. Умер от голода 5 июля 1943 года, находясь в трудовой армии, в г. Коркино, Челябинской области.

Мой отец – Пауль Яковлевич Гросс родился 28 июня 1941 года в Крыму (станция Окречь, Ичкинский район). Осенью 1941 года вместе с родителями из Крыма был депортирован в Казахстан, в Джамбульскую область, вскоре его отца Якова Фридриховича призвали в трудармию, откуда он уже не вернулся. Таким образом, мой папа своего отца никогда не видел, все что осталось – эта фотография».

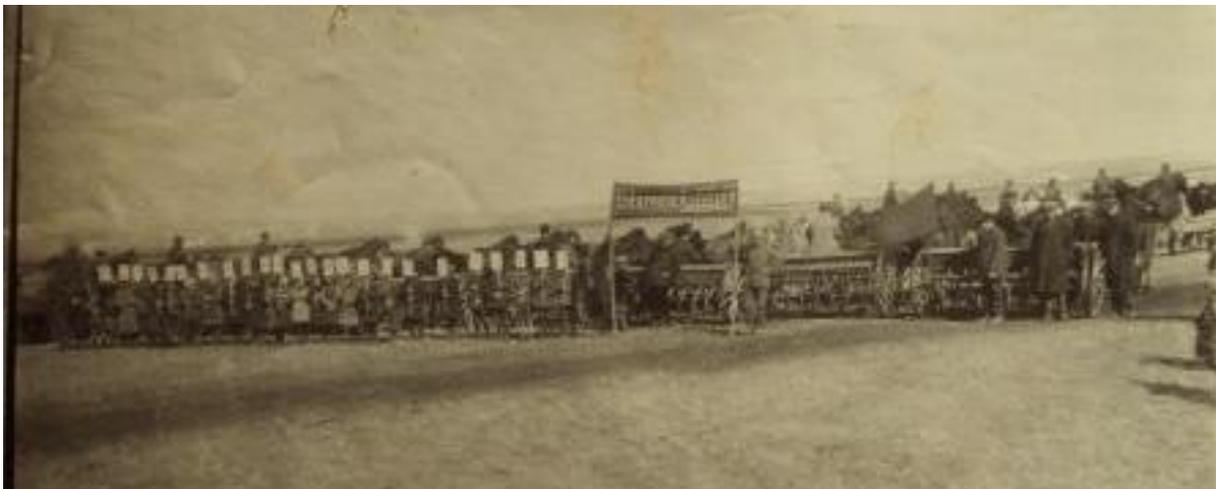
Отправитель: Буданова Юлия Павловна
г. Лисакоск, Костанайская область, Республика Казахстан

Забытая армия

Хотелось бы всех
поименно назвать,
Да отняли список,
и негде узнать.
А.Ахматова «Реквием».

Когда началась война, девочке по имени Зара, жившей в селе Ждановка, исполнилось 15 лет. Оренбургская область находилась далеко от западных границ, и поэтому жизнь в селе мало изменилась. Со своими сверстниками Зара ходила полоть колхозную пшеницу, вместе с женщинами складывала кизяк, работала на току.

В те времена дети уже с 3-4 класса приучались к общественному труду, а Зара уже закончила семилетку и собиралась учиться дальше, но школы десятилетки в селе не было, хотя и пристроили к школе (бывшей кирхе) новый корпус, но открыть её помешала война. А желание учиться было очень велико, и тогда родители Зары, Пётр Петрович и Елена Ивановна Валл, приняли решение отправить её вместе со старшей сестрой Эльзой в Домбаровский район, где Эльза, окончившая к тому времени педучилище, должна была учить детей немецкому языку.

В то время в Домбаровке открыли угольные шахты, работы было много, поэтому огромное количество молодёжи со всех соседних сёл приезжало туда в поисках заработка. Здесь, осенью 1941 года, исполнилось желание Зары, она поступила в 8 класс. Но учёба всё не начиналась из-за того, что учеников вместе с учителями отправляли работать то на ток, то на уборку картошки. Этой же осенью из Белоруссии и Ленинграда прибыли эвакуированные, среди которых было много образованных. Количество учебных часов у Эльзы убавилось, а вследствие убавился и заработок. Вскоре ввели карточную систему: по 400 грамм хлеба в одни руки. Сёстры еле-еле сводили концы с концами. Поэтому Заре пришлось бросить учёбу и отправиться назад к родителям.

Всю зиму она работала: возила с поля из омета не обмолоченный хлеб, который потом обмолачивали в селе. Она с нетерпением ждала следующей осени, чтобы вновь продолжить свою учёбу. В 1942 учёба началась только в октябре, так как весь сентябрь дети помогали взрослым убирать хлеб. Зара Петровна и сейчас очень хорошо помнит тот день, когда они вместе с подругой, Аней Вольф, отправились на велосипедах в Преторию, за 30 км от родной Ждановки, и всё потому, что там была школа. Только через месяц, 7 ноября, они вновь увидели родных, но к учёбе вернуться не пришлось... 8 ноября 1942 года в село приехала комиссия проводить мобилизацию в трудармию. Призывали мужчин от 15 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет.

Для Зары и её подруги тогда началась совсем другая жизнь. Их отправили на восток области в город Орск. Там строился нефтеперегонный завод. Специалисты были из Азербайджана, а всю черновую работу выполняли трудармейцы. Они вручную, при помощи кирки, лома, лопаты и тачки рыли фундамент для строительства завода. Работали на открытом воздухе и при любой погоде.

Сейчас Зара Петровна шутит: «Работали на свежем воздухе, поэтому никто не болел». Иногда, во время обеденного перерыва, грунт взрывали, и тогда работать было легче. Трудармейцы работали и на цементном заводе, и на погрузке угля для ТЭЦ, и на военном заводе на перекачке снарядов. Работали по 12 часов, а часто и сверхурочно. Не все выносили такой труд, некоторых обессиленных комиссовали, а кто-то и вовсе не вернулся...

В то время в стране трудно было всем, особенно на фронте. Но в трудармии была особая трудность – моральная, ведь Зара и её подруги были немцы. Их мобилизовали военные комиссариаты, но затем они были переданы НКВД. Слово «трудармеец» передается в немецких семьях в послевоенное время из поколения в поколение. Оно является синонимом не только физических страданий, преждевременных смертей, разрушенных семей и родственных связей и т.д. Это пережила во время Отечественной войны почти каждая семья, это не зависело от национальной принадлежности. Русские матери получали иногда похоронки на всех своих сыновей.

Но было одно большое отличие: погибшими на фронте можно было гордиться, а погибших в трудармии оплакивали только близкие. Трудармейцев отождествляли с «образом военного врага» и поэтому часто их называли фашистами. Им было отказано в праве воевать на фронте. Среди них легко было «выполнить план» по выявлению «врагов народа»

Моральное унижение являлось одним из самых жестоких наказаний в трудармии. За годы войны из Переволоцкого и Александровского районов было мобилизовано в трудовую армию около 20% немецкого населения. 20 марта 1942 года из 14 немецких сёл Александровского и Переволоцкого районов забрали в трудармию 432 мужчины, их отправили в город Коркино Челябинской обл.

12 ноября 1942 года стали забирать в трудармию и женщин, всего забрали 310 человек. Они были направлены в основном в город Орск. Позже стали забирать пожилых мужчин и юношей (120 чел.), их направляли в город Молотов Пермской обл. Всего по стране погибло-сгинуло в трудармии, было стерто в лагерную пыль около 400 000 человек - четвертая часть немецкого населения тогдашнего СССР. Но никто не жаловался, не возмущался. Люди считали, что нужно заслужить прощение за то, что они – немцы.

В сентябре 1945 года 19-летней девушкой вернулась Зара из трудармии домой. Работала в колхозе: пахала на быках, бороновала, скирдовала солому. Но молодость берёт своё, после тяжёлой работы молодёжь всё равно собиралась в клубе. Там и встретила она, вернувшегося из трудармии Лепп Давида.

В 1947 году, осенью, сыграли свадьбу. С мужем прожили 52 года. Вырастили 4-ых детей, 6 внуков и 8 правнуков.

В 1999 году мужа не стало. Зара Петровна живёт с дочерью Лидией Давидовной. Дочь работает в школе учителем немецкого языка. Младшая дочь Ольга живёт и работает в Оренбурге. Сын с семьей, а также три сестры Зары Петровны проживают в Германии. Сегодня Заре Петровне Лепп 83 года. Несмотря на возраст и жизненные трудности она не озлобилась, не очерствела и не утратила чувство юмора. Она интересный рассказчик и хороший собеседник. Такой женщине можно только позавидовать.

Когда знакомишься с биографиями трудармейцев, то вместе с чувством сострадания возникает чувство огромного восхищения перед их стойкостью и жизнелюбием. Мне хочется, чтобы об этих людях узнали и мои сверстники. Мы не вправе забывать тех людей, те события, что связаны с этими людьми, даже ради собственной безопасности, потому что если мы забываем историю, она имеет свойство повторяться. А кто будет следующим? Неужели прав историк В. О. Ключевский в том, что история учит только тому, что ничему не учит?!

Рядовые трудармии

Работа в рамках проекта "МК-Урал" к 70-летию Победы

26.04.2015

Мои прадедуська и прабабуська во время войны трудились в тылу. Они не участвовали в военных действиях, но внесли свой вклад в дело Победы. Я хочу рассказать о жизненных испытаниях, которые выпали на долю моих прадедуськи Федора Яковлевича и прабабуськи Марии Яковлевны Швин.

Рядовые трудармии. Ф.Я. Швин

В июне 1941 года мирная жизнь жителей Советского Союза была нарушена вероломным нападением фашистской Германией. С первых дней войны жители российских городов и деревень почувствовали ужас военного времени.

Многие ветераны, труженики тыла, вспоминают, как нелегко им жилось в тылу. Не хватало всего. Люди недоедали. Но желание в трудную минуту помочь стране, внести свой вклад в борьбу с захватчиками пересиливало и голод, и холод, и накопившуюся от непосильного труда усталость.

Мои прадедушка и прабабушка тоже ковали победу в тылу. В начале войны они жили в деревне на реке Волге. В семье у них было четверо детей. Война перевернула обычную жизнь, и начались испытания для них, как и для всего народа.

В конце 1941 года мой прадед Федор был призван в Советскую армию и отправлен на курсы пулеметчиков. С малыми детьми осталась моя прабабушка Мария.

В 1942 году прадед Федор был призван в трудовую армию и отправлен на заготовку древесины в Пермскую область, город Ивдель, где пробыл до 1947 года, не зная, что происходит с семьей, испытывая там голод и лишения, тяжесть непосильного труда. Для фронта ему приходилось сколачивать плоты из бревен на реке Каме. Заготовкой леса они занимались зимой при сорокаградусном морозе в ветхой одежде. А летом, стоя по грудь в воде, сплавляли заготовленный для фронта лес.

В это время у прабабушки умер младший ребенок, и ее тоже отправили в трудовую армию в город Казань на оружейный завод. Ей тоже приходилось выполнять непосильную мужскую работу по 12 - 14 часов в день. Трех своих детей ей пришлось оставить на попечение родственников-инвалидов, которых не призвали на фронт. Один из оставленных детей,

одиннадцатилетний сын Андрей, умер от истощения, двое других сбежали от бездушных родственников и попали в воинскую часть, откуда их отправили в детский дом в Сибирь.

После войны прабабушка и прадедушка не сразу нашли друг друга, так как были малограмотны. Встретились они только в 1947 году и стали разыскивать своих детей. В 1948 году они нашли их в омском детдоме и привезли их в поселок Бреды Челябинской области, где и прожили всю оставшуюся жизнь.

Когда мне мой дедушка рассказывал о судьбе своих родителей, у него на глаза наворачивались слезы. Такая судьба затронула многие семьи, пережившие войну.

Работая над темой о военном времени, я испытывала большое уважение к прадедушке и прабабушке и удивлялась стойкости и мужеству нашего народа. Я поняла, что не только на фронте, но и в тылу были свои герои. Благодаря мужеству, стойкости, вере в Победу, желанию быть полезными Родине и Красной армии наш народ смог победить.

Я очень хочу, чтобы подобного не повторялось, чтобы я и мои дети никогда не испытали ужасов войны.

Автор: Елизавета Ринг, 5 «Б» класс МКОУ «УСОШ».

Учитель: Лариса Александровна Ильиных.

<https://chel.mk.ru/articles/2015/04/26/ryadovye-trudarmii.html>

Бессмертный барак

Якобс (Якоби) Александр Яковлевич

Дата рождения: 1914г.

Место рождения: Саратовская область, Россия

Место проживания: Челябинск, Челябинская область, Россия

Национальность: неме
Социальный статус: чернорабочий 10-й стройотряд ЧМС НКВД СССР
(трудармия)
Дата ареста: 25 сент бря 1942г.
Приговорен: 03 февраля 1943 год
Приговор: 10 лет справительно-трудового лагеря
Источник данных: ГУ ОГАЧО Ф. Р-467. Оп. 3. Д.4261

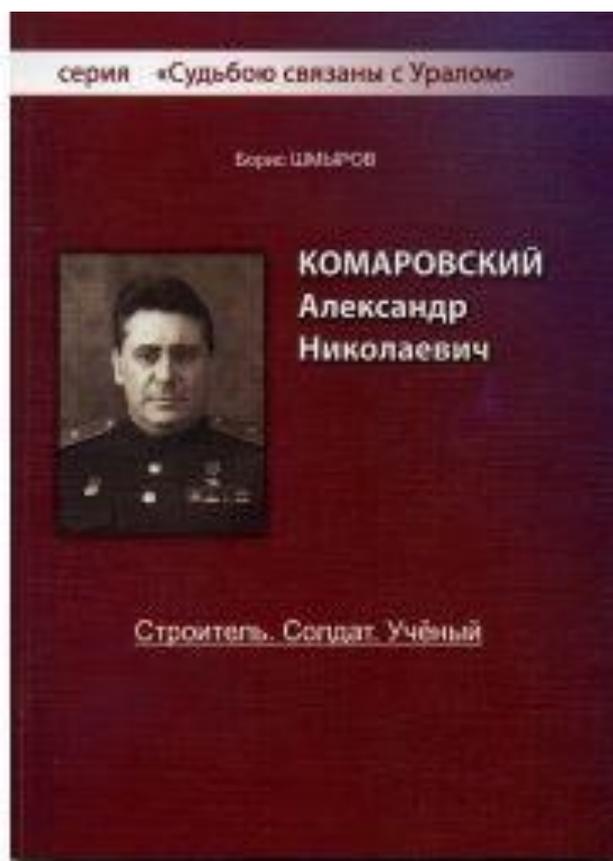
Они создавали Челябинскую область. Александр Комаровский

3.01.2015

*Памятная доска на доме № 7А.
Улица имени А. Н. Комаровского, Челябинск*

В январе в день вручения премии «Светлое прошлое» народный артист России Олег Митяев и губернатор Челябинской области Борис Дубровский представили уникальный сборник «Они создавали Челябинскую область». В сборнике собраны материалы о людях-легендах, участвовавших в создании нашего региона, о счастливых и драматичных моментах их жизни на Южном Урале.

Герои книги (их 22 человека) – это люди, от решений которых зависели судьбы десятков и сотен тысяч людей. В основном, это руководители крупных предприятий, таких, как ЧТЗ, ЧТПЗ, ММК, ЧМЗ, ученые, участники атомного проекта. Среди героев издания есть и Александр Комаровский.

Глава о нем в книге начинается так: «В летопись Челябинской области этот человек, несомненно, вошел как один из ее создателей. Фактически именно ему обязан своим существованием целый район Челябинска – Metallургический, с его комбинатом мирового значения. Ему же обязан рождением и один из наших «атомных» городов – Озерск».

Значит, это было очень важно для страны и для будущей Победы: весной 42-го года Пятая саперная армия во главе с бригадным инженером А. Комаровским в полном составе покинула рубежи Сталинградской битвы и была отправлена на Урал строить Челябинский металлургический завод.

Это сейчас – много лет спустя после Великой Победы – мы повторяем, что на Урале и в Челябинске было выпущено столько-то танков и снарядов, так необходимых фронту и для Победы. Но сначала нужен был металл. Много металла. Для этого нужен был Челябинский металлургический завод, ЧМЗ.

Начатое в окрестностях Челябинска строительство на Першинской площадке под руководством Александра Николаевича Комаровского за считанные месяцы вылилось в гигант индустрии. Уже в апреле 1943 года на ЧМЗ была произведена первая плавка. Говоря об этом, как небывалом и выдающемся событии в истории Тыла Великой Отечественной войны, не забудем – большую часть рабочих, на чьи плечи выпали все тяготы этого строительства, составляли трудармейцы – советские немцы, свезенные насильственно на Урал из Поволжья и других уголков Советского Союза, а так же трудармейцы из Средней Азии, а еще военнопленные немцы.

Таковы страницы биографии Комаровского - государственного деятеля, связанные с Челябинском. Но есть еще важные страницы, связывающие его неразрывно с Южным Уралом.

В первые послевоенные годы в условиях совершенной секретности строились первые объекты атомной промышленности, стране нужна тогда была атомная бомба, чтобы защитить себя от новой возможной агрессии. Считается, что именно Комаровский предложил место под строительство химкомбината «Маяк» и Челябинска-40. Ныне известного, как Озерск. Всего в атомной отрасли Александр Комаровский проработал около 20 лет, был заместителем министра среднего машиностроения СССР по строительству. Первым из военных инженеров страны стал генералом армии.

Александр Комаровский более двух десятилетий возглавлял строительство уникальных объектов атомной промышленности – первая в мире атомная станция в Обнинске, Звездный городок космонавтов, города для работников атомных предприятий – Саров, Озерск, Снежинск.

В истории создания ракетно-ядерного щита страны эти имена остались навечно – Курчатова, Королева, Келдыша. И – Комаровского.

Он засветил «Маяк»:

В летопись Челябинской области этот человек, несомненно, вошел как один из ее создателей. Фактически именно ему обязан своим существованием целый район Челябинска — Metallургический, с его комбинатом мирового значения. Ему же обязан рождением и один из наших «атомных» городов — Озерск.

Александр Комаровский

«Комаровские рубежи»

Уже много лет в Челябинском металлургическом техникуме существует музей А. Н. Комаровского. Есть в Metallургическом районе и улица, носящая его имя.

Однажды возле одной из именных табличек на стене дома на улице, носящей его имя, пришлось услышать вопрос с издевкой:

— Это не тот ли Комаровский, который со своей армией сбежал к нам в тыл со Сталинградской битвы?

Случайный прохожий, должно быть, и не подозревал, насколько чудовищно оскорбительной была его реплика. Но самое печальное, что подобное полужанье уже давно и прочно живет в мифах, обрстая еще более нелепыми подробностями.

Увы, но даже не из уст прохожего можно услышать, а в серьезной литературе — прочитать такой, например, миф. Весной 1942 года Пятая саперная армия во главе с бригадным инженером А. Н. Комаровским в полном составе покинула рубежи Сталинградской битвы и отправилась на Урал строить Челябинский металлургический завод. Примерно в такой версии этот факт, увы, уже много лет коцует из одних исторических сборников в другие.

В октябре 1941 года на базе управления была сформирована Пятая саперная армия во главе с Комаровским, направленная на строительство Сталинградского оборонительного обвода. Здесь зимой, во фронтовых условиях, создавались «комаровские рубежи» обороны, которые стали спасительной линией для наших солдат в горячие дни лета 1942 года.

Мифический генерал

По распространенной в советской историографии версии, еще в январе 1942 года постановлением ГКО на базе Пятой армии был сформировано управление строительства Бакалстройа — завода высококачественных сталей в районе Челябинска.

Фактически постановлением ГКО от 22 января 1942 года Комаровский был освобожден от должно

108 Они создавали Челябинскую область

Исследователи отмечают, что главным результатом деятельности Главпромстроя НКВД под руководством Комаровского стало строительство в кратчайшие сроки и ввод в эксплуатацию объектов, позволивших стать СССР ядерной державой, ликвидировать монополию США в этой области. Сейчас известно, что в планах нашего союзника по «второму фронту» было нанесение в конце 40-х годов ядерных ударов по десяткам городов Советского Союза. И это теперь мы должны «иметь в виду», говоря о том, какой ценой был создан в стране ядерный щит.

При Сталине Комаровский стал Героем Социалистического труда, но об этом не сообщалось в газетах. Он был строитель, но строительство объектов было очень засекреченным.

Очевидцы строительства челябинского металлургического завода отмечают, что генерал Комаровский не избегал общения с трудармейцами. Имена их стали вспоминать совсем недавно.

Необходимое отступление. Три года назад я был участником презентации уникальной книги. В феврале 2012 года исполнилось 70 лет с начала массового призыва советских граждан немецкой национальности в трудовую армию. За этой сухой формулировкой – тысячи судеб, покалеченных годами сталинской репрессивной машины. Страницы биографий тысяч семей, в том числе и челябинских, о которых еще не так давно было не принято вспоминать.

Произошло событие, значимое для истории Урала: вышел в свет второй том GEDENKBUCH — «Книги памяти немцев — трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942-1946». В этой книге можно найти имена людей, которым не ставили памятники благодарные потомки, о них не снимали фильмы и не писали раньше книг. Это были безымянные герои, которые приближали победу в тылу, оставаясь для общества «врагами народа».

Во многом благодаря тяжелейшему труду этих людей был построен Челябинский металлургический комбинат, а также множество жилых домов в нынешнем Металлургическом районе города.

«Книга памяти» была посвящена крупнейшему лагерю принудительного труда для трудмобилизованных российских немцев в СССР, насчитывавшему в период с февраля 1942 по июнь 1946 год около 40 тысяч человек. В издании представлены результаты разработки электронной базы данных, созданной на основе учётных карточек трудармейцев.

Издание адресовано трудармейцам, их родственникам, преподавателям отечественной истории.

Бывшие трудармейцы, их дети и внуки составляют немалую часть населения Челябинска. Память о тяжёлых лишениях в лагерях и на спецпоселении не должна бесследно растаять в прошлом.

Меня, как и многих участников той встречи, волновало: можно ли использовать эти страницы истории в патриотическом воспитании молодежи.

- Что тут патриотического может быть? – задал вопрос Виктор Кириллов, доктор исторических наук, один из авторов-составителей «Книги памяти...», — Наша книга вспоминает людей, кто имел все основания ненавидеть власть и страну, но они своим трудом сделали очень много для победы в тылу, были такими же героями, как легендарные танкоградцы.

На территории римско-католической церкви в Металлургическом районе есть памятник трудармейцам, его рисунок стал одной из иллюстраций «Книги памяти...».

Несомненно: говорить и знать об этом надо. В разные периоды нашей истории скрывали, «не замечали» одни стороны истории страны, Великой Отечественной войны, затем стали забывать про другие. В книге о Комаровском сказано:

- В жилых бараках практически отсутствовали печки для обогрева, не хватало нар и спальных принадлежностей – подушек, матрацев, одеял, заключенные зачастую спали на голых досках. Не было достаточного количества туалетов. О продовольственном пайке можно было бы и не говорить – ни количество, ни качество получаемых по заниженной норме продуктов не могли поддерживать организм заключенных в трудоспособном состоянии в сложившихся условиях. Заболевания и смертность в такой ситуации большого количества обитателей лагерей были обычным делом.

До перестроечных лет об участии трудармейцев и их вкладе в дело Победы над фашистской Германией ничего не говорилось. Коммунистическая идеология не признавала наличия в СССР принудительного труда людей, фактически лишенных многих гражданских прав и свобод. В первую очередь это касалось лиц немецкой национальности.

Пришло время говорить об этом. Чтобы понимать, какой ценой, ценой скольких жизней и судеб появились великие стройки в городе, на Урале, какой ценой была завоевана Великая Победа, какой ценой ковался не только для нее «щит», но и что было сделано, чтобы не началась ядерная война.

Вернемся к главному герою публикации – Александру Комаровскому. Знают ли сегодняшние челябинцы, жители Metallургического района, что связывает их историю с историей главного университета страны – МГУ? Вряд ли. Между тем в 1948-м году А. Комаровский руководил строительством Московского государственного университета на Ленинских горах. Но это уже страница московской жизни Комаровского.

Свою книгу о Комаровском челябинский историк Борис Шмыров заканчивает словами: «Хорошо рассуждать о цене решения конкретных задач и критиковать спустя многие десятилетия исполнителей за проделанную титаническую работу. Необходимо понять, что А. Н. Комаровский, возглавляя очередное строительство, участвовал в решении вопроса существования Советского Союза как независимого государства. Это, в свою очередь, в масштабах мировой политики всегда было важнее, чем жизнь определенной группы людей. Всю жизнь Александр Николаевич занимался строительством. Он строил, потому что был строителем. Он строил, потому что был солдатом. Он строил, потому что кто-то должен был строить каналы, оборонительные сооружения, металлургические заводы, электростанции. Кто-то должен был первым начать строительство и первых ядерных объектов обороны и науки. И он строил. Все это надо знать и помнить, когда речь идет о строителе, солдате и ученом Александре Николаевиче Комаровском».

В Челябинском металлургическом техникуме есть музей Александра Николаевича Комаровского. Есть в Metallургическом районе и улица, носящее имя этого человека. В прошлом году при поддержке СРО «Союз строительных компаний Урала и Сибири» была издана книга о Комаровском.

Сергей Белковский

<https://lentachel.ru/news/2015/01/23/oni-sozdavali-chelyabinskuyu-oblast-alexandr-komarovskiy.html>

Карточка № 74-04

**Кладбище трудармейцев и заключенных Челяблага / Бакаллага
(участок Северо-Восточного кладбища Челябинска)**

Фотография 2010 года

Регион: 74 Челябинская область

Дата захоронения: 1941–1944

Адрес: г. Челябинск, ул. Чоппа, Северо-Восточное кладбище (не сущ.)

Типология: Лагерное/тюремное кладбище

Доступ в пределах населенного пункта: Общественный транспорт Пешком

Регламент посещения: Не регламентировано

Характер современного использования: Хозяйственное Церемониальное

Церемонии:

Дата	Характеристика даты	Организатор /ответственный	Участники	Периодичность
	Поминальные службы			Эпизодически

Исторические сведения:

Северо-Восточное кладбище в Тракторозаводском районе Челябинска по официальным данным открыто в конце 1941. В 1941-1944 на кладбище хоронили заключенных, трудармейцев, раненых, умерших в эвакуогоспитале, немецких, румынских и венгерских военнопленных, работавших на строительстве Челябинского тракторного завода. Количество похороненных трудармейцев не установлено, известны отдельные имена. Последние захоронения датированы 1962, впоследствии кладбище не использовалось, пришло в запустение, надмогильные памятники за редким исключением к началу 2000-х не сохранились. Находится рядом с жилой застройкой (ул. Чоппа, 10). В 2001 в центре кладбища построена часовня во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, произведено частичное благоустройство территории. В 2010 администрацией города принято решение о переносе кладбища и создании на его месте зеленой зоны. В 2010-2011 производилось массовое перенесение прахов на Покровское кладбище Челябинска. Весной 2011 на территории кладбища разбит парк, проложены дорожки и посажено более 100 деревьев

Характеристика охранной зоны:

Сохранность захоронений	Площадь	Границы
Надгробия сохранились частично	15 га	Не выделены

Категория охраны:

Не состоит

Административное подчинение, балансовая принадлежность, неформальная ответственность за объект:

Находится на территории, подчиненной администрации города Челябинска

Источники и библиография:

Салмина М.С. История захоронений военного и послевоенного времени на кладбище ЧТЗ // Исторические чтения. - Вып. 9: Неизвестная война: малоизученные страницы Великой Отечественной / [Ред.-сост.: Э.Б.Дружинина, И.А.Казанцев] Челябинск, 2005. С. 52-56

Кнауб Федор Егорович

родился 25 ноября 1914 г., с. Кирово (ранее Gnadenfeld - немецкая колония в Левобережье Волги) Краснокутского района Саратовской обл. - 06.06.1999 г. с., п. Лазурный Красноармейского района Челябинской обл. Работал бригадиром мужской тракторной бригады, где встретил свою будущую супругу Ольгу Григорьевну, бригадира женской тракторной бригады и прожили вместе всю жизнь вырастив 7 детей. Его отец, Кнауб Егор Кондратьевич, во время Великой Отечественной Войны, в составе трудовой армии, участвовал в строительстве Аэродрома «Ивдель» Свердловской области.

Вибе Давид Корнеевич

родился 8 сентября 1923г. в с Октябрьское Саратовской области. С 1939 по июнь 1941г. учился в Кооперативном техникуме г. Энгельс. По Указу Верховного Совета СССР в сентябре 1941г. выслан в Северо-Казахстанскую область, где работал в колхозе «Пролетарий». С 17 апреля 1942г. по 31 декабря 1945г. был привлечён к принудительному труду в условиях ограничения

свободы («Рабочие колонны НКВД») Челябинской области где принимал участие в строительстве Metallургического комбината, С 1946г. по 10 января 1956г. состоял на учёте спецпоселения. На основании ст.3,п «в» Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991г. Вибе Давид Корнеевич реабилитирован. Свою трудовую деятельность начал с рабочего и вырос, закончив учёбу, до начальника Управления «ВодоканалСтрой». Воспитал 4 детей, которые имеют высшее образование. Умер 05 июня 1984г.

Кох Яков (1922)

Дата рождения: 1922 г.

Место рождения: с. Ягодное Краснокутского кантона АССР Немцев Поволжья

Пол: мужчина

Национальность: этнический немец

Профессия / место работы: трудармия ИТЛ Челябметаллургстрой НКВД

Место проживания: Челябинск

Источники данных: Биографическая справка из базы данных «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» Сахаровского центра.

Биография

1922. – Родился в селе Ягодное Краснокутского кантона АССР Немцев Поволжья.

1941, лето. – Уборка урожая в родном селе, одновременно участие в качестве учетчика на строительстве взлетно-посадочной полосы под станцией Нахой.

1941, 9 сентября. – Депортация этнических немцев села Ягодное в деревню Кенаши Северо-Казахстанской области, в 70 км от Кокчетова.

1942, февраль. – Мобилизация в трудармию. ИТЛ Челябметаллургстрой НКВД. Расселение в бараках с двухъярусными сплошными нарами. Работа водовозом, затем возчиком леса.

1942, весна. – Перевод на строительство шоссейной дороги (будущее шоссе Metallургов), затем на строительство бетонного завода.

1942, начало зимы. – Перевод в лагерь № 3, работа на погрузочно-разгрузочном комбинате. Разгрузка круглого леса и металла. Начало смертности в бригаде.

1943, январь. – Комиссование, направление в столярный цех.

1943, конец апреля. – Заболевание, двухнедельное лечение в стационаре, где получает усиленный паек.

1943, лето. – Вторичное помещение в стационар.

1944, лето. – Невозможность работать на лесоповале из-за ухудшения здоровья. Назначен кипятильщиком воды. Перевод трелевщиком леса после улучшения состояния. Дополнительное питание за счет овса, предназначенного для лошадей.

1945, начало зимы. – Работа в сушилке одежды и обуви трудармейцев.

1945. – Направление на работу в погрузочно-разгрузочное управление.

1945, июль. – Направление в составе бригады на лесоповал. Работа без охраны. Дополнительное питание жареными луковичками саранки (цветы семейства лилиевых).

1946, январь. – Перевод на погрузочно-разгрузочные работы, разгрузка машин с круглым лесом.

1946, 1 мая. – Освобождение от лагерного надзора, снятие с котлового довольствия, выдача продуктовых карточек. Обязанность отмечаться в комендатуре.

1947, 1 февраля. – Назначение в отдел охраны заключенных. Питание стрелков: 700 г. хлеба, три раза суп и одно второе, зарплата 200 р. в месяц.

1947. – Нелегальная поездка к родным в село Антоновка. Почти сытая жизнь родных, но плохое положение с одеждой.

1948, зима. – Отмена карточек, свободная продажа хлеба и сахара. Присвоение звания ефрейтор с повышением жалования до 300 р.

1949, 23 октября. – Женитьба на Полине Кайзер.
1949, 8 декабря. – Увольнение всех немцев со службы в военизированной охране. Перевод в трест Челябинстрой. Расселение в бараки по две семьи в комнату 12 метров. Заработок 350-400 р. Необходимость добывания дров для отопления комнаты.
1950, март. – Перевод по состоянию здоровья на должность рабочего в столярный цех Челябинстрой. Вызов матери, которая приехала осенью с двумя козами и швейной машинкой.
1950, начало ноября. – Рождение сына, который умер через неделю.
1951, весна. – Устройство жены на работу в Зеленстрой, где разрешали сажать 10-15 соток картофеля. Покупка кур и поросенка.
1950-е. – Рождение двух дочерей, Лиды и Эммы.
1957. – Запрет на содержание в городах скота. Хороший урожай картофеля (85 мешков).
1989, февраль. – Написание воспоминаний, переданных писателю Герхарду Вальтеру.
1992. – Проживание в Челябинске.

Биографическая справка из базы данных
«Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» Сахаровского центра.
[https://ru.openlist.wiki/Яков Кох\(1922\)](https://ru.openlist.wiki/Яков_Кох(1922))

Воспоминания трудармейца

Юрия Браунсбергер:

«Я попал на Урал, в Челябинск, на строительство танкового завода. Территория, на которой жили трудармейцы, была настоящей «зоной»: несколько тысяч гектаров, огороженных двумя рядами колючей проволоки, земля между которыми была перепахана (лагерная «запретка»), через каждые 50 метров – вышки, сторожевые собаки. Спали в бараках-землянках, на двухъярусных нарах, голые доски которых кишели клопами, без всяких постельных принадлежностей. Раньше это был лагерь для преступников, которых отправляли на фронт в штрафные батальоны «для искупления вины».

Режим был жёстким. В четыре утра – подъем на работу. После долгого стояния на морозе и многократного пересчёта, выводили на «зону» рыть котлован под фундамент завода. Долбили промерзшую на три метра землю вручную, ломом.

В середине дня привозили еду в деревянных бочках (бывших канализационных): холодный суп (на 1 литр воды – 1 ложка пшеницы) и 400 грамм хлеба на весь день. Однажды я решил подогреть суп – охранник расшвырял ногой щепки и котелок. В 30-градусный мороз работали до темноты, а помещения для обогрева предназначались только охранникам. После работы опять – многократный пересчет на морозе. Если не досчитались кого-то – все ждут, в «зону». В бараки никого не пускали (подобные лагерные построения-пересчеты подробно описали и А. Солженицын, и В. Шаламов, и Л. Разгон). Так продолжалось, пока не найдут, а находили замерзшими, умершими на дороге... На ужин один литр воды, но уже без хлеба.

Я вскоре отморозил руки и ноги до черноты, дошел до полного истощения. Поскольку медперсонала не было вообще, годность человека для работы определялась просто – разденут и смотрят: есть еще мясо – годен, если одни кости остались – 30 процентов годности. В этом случае переводили на спецпайк: 200 грамм хлеба и «первый котел» (только вода, без пшеницы). Этого долго никто не выдерживал. Тех, кто умирал или был при смерти – бросали на подводу, увозили на рудник. Говорят, сбрасывали туда ещё дышащих... Определили мне 30 процентов годности и перевели на хлеб и воду».

Выдержка из книги С.В. Отлен «Времена не выбирают», «Оффис Пресс»,
Тбилиси, 1998

Мейснер Арутюн (Артем) Владимирович

родился 2 мая 1917 в г. Харьков; немец (отец – немец, мать – армянка), в 1941 г. проживал в г. Одесса, как лицо немецкой национальности в июле 1941 года был выселен в г. Николаев вместе с семьей, в августе того же года семья была отправлена в эвакуацию на Восток, семья прибыла в Туркестан (Южно-Казахстанская обл., Туркестанский р-н, рзд. №31) в декабре 1941 года, впоследствии был мобилизован Сарыагачским РВК, убыл - ОСП УМВД Челябинской области, где с февраля 1942 года по май 1947 года привлекался к принудительному труду в условиях ограничения свободы (Рабочие колонны НКВД) в Челябинске.

Работал на строительстве металлургического завода, в Челябметаллургстрое. Преподавал в Металлургическом техникуме. С 1947 по 1955 гг. состоял на учете спецпоселения. Реабилитирован 22 октября 1992 года на основании ст.3 п. «в» Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

Скончался в 1985 году в г. Челябинск.

Дети: Мейснер Жанна Арутюновна (род.1940), Мейснер Александр Арутюнович (род.1944), Мейснер Валентин Арутюнович (род. 1947)

Супруга: Мейснер (урожд. Кириленко) Анна Федоровна (1918-2010)

Пленные

Старожилы рассказывают, что в Карабаше было два лагеря немецких военнопленных. Один, со строгим режимом, - для гестаповцев. Другой - для рядовых солдат и интернированных женщин.

Военнопленные (а среди них были не только немцы, но и румыны, венгры) работали в основном в шахте. Карабашец Гузаир Гизбулович Куштанов в интервью местной газете отозвался о них так:

- Хорошие были мужики, спокойные, уравновешенные. И работали очень хорошо. Со многими мы были в дружеских отношениях. Один немец даже подарил мне шубенки, я очень долго носил их. Все они проклинали войну:

Работая маркшейдером, Куштанов натолкнулся на папку с архивными документами. Были среди них описания несчастных случаев. По ним он восстановил 37 фамилий погибших в шахте немцев. Попытка этот список передать в немецкое посольство в Москве - не удалась.

Другой старожил Карабаша, Григорий Кузьмич Чернов, 15-летним пареньком конвоировал бригаду из 50 немцев, работавшую на ремонте школы. С бригадиром Адольфом, неплохо говорившим по-русски, подолгу доверительно беседовал. И с другими членами бригады юный конвоир (с берданкой и тремя патронами!) имел хорошие отношения. Нередко немцы приглашали его к нехитрому обеденному столу. Бывало, охранник, будучи уверенным, что «подопечные» не подведут, отлучался с объекта. Если к концу смены опаздывал, немцы строились в колонну и шли к лагерю. Не доходя, останавливались, ждали парнишку, переживая за него.

Половину бригады составляли девушки и молодые женщины, интернированные из Германии. Работали немки также на поверхности шахты, на полях соседних с Карабашом совхозов.

- Помню, как шли они колонной - исхудалые, но стройные, красивые: с прическами, с накрашенными губами, - говорит Михаил Григорьевич Никулин.

Интернированных немок помнят многие карабашцы. Галина Константиновна Старикова, работавшая кладовщицей в лагере военнопленных, в своих воспоминаниях называет их искусными мастерицами, а также добрыми, отзывчивыми женщинами. Они подарили ей красивое платье.

Нынче летом в Карабаше побывала группа пожилых граждан Германии: бывшие пленные солдаты и интернированные женщины (об этом «Челябинский рабочий» писал в материале «Фрау из лагеря» 14 августа). Фрау Карин Момзень родилась в Карабаше в 1947 году. Ее отец Гешель был старшим по лагерю. На днях от этих женщин в Карабаш пришла посылка с вещами, сшитыми в российской неволе. Вместе с воспоминаниями на немецком языке - для создания музейного уголка...

Очевидцы тех событий из числа местных жителей восторгаются цветочными клумбами, украшавшими территорию лагеря. А бывшая заведующая детским садом Валентина Михайловна Соломонова до сих пор с теплотой вспоминает о том, какие замечательные игрушки из дерева для карабашских детей мастерили военнопленные. Приезжая за ними в лагерь, удивлялась обустроенному быту немцев, порядку и чистоте везде, даже в конюшне и сарае для свиней.

На месте лагеря военнопленных стоит сейчас современный микрорайон. Где было кладбище немцев - гаражный кооператив. Их уцелевшие соотечественники намерены в центре микрорайона установить стелу в память о «карабашской странице» послевоенной истории Германии. В связи с этим горько думать о том, что никакого памятника тысячам наших политзаключенных, прошедших через лагерь Карабаша, здесь не предвидится. А ведь условия содержания и труда были куда тяжелее, судьбы - куда трагичнее:

Поселок спецпереселенцев

Рядом с лагерем военнопленных находился поселок раскулаченных. От него сохранились полуразрушенные бараки на улице Школьной (в них до сих пор живут потомки спецпереселенцев). История возникновения этого и множества подобных поселений на просторах бывшего Советского Союза не менее трагична. Но это - тема отдельного разговора.

Sturm02.11.2010, 20:26

по поводу лагерей для немцев ,в верхнеуральске знаю был точно(там шас музей даже создали),сестра Гитлера похоронена где-то в этих краях.

Немцы-тудармейцы

Дата съемки: 1942 г.

Автор: автор неизвестен

Место съемки: город Челябинск

Анатолий Александрович Гонштейн, 1928 г.р., из семьи военного. В 1941 году семья была эвакуирована в г.Каменец-Уральский, Свердловской области. В 1942 году Анатолий был мобилизован в тудармию, попал в Бакаллаг НКВД на строительство Бакальского металлургического завода в Челябинской области. Был занят на общих работах. Тудармейцами называли тех, кто в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. был мобилизован для выполнения принудительной трудовой повинности.

В 1948 г. тудамейцев закрепили в местах ссылки навечно в качестве спецпоселенцев. Ссылка была отменена в 1956 г.

<http://www.foto-memorial.org/node/10328?language=ru>

Бакаллаг: лагеря смерти в Челябинске для пленных немцев

За годы Великой Отечественной войны советские войска взяли в плен почти 3,5 миллиона солдат и офицеров войск вермахта и их союзников. Первый масштабный захват в плен значительного числа военнослужащих произошел после Сталинградской битвы. В ходе этой военной операции были разоружены порядка 90 тысяч человек во главе с генералом-фельдмаршалом Паулюсом.

В период с 1946-го по 1956 год пленные были освобождены и репатрированы на родину. Однако около 15% от их общего числа остались лежать в советской земле, на кладбищах исправительно-тудовых лагерей и спецпоселений. По некоторым данным, домой вернулись не

более 20% тех, кто сдался в плен под Сталинградом. Одним из крупных лагерей, где содержались пленные солдаты СС и Вермахта, был Бакаллаг в Челябинске.

История создания

Быстрое развитие довоенной индустрии на Урале столкнулось с нехваткой рабочих рук. Особенно остро эта проблема встала с началом Великой Отечественной войны. На Урал эвакуировались заводы европейской части СССР, необходимо было увеличивать производство патронов, снарядов и военной техники. При этом большинство трудоспособного населения ушло на фронт.

Советское руководство решало этот вопрос силовым методом. В ход пошло использование подневольного труда заключенных. Дополнительным источником рабочей силы стали трудовые повинности – фактически принудительная мобилизация гражданского населения на шахты и заводы. После вторжения германских войск на территорию СССР руководство страны расценило советских немцев как потенциальных предателей и скрытую угрозу безопасности страны.

В августе 1941 года был издан указ о переселении немцев Поволжья. Жители бывшей автономной республики, а также немцы из других областей запада СССР были осенью того же года депортированы на Урал и в Северный Казахстан. Челябинская область приняла большое количество немецких переселенцев. По задумкам партийных властей дополнительные рабочие руки были привлечены на крупные предприятия области. Созданный в ноябре 1941 года исправительно-трудовой лагерь был назван Бакаллаг – по одноименному поселку.

Заключенных этого учреждения направили на строительство Бакальского (впоследствии Челябинского) металлургического завода.

Трудовые резервы

Металлургический завод строился на Бакальском железорудном месторождении железных руд. Залежи были разведаны еще в 18 веке, но лишь в советские годы началась их промышленная разработка. Основную долю среди работников составляли советские немцы-спецпереселенцы.

В феврале 1942 года власти официально утвердили порядок их привлечения к принудительному труду силами НКО и НКВД. Эта система получила в СССР полуофициальное название «трудармия». К началу года количество спецпоселенцев Челябинской области достигало 281 000 человек, или более 10% от общего числа по стране. В 1942 году в Бакаллаг прибыли первые военнопленные. Кроме немцев среди них были румыны, финны, австрийцы, словаки, чехи. К 1944 году почти 60% контингента лагеря, содержащего 20 696 человек, составляли немцы-трудармейцы, а общее количество немцев, включая военнопленных, составило 87%.

К апрелю 1943 года строительство было завершено, предприятие переименовано в Челябинский металлургический завод. «Придворный» лагерь комбината, получил название Челяблаг (ИТЛ Челябметаллургстроя), однако заключенные и сотрудники продолжали неофициально использовать старое имя – Бакаллаг. Контингент лагеря продолжил работать в цехах завода.

Как велась работа?

Система Бакаллага включала четыре лагерных участка, где работали только заключенные, а также 16 строительных отрядов из спецпереселенцев-трудармейцев. Стройотряды делились на колонны по 1023 человека, а те, в свою очередь, на небольшие бригады различного профиля и специальностей, включающие до 25 человек. Помимо цехов Челябинского металлургического завода заключенные и трудармейцы работали на других предприятиях Челябинской области – копейкинская и коркинская шахты, участки по заголовке леса, агломерационная фабрика, рудничные участки. Каждая точка охранялась не менее строго, чем основная территория лагеря – с наблюдательными вышками, собаками и колючей проволокой.

На предприятии насаждалась жесткая дисциплина, по букве и духу соответствовавшая порядкам ГУЛАГа. Рабочий день в Бакаллагe продолжался от 10 до 11 часов. Ежедневная пайка напрямую зависела от выполнения сотрудником плана выработки – тот, кто не справился с заданием, получал сушие крохи. Ослабев от голода, человек не мог выполнить норму и на завтра – порочный круг приводил к дистрофии и смерти. Спецпереселенцам полагалась зарплата, которая также зависела от процента выполнения плана и поведения сотрудника. Из этих денег вычиталась сумма за коммунальные и бытовые расходы, питание и обязательные государственные займы в Фонд обороны. Бакаллаг охраняли семь дивизионов, в каждом – 2-5 взводов ВОХР.

Дорога в один конец

Только за период строительства металлургического комбината умерли от болезней, голода, несчастных случаев и переохлаждения или были казнены более 8,5 тысячи человек – каждый пятый из тех, кто попал в Бакаллаг. Более четверти погибших были заключенными-пленными, остальные – советскими гражданами – трудармейцами. Умершие находили последний приют без табличек и памятников. Их опускали в общие рвы на кладбище недалеко от пос. Першино.

В 1943 году часть территории, где хоронили заключенных, была превращена в шлакохранилище и залита расплавленными при добыче металла шлаками. До сих пор неизвестно точное количество похороненных: по оценкам ученых, их число – от 20 000 до 30 000 человек. Через 30 лет после окончания войны на территории кладбища было развернуто заводское подсобное хозяйство. Северо-Восточное кладбище Челябинска в наши дни находится рядом с жилыми кварталами.

Жильцы вспоминали, что во время новоселья буквально во дворе находились открытые могилы. Учительница челябинской школы № 59, краевед Марина Салмина скрупулезно исследовала историю Северо-Восточного кладбища. «В войну здесь были похоронены трудармейцы, венгерские, румынские и немецкие пленные. Они строили дома, трамвайные пути, дороги, заводы. Военнопленных водили на работы в форме вермахта – у них просто не было других вещей. Они не зондер-команды, не каратели – а просто такие же жертвы войны», - отметила она.

Послевоенная судьба Бакаллага

Челябинский ученый-историк Владимир Баканов после войны работал начальником отдела учета военнопленных. Он рассказывал, что лагерные отделения дислоцировались в землянках, шлакоблочных строениях и даже бывшей конюшне. Среди пленных были чехи, румыны, словаки, австрийцы, закарпатские украинцы, чехи, итальянцы. Почти все – малограмотные деревенские парни.

Немцев содержали отдельно. Несколько настоящих эсэсовцев потом этапировали на суды, и они не вернулись. Все остальные были в 50-е годы отправлены под конвоем домой. Охранники вспоминали, что немцы не нарушали порядка, беспрекословно выполняли команды. Если охранник отлучался по личным делам и опаздывал, они сами строились в колонны и шли к лагерю, где останавливались и дожидались конвоира-растяпу. Нередко немцы делились с охранником своим нехитрым обедом.

После войны почти половину отряда составляли молодые женщины, интернированные из Германии. Кладовщица лагеря военнопленных Галина Старикова вспоминает немок как старательных мастериц, отзывчивых и добрых.

Конец Бакаллага

К маю 1947 года советское руководство приняло решение о ликвидации Бакаллага. Производство переходило на мирные рельсы. Выжившие пленные немцы были поэтапно репатриированы на родину, а трудармейцы до 1956 года оставались в режиме спецпоселенцев и

отмечались в комендатуре. На Северо-Восточном кладбище Челябинска в 90-е годы воздвигнута небольшая часовня. Местные жители вспоминают, что однажды туда приходила неизвестная женщина, дочка военнопленного, который на спецпоселении сошелся с советской женщиной. Она пыталась найти отцовскую могилу, но не сумела. В 1990-е годы бывший военнопленный Людвиг Мюллер с сыном и внуками приехал в Челябинск, чтобы почтить память умерших в лагере земляков. На Северо-Восточное кладбище Челябинска каждый год приезжают туристы из Германии, Австрии и Венгрии – потомки умерших здесь солдат Вермахта.

**Источник: Бакалаг: лагеря смерти в Челябинске для пленных немцев
© Русская Семерка russian7.ru**

Как немцы строили Челябинск. Южноуральцы вспоминают о войне и мире

04.07.2017 Лев Попов

С каждым годом все меньше остается на учете в ветеранских организациях участников Великой Отечественной войны. А было время, когда на строительстве Челябинского металлургического завода работало много бывших фронтовиков, среди них – Юрий Иванович Озерский, инвалид войны. В шестнадцать с половиной лет он поступил в военное пехотное училище, но, проучившись в нем всего четыре месяца, согласно приказу Сталина в числе роты

курсантов был отправлен на фронт. Спустя более полувека о первых днях своего пребывания на фронте он вспоминает с легким юмором, ничего не приукрашивая.

– В конце августа на нашем участке фронта шли бои местного значения. Поступил очередной приказ идти нам в наступление. Мы поднялись во весь рост, рассредоточились в цепь и двинулись по ровному полю. Впереди виднелся лес и стога сена, а метров на сто позади за нами шел заградительный отряд НКВД. Если раненый солдат падал, его заград-бойцы подбирали, оказывали необходимую помощь. А с симулянтами и трусами поступали по закону военного времени.

Я нес пулемет, рядом шагал мой второй номер Сашка с запасными дисками и винтовкой в руках. Вначале немцы лишь постреливали, а потом открыли огонь из «ванюш» – так именовали минометы залпового огня, мины которых, если разрывались сзади нас, то никакого вреда не приносили, так как осколки их разлетались не в разные стороны, а строго по направлению полета мины. Мы знали об этом, поэтому ускорили шаг, а потом с криком «Ура!» побежали. И вот именно в это время оторвалась пуговица у моих кальсон, они спустились вниз и мешали бежать. Останавливаться нельзя – сзади НКВД. Я кричу Сашке: «Подержи пулемет!» На ходу поправил свои дела. А когда до стогов сена оставалось метров 200, стога вдруг зашевелились и из-под сена выползли немецкие танки. У нас же никаких противотанковых средств нет. Все, в том числе и заградотряд, повернули назад и побежали обратно. Так бесславно закончилась моя первая атака, показавшая, что в амуниции солдата нет второстепенных вещей, даже маленькая пуговица и то может иметь большое значение.

Последующие бои мы вели более успешно, пока не вышли к Десне. Форсировали реку. По изрезанному оврагами берегу поднялись наверх, а там – немецкие танки. С ходу вступили в бой. Забросали бутылками с зажигательной смесью и сожгли два танка, остальные отошли метров на 200, остановились и открыли огонь из пушек и пулеметов... На третий день боя комполка прислал с того берега приказ: «Броском на сто метров вперед!» Мы головы не можем поднять, а тут – на сто метров вперед. Командир взвода приказал мне пробраться к реке, где сохранялась связь со штабом полка, доложить обстановку и попросить поддержку артиллерией.

Немец же в танке оказался опытным и хитрым. Он заметил то место, откуда я выскочил, взял его на прицел и ждал. Целился в голову, но я возвращался пригнувшись. Ему пришлось взять чуть ниже, очередь пришлась мне по ногам, и я плюхнулся на дно окопа.

– Юрка! Ты жив? – кричат мне из укрытия. – Сейчас санитар приползет. Держись!

Санитару не хватило одного-двух движений, чтоб оказаться в моем окопе. Длинная очередь из танка и... С простреленной шеей санитар скатился головой вниз прямо на мои перебитые ноги, от чего боль стала еще невыносимей. А ноги санитара остались торчать снаружи, над окопом, немец видит их и лупит, и лупит по ним. Через бровку из соседнего окопа мне перебросили ремни, чтоб с их помощью стащить труп санитара, но тянули, тянули – так ничего и не получилось. Только с наступлением темноты пришла, наконец, помощь. Ночью переправили меня на другой берег, а затем в тыл.

Вернувшись в Челябинск инвалидом, Юрий Иванович Озерский вначале работал на заводе «Компрессор», а в 1949 году, после окончания Челябинского строительного-монтажного техникума, прибыл на строительство металлургического завода.

– Моим первым объектом на ЧМЗ стал электроремонтный цех, – рассказывает он. – Будущий цех в то время был обнесен деревянным забором со сторожевыми вышками по углам, так как строили его военнопленные немцы. Их привозили на машинах под охраной из лагеря, расположенного возле тридцатого поселка. Я и раньше встречался с немцами на фронте, но здесь они выглядели совсем по-другому, вежливыми и культурными. Пленных разделили по армейскому принципу на отделения, взводы и роты. Командиром моей роты был некий Ленкольн, бывший танкист, сдавшийся в плен в 1942 году и уже хорошо изучивший русский язык. Он рассказывал мне, что имеет 200 гектаров земли в Германии и 300 гектаров в Африке, и что управляющий его африканским имением ежеквартально присылает ему в челябинский лагерь отчет о проделанной работе. Я спросил Ленкольна:

– Сколько в твоей роте каменщиков?

– А зачем это вам? – ответил он. – Давайте задание и будьте свободны, а вечером приходите принимать выполненную работу.

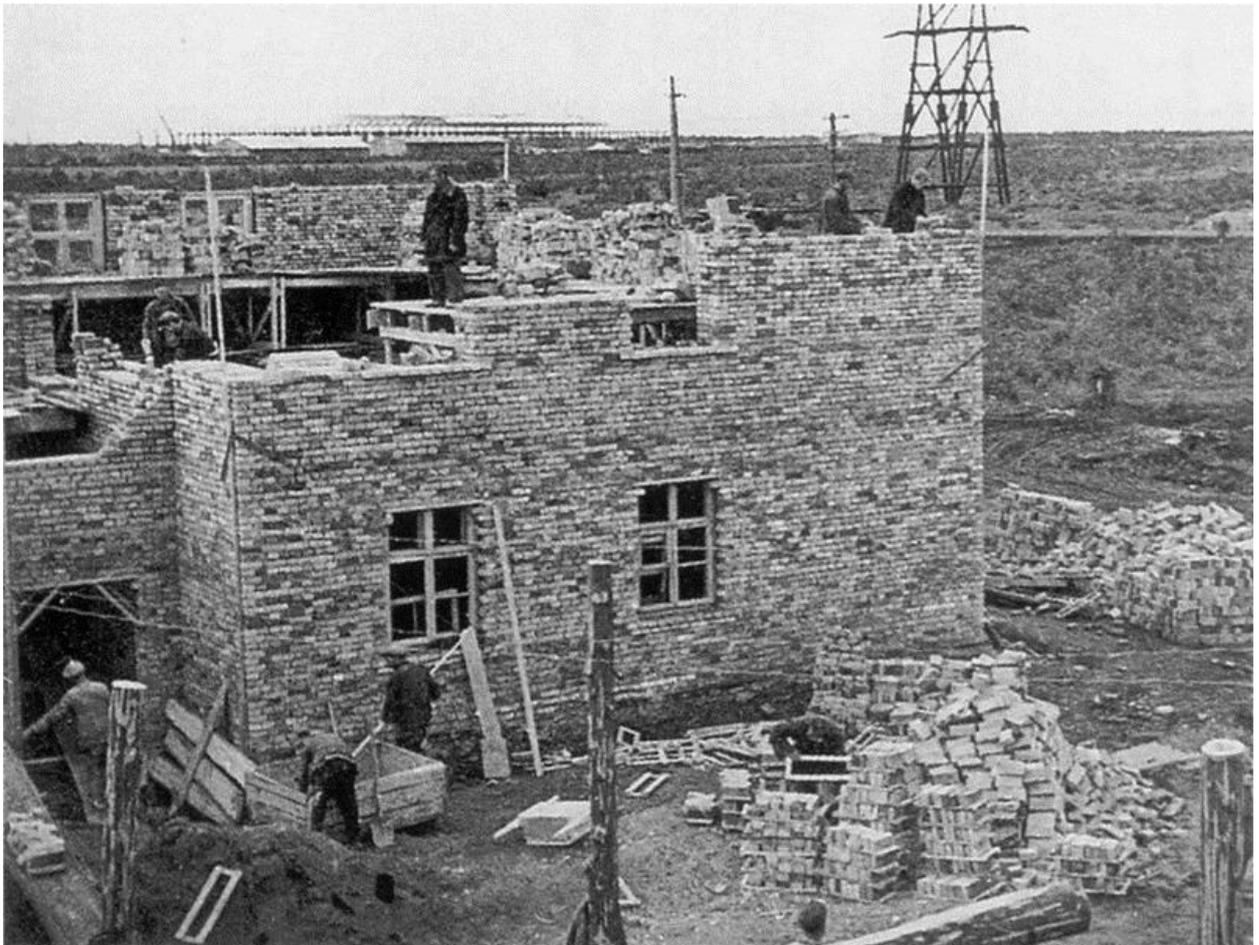
Внешне пленные на работе вроде бы еле-еле шевелились, но к концу дня задание выполняли точно, не больше и не меньше. Об их отношении к порученному делу говорит такой эпизод: однажды пленный поднял до уровня груди тяжелый шлакоблок, и ему оставалось только задвинуть его на щит настила. Но раздался звон удара молота о висевший на проволоке кусок рельса, означавший начато обеденного перерыва. Пленный тут же расслабил руки, бросил шлакоблок на землю и пошел. Я спросил его:

– Почему ты бросил блок?

– Так обед же.

– Но после обеда тебе все равно придется его поднимать.

– Да, но это будет уже после обеда, – ответил он.

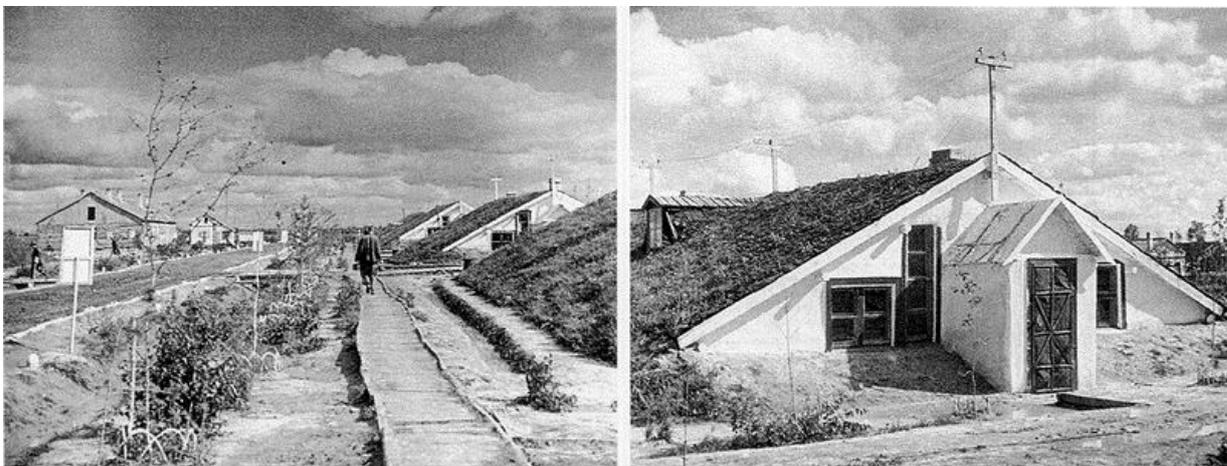
При содействии международной организации «Красный крест» многие пленные получали от своих родственников письма и продуктовые посылки. Им регулярно поступала специальная газета, издаваемая на немецком языке. Девяносто процентов площади этой газеты отводилось под брачные объявления. Писали женщины, причем их не интересовали рост, цвет глаз, высокие чувства – они предпочитали в своих избранниках деловые и материальные качества. Одна женщина – владелица колбасного цеха искала спутника жизни, который имел бы в собственности бойню. Другая женщина, фармацевт по профессии, надеялась найти мужа с аптекой. Такие взаимоотношения между людьми нам, советским гражданам, были непонятны и казались противоестественными.

После окончания срока пребывания военнопленных немцев в СССР в назначенный день к лагерю тридцатого поселка подали автобусы, чтобы отвезти иноземных строителей на железнодорожный вокзал. Но они от транспорта отказались. Построились в колонну и со своим духовым оркестром впереди прошагали по улицам Сталеваров, шоссе Metallургов, у Центрального клуба повернули налево и ушли в сторону города. Прохожие с любопытством рассматривали их. Никто в пленных камни не бросал.

Отношение к ним было вполне благожелательное.

Ну а жизнь на стройке продолжалась. Вскоре меня назначили начальником участка «Коксохимстроя», где строительное управление возглавлял один из первостроителей завода Абрам Самойлович Черный. За многие годы работы с ним я не знаю ни одного случая, когда бы он повысил голос в разговоре с подчиненными. Он, высокограмотный специалист, впоследствии кандидат наук, профессор, умел организовывать людей и сплачивать коллектив. Когда управлению поручали строить новый объект, он собирал всех начальников участков к себе в кабинет, каждому выдавал рабочие чертежи и просил подумать, как лучше начать и вести строительство. А через несколько дней на эту тему проводил совещание, на котором каждый из нас докладывал о своем видении строительства. В итоге за основу принимался оптимальный вариант, и начинались на новом объекте работы. Свое стремление к новаторству и умение

предвидеть техническое развитие минимум на год вперед Абрам Самойлович в полной мере реализовал, когда занимал должность главного инженера треста. В его бытность в «Челябметаллургстрое» ежегодно внедрялось какое-либо серьезное новшество, которое впоследствии перенимали другие строительные организации. Неслучайно строительные вузы разных городов стремились направить своих студентов для прохождения практики в «Челябметаллургстрой».

На этом месте Юрий Иванович прервал свой рассказ, так как в комнату вошла его жена Елена Николаевна, тоже многие годы работавшая на строительстве ЧМЗ.

– Прощу к столу, – пригласила она.

Юрий Иванович достал бутылочку крепкой. Наполнил бокалы. Долго молчал. А потом с сожалением и с болью в душе произнес:

– А от ордена Ленина «Челябметаллургстроя» за годы так называемых реформ остались только рожки да ножки. Эх, а какой трест у нас был...

До выхода на пенсию Юрий Иванович Озерский работал главным инженером управления капитального строительства ЧТЗ. Но с годами все чаще стали напоминать о себе фронтовые раны. И он ушел на отдых. Ушел на свой последний плацдарм.

<https://vecherka.su/articles/news/128488/>

Факт № 36: в Копейске есть братская могила интернированных немцев

13 Марта 2015

Виктор Чигинцев

Потанинский некрополь — кладбище на высоком холме степи. На его северной стороне лежит гранитный камень округлой формы. На массивной плоскости валуна выбита надпись на языках двух великих народов, воевавших между собой в 1941-1945 годах прошлого века. Для СССР это была Великая Отечественная война, поглотившая 27 миллионов человеческих жизней.

Текст эпитафии, выбитой на граните, гласит: «Памяти всех немецких женщин и мужчин, умерших в лагере для интернированных № 1083 п. Потанино».

Гранитный камень, привезенный спецрейсом из горной каменоломни, увековечил братскую могилу-перезахоронение. Под его монолитной твердью лежат бранные останки людей, извлеченных из захоронений старого кладбища, оказавшегося в начале 50-х годов в районе разработок ценного минерального сырья для кирпичного завода — глины-трепела.

Могильный камень установлен трудом и волей российского представительства Народного Союза Германии. В своем исследовании о численности, дислокации военнопленных и интернированных на территории Челябинской области доктор исторических наук, профессор из Екатеринбурга Владимир Павлович Мотревич приводит цифры: таких захоронений в области тридцать. И три из них находятся в пределах Копейского городского округа. Одно из них — на кладбище, расположенном в копейской лесостепи, граничащей с Транссибом. Профессор также называет число похороненных в Челябинской области — 2200 человек. Кстати, «Копейский рабочий» публиковал схему захоронений военнопленных и интернированных немцев в городской черте. Они известны: кладбища на окраинах поселков Горняк, 2-го участка, Потанино.

Известны ли имена тех, чьи останки покоятся под твердью гранитного валуна? Кто расшифрует тайну, сокрытую под камнем? Это под силу только краеведам-исследователям, если доберутся до архивов.

Надо ли это немцам Германии? Да, надо! Об этом заявил приезжавший в Копейск немецкий инженер Бьерн Литдке. Он искал могилу интернированной тетушки Кристель, которая в то время была юной голубоглазой девушкой, работавшей вместе со своей бабушкой в угольных забоях шахты № 204. Бьерну Литдке помогли в поиске специалисты администрации, управления

архитектуры, похоронного бюро, журналисты городской газеты. К сожалению, эти поиски не увенчались успехом.

Не найдя захоронения, гость из Германии присмотрел на кладбище поселка 2-го участка свободный клочок земли и с разрешения местной власти установил надгробие, положил к нему свежие цветы. В память о голубоглазой тетушке Кристель.

<https://kr-gazeta.ru/obshchestvo/12639.html>

И праху павших поклониться

Неправда, что газеты живут один день. Напомню читателям о двух публикациях, напечатанных в «Копейском рабочем» 20 февраля 2004 года («Жизнь в жанре приключений солдата Швейка») и 19 мая 1999 года («Хотят ли пленные войны?»).

Позже поясню, какая между ними связь. А пока изложу текст ксерокопии акта, написанного 17 января 1946 года: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о том, что сего числа произвели захоронение интернированной Литдке Кристель Фриц, по национальности немки германского подданства, умершей в городской больнице Копейска. Труп захоронен на площадке шахты № 204». Акт подписали начальник штаба лейтенант Максимов, начальник по материальной части младший лейтенант Павленко и командир роты младший лейтенант Андрейченко.

Это один из документов учетного ела на интернированную Кристель Литдке. Есть опросный лист, свидетельство о смерти и акт. И есть учетное дело Иды Адольф Литдке – мамы Кристель. Это ксерокопии документов из архива № 0/59551 главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Под грифом «Совершенно секретно» чернеет оттиск печати «Рассекречено».

Сейчас поясню, как на редакционном столе появились эти документы. В Копейск приехал мой старый приятель, в прошлом талантливый учитель физики школы № 24 Петр Михайлович Шифельбайн. Вот уже 15 лет он живет с семьей на родине предков в германии (публикация «Жизнь в жанре приключений солдата Швейка»). Но приехал не один, а с другом, 39-летним немецким инженером-автоэкспертом, чье имя – Бьёрн Литдке. Сразу по приезду они с головой окунулись в поиски могилы или каких-либо «следов» родной тети Бьёрна – Кристель Литдке. Время неумолимо. Племянник Бьёрн прожил в два с лишним раза дольше, чем успела прожить его тетя Кристель. Как-то странно называть ее «тетей». С фотографии, которую Бьёрн привез с собой, смотрит юная девушка, едва переступившая порог совершеннолетия. Снимок черно-белый, но в графе «словесный портрет» есть отметки: рост – средний, цвет волос – русый, лицо – овальное, глаза – синие. Такой была немецкая девушка Кристель с синими глазами, которая с 1933 по 1941 годы училась в школе, а с 1941 по 1945 работала в прислугах у помещика. Будучи интернированной, свое совершеннолетие встретила на подземной горизонте угольной шахты Урала. Неизвестно, кто больше накопал угля – советские интернированные и военнопленные на шахтах Рура или немецкие интернированные и военнопленные на шахтах Урала. Журналист Игорь Винк, написавший книгу о советских репрессированных немцах, утверждает, что в годы войны в Копейске работали 20 тысяч немцев. В своем детстве я знал нескольких бывших военнопленных немцев, женившихся в плену и не пожелавших вернуться на родину в Германию. И подруга моей жены – дочь военнопленного. Прошли годы, и они, обрусев, мало чем отличались от советских тружеников. Разве что дядя Герман, живший в домах-крышах поселка шахты № 205. Он отличался высоким баскетбольным ростом, неизменной кепкой с длинной тульей и привычкой подбирать окурки. Нагибаться при его росте было трудно, и он элегантно накалывал окурки на трость с острым шильцем на конце. Давно этих немцев нет в живых. А вот отец Бьёрна, 80-летний

бюргер Хайнц жив, бодр. В прошлом унтер-офицер пятой танковой армии Вермахта, он был трижды ранен, воюя под Минском, Ковелем, в Восточной Пруссии. Остался живым, попав в плен к нашим союзникам-американцам. Его мать Ида Адольф после смерти дочери тяжело болела, но копейские врачи спасли ей жизнь. Похоронив на чужбине дочку, она не теряла надежды встретиться с мужем, двумя сыновьями и 15 июля 1947 года ее дело было «закончено в связи с отправкой на родину». Бьёрн сказал, что бабушка Ида, прожив 80 лет, умерла в 1986 году.

Гости Копейска Бьёрн Литдке и Петр Шифельбайн вели поиск могилы Кристель в режиме жесткой экономии времени, поскольку Бьёрну дали в фирме только две недели отпуска. Предпринимая попытки что-либо разузнать о местонахождении могилы Кристель, они посетили больничный и городской архивы, кладбища, бюро технической инвентаризации, администрацию города, поселки бывших шахт « 201 и 204, редакцию газеты. В поселке шахты № 204 побеседовали с шахтером-пенсионером Александром Давыдовичем Вайнбергером. Ему сейчас 85 лет, в войну работал в забоях шахты № 204, бригадирствуя над интернированными немками. «При норме 3,5 тонны угля в смену они всегда ее выполняли, - вспоминает старый шахтер.- Отлично работали девчата, получая в сутки по 600 граммов хлеба и чашку супа». Но тетушку Иду и ее дочь Кристель старый Вайнбергер не помнит. Но точно знает, что в акт захоронения вкралась ошибка. «В районе промплощадки нашей шахты № 204 захоронений не было. Всех немцев хоронили на городском кладбище и неподалеку от кладбища поселка шахты № 201», - сказал он и попросил Бьёрна передать привет бывшим узникам копейских шахт. Вдруг кто-нибудь вспомнит молодого и крепкого Сашу Вайнбергера.

Пожалуй, больше всего Бьёрну и Петру повезло в редакции «Копейского рабочего». В музее газеты, прилежно полистав подшивку за 1999 год, они нашли публикацию «Хотят ли пленные войны?» Речь в ней шла об исследованиях представителя международной ассоциации «Военные мемориалы» в Уральском регионе профессора В. Мотревича, приезжавшего в наш город. В одном из своих писем к главе города Михаилу Конареву профессор изложил просьбу об оказании помощи в подготовке документации и предоставлении в постоянное пользование земельного участка под обустройство кладбища иностранных военнопленных. В той давней уже публикации бывший председатель комитета по земельным ресурсам и землеустройству Владимир Шелехов так комментировал ситуацию: «В Копейске известны два таких участка – на центральном кладбище в районе поселка Горняк и на кладбище в районе шахты «Центральной». По просьбе ассоциации мы завершили оформление этих старых и, в общем-то забытых мест захоронений в бессрочное и бесплатное пользование. Не берусь судить о численности похороненных военнопленных, но в одном из писем профессор Мотревич упоминает о 272-х захоронениях только в районе шахты».

Да, профессор приезжал в Копейск и лично обследовал этот участок. В протоколе обследования есть запись: «Кладбище расположено севернее поселка шахты «Центральной», рядом с гражданским кладбищем. В настоящее время на месте кладбища огороды и пустырь». К публикации прилагалась схема местности. Лично меня смущает одно обстоятельство. В графе о состоянии захоронений подчеркнута фраза: «сохранились полностью». Что имел в виду профессор? Время давно стерло могильные холмики. В Германии, и я видел это своими глазами, места захоронений наших соотечественников, похоже, никогда и не забывались. Многие могилы с именами и датами находятся в комплексе гражданских кладбищ. Все они ухожены, конкретизированы, находятся в идеальном состоянии. Говорят, таковые сейчас есть и в России. Недавно, например, прочитал в одной из центральных газет о величественном мемориале павших на поле боя венграм, сооруженном в Воронежской области. Он, кстати, сравнивается с мемориалом нашим воинам. Вод Воронежем погибло 600 тысяч советских солдат и офицеров, но наш мемориал во всем проигрывает венгерскому.

Можно задаться вопросом: зачем это надо? Прошло много лет, пора бы все забыть! Но зачем тогда принимаются правительственные соглашения между главными «инициаторами»

войны Россией и Германией, а также постановления Правительства РФ, в частности, «О подписании соглашения между Правительством России и Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной республике Германии» и «О мерах по реализации межправительственных соглашений об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных захоронений в Российской Федерации». На эту же тему принималось постановление губернатора Челябинской области.

Память нетленна. Это надо не мертвым, это надо живым. И ни годы, ни расстояния не послужат преградой человеческой памяти.

Главное впечатление инженера из Германии Бьёрна Литдке – гостеприимство копейчан, их готовность помочь в поисках могилы девушки с синими глазами по имени Кристель. Время не сохранило могилу, но с места захоронения Бьёрн увез на родину горсть уральской земли.

Виктор Чигинцев

Помнить о трудармейцах...

Дайджест

*Пишу во имя тех – кто живы,
Чтоб не стоять им в свой черед
Толпой послушно молчаливой
У темных лагерных ворот.*

Е.Владимиров

К читателю

2005 год – год 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В этом подвиге, равного которому не знает история, слились воедино и высокое мастерство военачальников, и мужество солдат, партизан, участников подполья, и самоотверженность тружеников тыла. Значителен и вклад трудармейцев в Победу над фашистской Германией.

Термин «трудовая армия» или сокращенно «трудармия» является неофициальным. Трудармейцами называли тех, кто в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. был мобилизован для выполнения принудительной трудовой повинности.

Интерес к этой теме не случаен. Ведь до недавнего времени она была запретной, литература по ней отсутствовала до конца 80-х годов прошлого века.

Теперь, много лет спустя, стало возможным выслушать горькие исповеди – рассказы еще живущих трудармейцев, строивших в суровые годы Великой Отечественной войны в Челябинске металлургический завод.

Цель данного пособия – представить читателю правдивые картины суровой драмы жизни, работы первостроителей Челябинского металлургического завода, большую часть которых составляли трудмобилизованные. Представить, чтобы знали и не забывали.

Материалы дайджеста предназначены широкому кругу читателей, всем тем, которым дорога и небезразлична история России и родного края.

В пособие включены документы, фотографии, статьи из книг, газет и журналов за последние 15 лет из фондов библиотек города, музея металлургического комбината, музея школы-лицея № 96 и немецкого культурного центра при католическом храме. Также представлена информация, полученная в результате встреч с ныне живущими трудармейцами.

Весь материал сгруппирован в 3 основных раздела и расположен от общего к частному.

1 раздел – «Как это было» – содержит документы по депортации народов в целом, раскрывает историю "немецкого" вопроса и насильно перемещенных советских немцев, финнов,

венгров... с родных мест: Поволжья, Каспия, Крыма... в Сибирь, Казахстан, на Урал, Дальний Восток.

2 раздел – «Горячий металл» – включает материалы о вкладе строителей, рабочих ЧМЗ в дело Победы в Великой Отечественной войне, в основном трудмобилизованных немцев.

3 раздел – «Воспоминаний горький след» – это воспоминания первостроителей завода, строивших завод в холод, грязь, голодных и самое главное, за колючей проволокой с охраной...

В заключении дан указатель имен, упоминаемых в пособии, и список литературы для более глубокого ознакомления с этой темой.

*Уходит из-под ног земля,
где до сих пор нас не признали,
прошу и прощаюсь я,
неси, судьба, в чужие дали.
Мне по кисельным берегам
бродить с неутолимой жаждой,
но взгляд былых моих сограждан,
я буду чувствовать и там...*
В. Штиль

1. Как это было

Свидетельствуют документы

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»

28 августа 1941 г.

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья...

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах...

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в Республике немцев Поволжья Саратовской и Сталинградской областях.

Проведение операции

1. Разрешить переселенцам брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивается, ценности также). Общий вес всех вещей, одежды и инвентаря не должен превышать 1 тонны на семью, громоздкие вещи брать с собой не разрешается...

5.

***Советские немцы в 40-е г. // Иосиф Сталин –
Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Док.,
факты, коммент. – М., 1992. – С. 36-83.***

Трудовая армия на Урале

Одной из острейших проблем тылового Урала являлось обеспечение индустриального сектора рабочей силой. Количественную сторону ее помогли решить трудовые повинности,

трудовые мобилизации, трудармия, использование труда заключенных... Плановая мобилизация в промышленность и строительство стала проводиться с февраля 1942 г. Совместными усилиями НКО и НКВД СССР была создана трудовая армия. Она имела несколько разновидностей – стройбатальоны, рабочие колонны, лагеря советских немцев... Однако большую часть этих формирований составляли люди, считавшиеся политически неблагонадежными по социальному и национальному признакам. В начале 1942 г. на Урале имелось около 290 тыс. бойцов трудармейцев; в Челябинской области находилось 281 тыс. человек на спецпоселении, что составило более 11 % данных по стране (без данных по Башкирии). Особый лагерный вид трудармии распространялся на советских немцев. Они были подвергнуты депортации, принудительно расселены установленным административным надзором.

*Трудовая армия на Урале // История Урала: XX век.
Учебник / Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. –
Екатеринбург, 1998. – С. 181-183*

*Но и до смерти до своей едва ли
Я позабуду тот и день и год,
когда в Сибирь или куда по далее
поволжских немцев разом выселяли.
Ни тех, кто побывал в судебном зале,
Не хутор, не деревню – весь народ.
В. Савельев*

«...мобилизовать немцев в рабочие колонны...» И. Сталин

Трудармия

Термин «трудовая армия» или сокращенно «трудармия» является неофициальным. Трудармейцами называли тех, кто в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. был мобилизован для выполнения принудительной трудовой повинности. На государственном уровне привлечение немцев к принудительному труду было официально оформлено в 1942 г. Массовый призыв немцев в трудармию был связан с постановлениями Государственного Комитета Обороны СССР от 10 января 1942 г. № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и от 14 февраля 1942 г. № 1281сс «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках».

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 7 октября 1942 г. № 2383 «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» в трудовую армию были призваны женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. От мобилизации были освобождены только беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до 3-х лет. Этим же постановлением был увеличен диапазон призывного возраста для немцев-мужчин – с 15 до 55 лет.

По социальному составу мобилизованные немцы относились к различным слоям общества. Хотя большинство, безусловно, составляли крестьяне, которые не имели необходимых рабочих специальностей. Поэтому они не могли выполнять производственные нормы как опытные рабочие.

В 1948 г. трудармейцев закрепили в местах ссылки в качестве спецпоселенцев. В 1955 г. эти ограничения были сняты, но запрещалось возвращаться в родные места тем немцам, которые были выселены из режимных местностей и прифронтовых районов Советского Союза. Поэтому немцы, депортированные из европейской части России, вынуждены были вернуться в те места, где они были размещены после депортации.

«Трудовая армия». Российская историография

В годы Великой Отечественной войны «трудоармейцами» стали называть себя те, кто выполнял принудительную трудовую повинность. Но ни в одном официальном документе периода 1941-1945 гг. понятие «трудовая армия» не встречается. Трудовая политика советского государства военного времени связывалась с терминами «трудовая повинность», «трудовое законодательство», «трудовые резервы». Противоречие между «народной» оценкой и официальной трактовкой трудового вклада населения в победу над фашистской Германией привлекло внимание как публицистов, так и российских историков...

Н.Э. Вашкау, изучая судьбу советских немцев Поволжья, отметила, что депортация решала проблемы трудового фронта. "Мобилизованные немцы", оказавшись в рабочих колоннах в качестве «трудоармейцев», использовались в различных отраслях народного хозяйства. Автор приходит к выводу, что «переселенные немцы стали бесплатной рабочей силой, пополнив обширную сеть ГУЛАГа в Сибири и на Урале».

А.А. Герман в своей монографии на основе анализа обширного комплекса архивных источников делает вывод о том, что советское правительство, создавая «трудоармию» из взрослых граждан СССР немецкой национальности и направляя их за колючую проволоку в рабочие отряды и колонны не только обеспечивало дешевой силой народное хозяйство СССР, но и разряжало обстановку в местах проживания депортированных.

В 1996 г. на международной научной конференции в Анапе была сделана попытка дать определение понятию «трудоармеец». А.Н. Курочкин высказал идею о том, что «трудоармейцами» надо называть тех, кого мобилизовали выполнять принудительную трудовую повинность в составе рабочих батальонов (колонн, отрядов) со строгой централизованной армейской структурой при условии проживания на казарменном положении в огороженных и охраняемых «зонах» с воинским внутренним распорядком. По мнению докладчика, основной контингент «трудоармейцев» составляли советские немцы. Их положение отличалось более жестким режимом содержания, худшими условиями жизни и быта, неприязненным отношением к ним руководства и местного населения.

Изучая процесс использования труда «мобилизованных немцев» на строительстве Челябинского металлургического завода южно-уральский историк Г.Я. Маламуд пришел к выводу о том, что на советских немцах была апробирована форма организации труда, сочетавшая в себе черты «трудовой армии» и концентрационного лагеря.

Проделанная исследователями работа по изучению такого исторического феномена как «трудовая армия» периода Великой Отечественной войны позволила за короткий промежуток времени сделать существенный прорыв и перейти от тезисов и статей фрагментарного характера к более подробным комплексным исследованиям проблемы. Наметившиеся направления изучения истории создания и функционирования «трудовой армии» («узкая» и «широкая» трактовка) поставили на повестку дня вопрос о необходимости дальнейшего расширения исследования источниковой базы для определения ее состава, хронологических рамок и внутренней периодизации. Решение этих вопросов позволит дать точное определение "трудовой армии" и определить ее место в системе трудовых отношений периода Великой Отечественной войны.

*Г.А. Гончаров «Трудовая армия» периода Великой
Отечественной войны: рос. историография
[Электрон. ресурс] <http://www.hist.msu.ru>*

Без вины виноватые

«Для российских немцев к ужасам второй мировой войны прибавился кошмар насильственной депортации. Немецкий народ не отделял себя от граждан советской страны. В первые дни войны от немцев-мужчин Автономной советской социалистической республики Немцев Поволжья (АССРНП) поступило 2500 заявлений с просьбами направить их

добровольцами на фронт, но военкоматы не брали их, мотивируя отказ тем, что для фронта необходимы военные специалисты. Немцы, находившиеся в момент начала войны в армии, сражались в действующих частях, но после принятия Указа о выселении немцев Поволжья были отозваны и отправлены на спецпоселения.

Немцев обвинили в коллаборационизме. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О выселении немцев из районов Поволжья» в короткий срок, с сентября по октябрь 1941 г., они подлежали переселению....

Всего, по данным А.А. Германа, было выселено 438,6 тыс. человек, в том числе из АССР Немцев Поволжья – 365,7 тыс. человек....

Во 2-й половине 1941 г. ЦК партии и правительства четыре раза обсуждали меры по вводу в эксплуатацию предприятий на Урале. Требования к Наркоматам ужесточались. Постановление СНК СССР и ЦК ВКПб от 13 ноября 1941 г. содержало пункт:

«Строительство Бакальского и Ново-тагильского металлургических заводов с горнорудным хозяйством и коксохимическими заводами поручить НКВД СССР. К строительству Бакальского металлургического завода приступить не позднее декабря 1941 г.»

С этого началась трудовая армия, большую часть которой составляли немцы, депортированные из Поволжья. Была определена цель – обеспечить строительство возможно более дешевой рабочей силой любой ценой.

Вашкау Н. Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. – 2002. – № 10. – С.99-104.

Неблагонадежных финнов в Сибирь

Началась война. Ингерманландские финны, попавшие в кольцо блокады в Токсовском и Всеволожском районах, а также проживавшие в Ленинграде, по решениям Ленинградского военного фронта № 00713 от 9 марта 1942 года и № 00714 от 20 марта 1942 года были эвакуированы в Якутскую АССР, Красноярский край, Иркутскую и Челябинскую области. Это решение не сопровождалось изданием специального постановления о спецпоселении. Финны оказались в Сибири на положении административно высланных. Но уже 29 декабря 1944 года НКВД СССР издал приказ № 274, согласно которому все эвакуированные финны были взяты на учет по линии Спецотдела НКВД СССР и УНКД, после чего 9 104 гражданина финской национальности получили статус спецпоселенцев.

По постановлению РККА № 1526 от 3 апреля 1942 года были изъяты из действующей армии военнослужащие финской национальности и переведены в рабочие колонны НКВД, более известные под названием «трудармия». Во время войны финны южной и западной Ингерманландии оказались в зоне, оккупированной немцами. В 1942 – 1943 гг. все они (около 65 тыс.) были вывезены в Финляндию. В 1944 году по условиям заключенного с Финляндией перемирия они получили право вернуться в СССР. Большинство из ингерманландских финнов – 55 тысяч – возвратились, однако в соответствии с постановлением Госкомобороны СССР № 6973 от 19 ноября 1944 года «О переселении из Финляндии населения ингерманландского происхождения, ранее проживавшего в Ленинградской области» им не было разрешено, несмотря на все заверения, поселиться на родине, их расселили в разных областях средней полосы и Сибири.

Память суровых лет

Тихо, почти неслышно, звучит музыка И. Баха, горят свечи, постепенно нижний зал Римско-католической церкви Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии заполняется людьми. Многие женщины в черных платках, мужчины сплошь седые. Понедельник – 28 августа, 17 часов, люди пришли на митинг по случаю 59-й годовщины злополучного Указа Президиума Верховного

Совета СССР № 21-160 за подписью М. Калинина и А. Горкина «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

В нем отмечалось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецких граждан Поволжья имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу Германии должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». Эти люди в один миг оказались «врагами народа»...

В августе 1941 г. всех людей немецкой национальности сажали в грузовые вагоны и отправляли в Сибирь, на Урал, Казахстан. От холода и голода люди умирали во время долгого пути. А те, кто уцелел, оказались в лесу, в поле, необжитых местах.

Несмотря на лишения, советские немцы в жестоких условиях военного времени отдавали свои силы, свое здоровье трудовому фронту, ковали Победу в глубоком тылу. Это благодаря им был выстроен в короткие сроки наш металлургический комбинат, это их руками были возведены первые жилые дома Соцгорода...

В наше нелегкое время, когда людям старшего поколения приходится испытывать материальные и моральные трудности, Областной Немецкий культурный центр совместно с городской общественной организацией по защите прав репрессированных старается изыскать возможности помочь им, иногда добрым словом, иногда конкретной помощью. С октября 1999 г. начата регистрация бывших трудармейцев и репрессированных. На начало 2000 г. зарегистрировано более 500 человек...

Щекуньева А. Память суровых лет // Голос строителя (Челябинск). – 2000. – 11 сент.

Из поэмы «В тылу»

«Очень много было

с мозолями людей «без орденов»!

Они смотрелись

скорбно и уныло

в рванине курток грязных

и штанов,

«Трудармия»...

Найдется ли Историк

с неповрежденной психикой

тех лет.

Погибших каторжан

в бедламе строек

сквозь все запреты

проступает след...

Трудились

немцы, финны и болгары

(Трудармия

под дулом МВД)

Их провокационно оболгали

по Всероссийской

пристегнув беде...

Виною оказалась

их нерусскость,

хоть был родным

«Интернационал»,

который пели

с детских лет

И. Картополов

2. Горячий металл

Стройка НКВД - ЧМЗ

Где рождается сталь

Государственный Комитет Обороны поставил задачу перед военными специалистами – построить ЧМЗ любой ценой в сжатые сроки. И вот, несмотря на то, что под Сталинградом усиленно возводились оборонительные укрепления, командование сочло необходимым снять отсюда 5-ю инженерно-саперную армию полковника А.Н Комаровского и отправить ее под Челябинск....

Людей на стройке было много – тысячи, десятки тысяч. Русские, украинцы, белорусы, армяне, узбеки, казахи – кого здесь только не было? Немало встречалось людей, одетых в полувоенное-полуштатское – это мобилизованные в трудовую армию. Эвакуированные жили и питались плохо, а трудовармейцы еще хуже: недопивали, недоедали, одевали их кое-как, содержали, словно заключенных под охраной. А еще больше тут было наших заключенных, пленных и волжских немцев. Условия их жизни были еще ужаснее. Жили они в полуземлянках, вырытых самими же. Болезни и голод уносили десятки жизней ежедневно.

Застывшие на ледяном ветру тела увозили в крытых грузовиках и просто на подводах за территорию завода, на северо-восток, и там, в густых зарослях кустов и березняка, без гробов, прямо в рабочей одежде закапывали в огромных котлованах. Сколько их там – тысячи? Десятки тысяч? Ныне на этом месте стоит копровый цех. Если сказать, что завод стоит на костях людей – не будет преувеличением.

Белоцерцев А. Где рождается сталь // Врата Рифея: Сб. Эссе, док. / Под ред. В.П. Перкина. – М., 1996. – С. 286-290.

Трудовая армия и ее солдаты

«... Самой подходящей площадкой для строительства является Першинская. Так был решен вопрос о месте строительства. 12 июня 1941 г. всего лишь за 10 дней до начала войны Совнарком СССР принял постановление № 1508 о строительстве Бакальского металлургического комбината на Першинской площадке. Документ подписан заместителем Председателя Совнаркома Н.А. Вознесенским».

...10 января 1942 г. ГКО СССР принял решение о мобилизации этой категории советских граждан в рабочие колонны НКВД с размещением в охраняемых лагерных пунктах. В трудовую армию попали также военнослужащие Красной армии немецкой национальности, политэмигранты из Германии и стран Восточной Европы, находившиеся в СССР, а также советские граждане финской, румынской, болгарской, венгерской, итальянской, чешской национальностей...

Всех прибывших определяли в стройотряды и на лагерные участки. В 1942 г. на Челябинском металлургострое было 4 участка, укомплектованных заключенными, и 16 стройотрядов трудмобилизованных...

К трудмобилизованным применялась целая система уголовных наказаний. Приговоры выносились по представлению прокурора областным судом или особым совещанием. В 1942 г. за дезертирство, саботаж и другие провинности 309 мобилизованных были приговорены к расстрелу, 230 – к различным срокам тюремного заключения. За менее значительные проступки наказанием служил лагерный изолятор.

Весьма скромное питание полностью зависело от производительности труда. Большая часть трудмобилизованных и заключенных питались по основной норме №1 – 550 г хлеба. Не выполняющим производственные задания норма хлеба снижалась на 50-100 г, а перевыполнявшим увеличивалась. Паек был главным стимулом в работе трудовармейца. Повышения

производительности труда руководство стройки добивалось и увеличением продолжительности рабочего дня. С 15 июля 1942 г. на Челябинметаллургстрое он увеличился до 10 часов...

Положение стало меняться к лучшему с середины 1943 г. Занятым на тяжелой работе увеличили хлебный паек. С 1 января 1944 г. сняли ограждение вокруг лагеря 7-го стройотряда. Трудмобилизованных все чаще выводили на работу за пределы зоны без конвоя, а дипломированные специалисты переводились на прорабские и инженерные должности, свободно передвигались по всей строительной площадке. Вскоре ввели 8-часовой рабочий день и выходные дни. Ослабленных и больных трудармейцев объединили в оздоровительные колонны с усиленным питанием...

В конце войны трудармейцы смогли свободно выходить из зоны, а некоторым в порядке поощрения разрешалось жить в поселках Каштак и Першино. На выезд из города еще существовал запрет, но появилась возможность воссоединить семьи.

В 1948 г. все оставшиеся в живых трудармейцы были переведены на положение спецпоселенцев с ограничением в правах: они не имели паспортов, не могли выехать за пределы спецпоселения без разрешения комендатуры, в которой были обязаны регулярно отмечаться. К началу 1949 г. на спецпоселении Челябинской области находилось 38 448 немцев. Лишь в 1956 г. они получили равные со всеми советскими людьми права.

Под опекой НКВД. Трудармия и ее солдаты // Челябинск. История моего города. – Челябинск, 1999. – С. 203-206.

На строительстве ЧМК

Строительство завода приняло гигантские масштабы. Десятки тысяч людей работали на нем. Это и эвакуированные металлурги, и трудмобилизованные, и трудармейцы, и заключенные, и военнопленные. Сегодня мы не можем сказать о них: «Никто не забыт». Мы до сих пор даже не знаем общей численности трудармейцев, принявших участие в строительстве, не то что назвать их поименно. Строительство завода было организовано как очередной ГУЛАГ. Человеческий муравейник при осуществлении любых работ, при почти полном отсутствии механизмов, с прилегающей к строительной площадке системе лагерей, охраняемой органами НКВД. Благодаря мужеству и героизму первостроителей завод был построен в небывало короткие сроки.

Ярош Л. На строительстве ЧМК // Челяб. металлург. – 1995. – 15 апр.

Битва за металл

Еще одну срочную задачу перед военными специалистами поставил Государственный Комитет Обороны (ГКО): построить неподалеку от Челябинска, близ с. Першино, металлургический комбинат. Построить в сжатые сроки и любой ценой. Страна остро нуждалась в специальной стали, которая бы годилась для производства танков, самолетов, подводных лодок... О значимости строительства свидетельствует такой факт: из-под Сталинграда, где усиленно возводились оборонительные укрепления, ГКО снимает 5-ю инженерно-саперную армию под командованием полковника Комаровского и в конце 1942 г. отправляет в Челябинск. В связи с военным положением и важностью объекта его строительство «курирует» НКВД.

– На месте болотных кустарников и редколесья строители рыли котлованы, возводили корпуса будущих цехов, – вспоминал очевидец – то тут, то там горели костры, иначе не продолбишь землю... В бараке, сбитом в одну доску и обшитом толем для защиты от ветров, разместились мастерские. От 40-градусных морозов трещали деревья, а в мастерских еле коптели жаровни с горящим коксом, над которыми рабочие отогревали озябшие руки...

История ЧМЗ имеет много славных страниц. К концу войны в каждом третьем танке (!) была наша челябинская сталь, а после ее окончания Правительство признало возведение ЧМЗ лучшей стройкой страны. Челябинскую сталь называли сталью Победы. Годы не умаляют этих достижений. О них надо знать, ими надо гордиться. Но если попытаться подойти к истории строительства завода непредвзято, то надо вспомнить и другую правду.

В феврале 1942 года в Челябинск прибыла одна из первых партий трудармейцев, в числе которых были и советские немцы. Состав с трудармейцами поставили в тупик, людей разгрузили ночью и повели... под конвоем с собаками. Такой, мягко говоря, негостеприимный прием будущих строителей металлургического гиганта несколько удивил, но все молчали. Трудармейцев привели к участку леса, огороженному в три ряда колючей проволокой... Бойцов трудармии разделили на отряды в 50-100 человек. На работу и с работы ходили строем. В самые сильные морозы работали по 12 и более часов. Когда замечали, что человек уже совсем обессилел, переводили в ОПШ – Оздоровительно-профилактический пункт.

Среди трудармейцев эту аббревиатуру расшифровывали как Отдел подготовки покойников. В этой грустной шутке была доля правды. Часто из ОПШ уже не возвращались... На ногах у многих строителей были бурки – подошва вырезалась из старой автомобильной покрышки. Уже при минус 10-15 С ноги примерзали к подошве. А нередко зимой бывало и за минус 40... Поэтому неудивительно, что при таком отношении ряды трудармейцев быстро таяли... Некоторые трудармейцы пытались убежать со стройки, невзирая на колючую проволоку и сторожевые вышки. Пойманных наказывали сурово, часто их ждал лагерный суд и расстрел. Приказ о расстреле подписывал лично Комаровский... Только в середине 1943 г., когда людские ресурсы иссякли, были приняты меры по улучшению содержания трудармейцев. Вот и судите сами, кем были трудармейцы на строительстве ЧМЗ – заключенными ГУЛАГа или героическими тружениками тыла.

*Скрипов А.С. Битва за металл // Скрипов А.С.
Челябинск. XX век. – Челябинск, 2000. – С.137-140.*

Приказано: расстрелять

Всего за десять дней до начала Великой Отечественной войны СНК СССР принял постановление № 1568 от 12.06.41 г., которое утвердило строительство Бакальского металлургического завода на Першинской площадке, т.е. в 15 км севернее Челябинска близ с. Першино.

В связи с военным положением и важностью объекта строительство Бакальского металлургического завода с 1 ноября 1941 г. было передано ГлавПромстрою НКВД СССР. Начальником строительства был назначен бывший заместитель Наркомстроя СССР Комаровский А.Н...

В начале 1942 г. стали прибывать трудмобилизованные – депортированные из разных областей страны и заключенные системы ГУЛАГа. Всех формировали по стройотрядам и лагерным участкам, которые подчинялись Управлению строительством.

Вот о чем поведал приказ, последовавший вслед за проверкой состояния режима лагеря:

1. Бытовые условия заключенных неудовлетворительные;
2. Медицинское обслуживание заключенных находится на крайне низком уровне.

Виновные были уволены или получили выговоры. Но, как свидетельствуют документы, в лагере мало что изменилось. В трудармии свирепствовали болезни – малярия, дистрофия, тиф, туберкулез, болезни кожи – фурункулез, потертости, вызванные тяжелой и неудобной обувью: кордовыми ботинками. Позднее их заменили на лапти и веревочные туфли...

В лагере была высокая смертность. Только за 20 дней февраля 1942 г. умерло 179 заключенных. Трупы не успевали вывозить. В отдельные дни их скапливалось по несколько десятков. Например, 24 апреля в морге Центральной больницы скопилось 37 трупов. На место умерших прибывала рабочая сила из других лагерей, спецпоселение. На 1 января на строительстве металлургического комбината работало 4237 заключенных, а в феврале прибыло еще 11657 трудмобилизованных. В марте 1942 г. численность увеличилась уже до 16846, а к концу войны эта цифра достигает 34 тыс. человек.

Первое время территория лагеря была лишь обнесена колючей проволокой... 1 апреля 1942 г. начальник Управления Комаровский издал приказ, которым предписывалось срочно «закончить оборудование зон с устройством вышек и освещения; достроить и сдать в эксплуатацию помещения вахт...»

Зачем? Вероятно, затем чтобы четко был виден всякий след.

Вскоре в интересах обеспечения госбезопасности и изоляции мобилизованных немцев и заключенных вся строительная площадка была взята в зону круглосуточного оцепления, введены пропуска для прохода. Так была завершена полная изоляция бойцов трудармии.

Особенно ужесточился режим по отношению к немцам. После первых побегов было решено «вывод мобилизованных немцев за пределы зоны оцепления сократить до минимума, прибегая к этому только в неотложных случаях».

Однако не колючая проволока, ни сторожевые вышки не могли удержать бойцов. Побег стали делом привычным. Бежали группами и по одиночке, но редко кому удавалось уйти далеко. В каждой деревне были созданы группы содействия военизированной охране, крестьяне рьяно выполняли свой долг – выслеживали беглецов, вполне справедливо рассчитывая на вознаграждение.

Пойманных наказывали сурово. Их ждали изоляторы, а чаще – лагерный суд и расстрел. Приказы о расстреле подписывал лично Комаровский А.Н., и судя по датам этих страшных документов, делал он это ежемесячно, а иногда – 2-3 раза в месяц. Невольно создается впечатление, что Комаровский выполнял какой-то кровавый план по уничтожению немцев-трудармейцев...

В конце войны Правительство признало ЧМС лучшей стройкой страны. Теперь мы знаем, какой ценой достигались эти успехи и что стоит за победами строителей Челябинского металлургического завода.

Турова Е. Приказано расстрелять // Врата Рифея: Сб. Эссе, док. – М., 1996. – С. 290-294.

И настал этот день

Тяжелым было положение всех строителей и металлургов на строительстве завода, но особенно тяжелым было оно у трудармейцев – они жили за колючей проволокой, получали очень скудный паек, водили их на работу под конвоем и существовал приказ: «Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте». Использовались они, в основном, на земляных работах. Землю копали вручную, кирками и лопатами.

Кем были трудармейцы – солдатами или заключенными? Одно дело, когда Родина вручает свою судьбу свободным людям, а другое, когда, требуя самопожертвования, тебя считают врагом. Правду восстанавливают только сейчас, но немцы уже тогда знали, что с ними поступают несправедливо. И не смотря ни на что, затаив в себе обиду, терпя унижения, они понимали, что их труд тоже приближает Победу.

Ярош Л. И настал этот день // Челяб. металлург. – 1991. – 18 апр.

Рассказ первостроителя

Наиболее многочисленной группой строителей Челябинского металлургического завода в годы войны являлись мобилизованные в трудовую армию советские граждане немецкой национальности. Это были люди с трагической судьбой. Конечно, они понимали, что причиной всех бед послужила война. И не все возражали против тяжелого труда во имя Победы. Но не могли понять, почему к ним относятся почти как к заключенным. Преодолевая невероятные тяготы и лишения, они исправно выполняли порученное им дело. Жили в углубленных в землю бараках. На работу ходили строем. Работали в зоне, которая хотя и условно, но охранялась, и за ее пределы выходить им было запрещено. 1-го мая 1946 г. срок службы трудармейцев закончился. Официально они опять стали свободными гражданами, но возвращаться в родные места им не разрешили и перевели на положение спецпереселенцев.

Историю забывать нельзя...

... В феврале 1942 г. их (немцев) несколько десятков тысяч человек пешим строем привели со станции «Челябинск» на центральную базу стройки, в те места, где наметили расположить лагерь. Примерно полторы тысячи человек оставили в заснеженном тихом березняке. Какой-то военный громко объявил: «Палаток пока нет, будем располагаться по-фронтному – прямо на снегу. Сначала построим жилье, а потом будем строить большой металлургический комбинат, который должен давать металл для фронта».

Настроение начало меняться, когда стало очевидным, что строят они ничто иное, как лагерь для заключенных, а заключенные – они сами. Это было неожиданно, унижительно и обидно. В марте лагерь был готов. Свои места на вышках заняли вооруженные часовые. Вот тогда-то и начался настоящий мор. Земляки, знакомые и даже родственники переставали узнавать друг друга. Отчасти от того, что превратились в неузнаваемые ходячие скелеты. А еще потому, что не хотели попадаться друг другу на глаза, выслушивать предсмертные жалобы. В начале 1942 г. уже было 16 отрядов, в каждом – от 4 до 8 тыс. человек, а всего составляло примерно 100 тыс. человек. Десятки тысяч человек были загнаны в угол: колючая проволока и солдатские штыки наглухо отгородили их от остального мира. Им не полагалась заработная плата, не дозволялось получать переводы, почта не принимала посылки.

К осени 1942 г. лагерь представлял собой тягостное зрелище. Над ним повисла гробовая тишина. У тех, кто выжил, не оставалось ни сил, ни желания даже говорить друг с другом. В 1942 – 43 гг. ежедневно умирало по 50-60 человек. Люди умирали тихо, незаметно на нарах. Днем их, окоченевших, привычно сталкивали с нар, грузили на тракторную тележку и вывозили из лагеря на людскую свалку в северную часть зоны.

И вот пришла долгожданная Победа! Прогремело, просияло разноцветием салютов, прошла слезами радости и горя через души людей. А на Бакале в 1948 г. в набитом до отказа клубе прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что немцы, как и некоторые другие народы, выселены из своих родных мест навечно. Выезд из мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами. И «попросили» расписаться, что с указом ознакомлены...

Щекутьева А. Историю забывать нельзя // Милосердие и здоровье (Челябинск). – 2001. – № 16.

С мозолями людей без «орденов»

28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Так Высший государственный орган страны отказал в доверии целому народу и заявил о наличии в СССР немецкой «5-ой колонны». Ответственность за Гитлера и развязанную им войну тяжким бременем легла на советских немцев, на которых навесили ярлык предателей. Начались массовые репрессии в Поволжье, на Кавказе, юге Украины, в Ленинградской области и Крыму. Немецкие семьи вывозили на поселение в Среднюю Азию, Казахстан, Западную Сибирь, начиная с февраля – марта 1942 г. всех мужчин и позже женщин на строительство заводов, на «Бакалстрой». Попали в трудармию и интернированные финны, румыны, итальянцы, венгры и другие народы. Положение трудармейцев в первое время мало чем отличалось от положения заключенных...

Всех прибывших формировали по стройотрядам и лагерным участкам. К сентябрю 1942 г. окончательно сложилась структура лагеря-стройки, созданная по образцу крупных лагерей НКВД. В лагере функционировал оперативно-чекистский отдел, учетно-распорядительная и культурно-воспитательная части. Эти службы, а также отдел кадров и ВОХР, были укомплектованы кадровыми сотрудниками НКВД.

В Бакаллаге было 4 лагучастка, укомплектованных заключенными, и 16 стройотрядов трудармейцев. Численность мобилизованных в стройотрядах колебалась от 2 до 1 тыс. человек.

Крупные стройотряды состояли из колонн по 1023 человека, которые в свою очередь делились на бригады по специальностям по 10-25 человек...

К концу лета 1942 г. вся строительная площадка была взята в зону круглосуточного оцепления, введены пропуска, военизированная охрана с собаками. Так была завершена полная изоляция трудармейцев до положения заключенных. Невыносимо тяжелые условия жизни, болезни и голод уносили десятки жизней ежедневно. Застывшие тела увозили в крытых грузовиках, на подводах за территорию завода (за копровый цех) и там, в густых зарослях кустов и березняка, закапывали в огромных котлованах...

В марте 1942 г. на стройке было уже 16 846 человек, а на 1-е января 1944 г. общая численность лагеря составила 34 605 человек. Из них 20 696 человек – трудмобилизованные. Трудармейцы не хотели мириться со своим рабским положением, участились побеги, которые чаще заканчивались неудачей, ибо по всей округе действовали группы содействия, получавшие за это вознаграждение. В отношении провинившихся трудармейцев действовала целая система наказаний. Только в 1942 г. 309 человек за дезертирство были приговорены к расстрелу...

Положение трудмобилизованных стало меняться в лучшую сторону с середины 1943 г., после боев под Курском. Занятым на тяжелой работе увеличили норму хлеба до 1 кг, в лагере появились витрины с газетой «Правда», на вечерних поверках стали зачитывать сводки «Совинформбюро», трудмобилизованных стали чаще выводить за пределы зоны без конвоя, а дипломированные специалисты из числа трудармейцев переводились на инженерные и прорабские должности. Постепенно взамен 10-12 часового рабочего дня был введен 8-часовой, появились редкие выходные дни...

Ягудин Р.Г. Начало // Востокметаллургмонтаж-1. Опыт. Надежность. Профессионализм. – Челябинск, 2001. – С. 72-75.

Стройка НКВД

«На Першинской площадке к тому времени скопилось около 5000 узников ГУЛАГа. Вновь прибывших, «определяя на жилье», выводили в чистое поле, там устанавливались брезентовые палатки. Первым делом это место обносили колючей проволокой. Лишь потом началось строительство землянок...

К середине 1942 г. на Першинской площадке трудились уже около 30000 человек, но кем на самом деле являлись люди, составившие громадную армию рядовых и сегодня еще преимущественно безвестных строителей, долгое время замалчивалось или упоминалось лишь вскользь. Потому на этом следует остановиться особо.

«Бакалстрой» НКВД СССР (а с августа 1942 г. – «Челябметаллургстрой» НКВД СССР) – так именовалась стройка. И эта ее принадлежность Наркомату внутренних дел вносила в работу свою особенность».

Китаев Е.А. На строительных высотах: История ЧМС. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 240 с.

Память о них жива

Долгие годы немцы жили в дружбе с другими народами, вместе трудились и отдыхали. Но случилась большая беда для всех народов – началась вторая мировая война. Из-за худшей части немцев всех людей стали считать врагами. В августе 1941 г. всех людей немецкой национальности садили в грузовые вагоны и отправляли в Сибирь, на Урал, в Казахстан. От холода, голода, трудностей люди умирали во время дальнего пути. А те, кто уцелел, оказались в лесу, в поле, в необжитых местах, или размещались в бараках, наспех построенных. Советские немцы, несмотря на лишения, в жестоких условиях военного времени, отдавали свои силы на трудовом фронте, ковали Победу в глубоком тылу, отличаясь необыкновенным трудолюбием. Старшее поколение челябинских немцев большей частью и есть эти трудармейцы, их семьи и потомки. За ними долго продолжался гласный и негласный надзор и дискриминация: негласно ограничивался прием на

работу, продвижение по службе, прием детей в средние учебные заведения и институты, молчали об успехах немцев – рабочих. А ведь этими руками в тяжелейших каторжных условиях, за пайку хлеба, были построены десятки тысяч государственных объектов и была создана мощь страны, которая обеспечила Победу в Великой Отечественной войне.

Щекутьева А. Память о них жива // Челябин. металлург. – 2000. – 28 авг.

Взывает к памяти...

Первое, что поражает здесь, – абсолютная тишина, безмолвие, хотя до комбината – рукой подать. И почти ничего, что напоминало бы об истинном предназначении этого места. Перепаханное поле, кругом горы отработанного шлака, и только небольшие ямки, чуть побольше тех, что копают под деревья, наталкивают на страшную догадку: неужели здесь, отгороженные от всего мира пепельно-серой насыпью шлакоотвала, покоятся останки многих тысяч подневольных строителей комбината, безвестно канувших в Лету! Тяжелой была их жизнь, незаметной стала их смерть. Они – это советские люди, трудмобилизованные, которые вручную, в холод и жару, слякоть и пургу, изнемогая от непосильной работы и голода, построили гигант индустрии. Им многое выпало на долю: их лишили крова, семьи, свободы, а у многих отняли и жизнь.

Но страшнее всего были муки моральные: их причислили к «врагам народа», к потенциальным пособникам фашистов, поставили вне закона и общества.

Бурмистров Т. Вспоминает к памяти // Челябин. металлург. – 1990. – 3 нояб.

Вспомнить о трудармейцах, строивших комбинат

В трудармии были главным образом советские немцы и небольшое количество лиц, проживавших в СССР некоторых других национальностей – венгров, финнов, болгар, румын – всех я не знаю...

Первые трудармейцы были, по-моему, мобилизованы (а точнее арестованы) в начале 1942 г. и привезены под конвоем на строительство. Трудармией почему-то назвали обычную лагерную систему, в которой трудились представители национальностей, хотя и живущих в СССР, но будто бы ненадежных, чуть ли не врагов. Размещена была трудармия в лагерных землянках, выкопанных самими трудармейцами на территории строительства завода...

Было бы справедливым наградить этих тружеников, обеспечивших строительство и пуск первой очереди комбината и выпуск металла для фронта, начиная с апреля 1943 г., медалями за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны. Они заслужили это ничуть не меньше, чем другие самоотверженные труженики тыла, награжденные после войны медалями...

Тейх Э. Вспомнить о трудармейцах, строивших комбинат // Челябин. металлург. – 1991. – 18 июня.

Уральский поэт – строителям

*«Кайло,
Лопата,
Тачка –
Орудия труда
У землекопов, землячек
В суровые года...
Сил сколько в человеке!
Трудились в зной и снег
и немцы, и узбеки,
и русский человек!
Не названы героями
герои ЧМС,
но был завод построен,*

*и город был построен,
где был когда-то лес!»*

А. Куницын

Нормы питания

Питание по норме № 1 на одного человека:

- хлеб – 550 г
- мука подболточная – 75 г
- крупа-макаронны – 15 г
- мясо-мясопродукты – 15 г
- рыба-рыбопродукты – 55 г
- жиры – 10 г
- картофель-овощи – 500 г
- сахар – 8 г
- чай-суррогат – 2 г
- соль – 15 г

Существовали другие нормы:

- № 2 – для больных, находящихся в стационаре
- № 3 – для находящихся в оздоровительном профилактории
- № 4 – штрафной паек для отказавшихся работать
- № 5 – для несовершеннолетних
- № 6 – для детей

Нормы 5 и 6 были более питательные.

Дополнительное питание было для беременных в течении 3 месяцев. Для родивших и кормящих матерей – 4 месяца.

При вредных условиях давали 200 г молока – бесплатно.

Полагалось 200 г мыла в месяц, женщинам – 500 г, детям – 300 г.

3. Воспоминаний горький след

Сквозь боль утрат

Из воспоминаний Абрама Самойловича Черного

Абрам Самойлович Черный – ветеран ЧМС, выпускник Киевского инженерно-строительного института, главный инженер, начальник строительства треста ЧМС, профессор ЮУрГУ.

«Как-то в район «Жилстроя» привели несколько сот рабочих, переведенных аттестационной медкомиссией на средний труд. Но где он на площадке полегче? Я отправился к Якову Давыдовичу Раппопорту, в 1944 г. сменившего Комаровского на должности начальника «Челябметаллургстроя». Сказал: «Дайте мне лучше 50 человек, пригодных для тяжелого труда». На это Раппопорт возразил так: «У нас рабочая сила не потому что мы строим, а мы строим потому, что у нас рабочая сила.» Да, в 20-30-х годах в лагпунктах находились многие сотни тысяч людей, и поток их продолжал расти. «Перековка» в различного рода ...лагах становилась на широкую ногу. И по мере того, как заключенных становилось все больше, настойчивее возникал вопрос, как и где их использовать. Стройки НКВД появились на свет как реакция на эту искусственно созданную проблему, они были порождены именно той эпохой...

О том, в какое положение были поставлены заключенные, в какой-то мере позволяет судить приказ №44 по управлению особого строительства НКВД СССР «О порядке трудового использования заключенных и мероприятия по оздоровлению рабочей силы». Вверху стоял гриф: «Не подлежит оглашению. Секретно». Далее следовал текст: «Для обеспечения правильного

использования заключенных в соответствии с их физическим состоянием, а также в целях предупреждения износа рабочей силы (далее зачеркнуто) и оздоровления контингентов заключенных путем создания для них нормальных условий труда и быта приказываю:

...4. (зачеркнуто полностью) В соответствии с положением ГУЛАГа НКВД СССР от 7.07.39 г. установить для прибывающих из тюрем и ОИТК пополнений сниженные нормы выработки в течение первых 4-х недель работы.

...6. (зачеркнуто полностью) Обеспечить в течение зимнего периода обязательное предоставление заключенным 3-х дней отдыха в месяц, допуская перестановки их только по метеорологическим условиям»...

28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В нем, в частности, сообщалось:

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья...»

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья...»

Начались репрессии новых сотен тысяч людей. Началось массовое перемещение с обжитых земель целых колхозов. В 1942 г. почти все советские немцы оказались в трудармии. Положение трудармейцев в первое время мало чем отличалось от положения заключенных.

... Все они вырастали буквально из ничего. На снег из грузовика выбрасывалось несколько котлов, дрова и это нечто считалось кухней. Строители в мерзлой земле ломками выдалбливали лунки, чтобы развести в них огонь. Жидкая похлебка, не успев закипеть, тут же остывала. Каждый рабочий получал на завтрак ковш кипятка. Горячую воду можно было выпить или умыться. Предпочитали первое, умывались снегом. С бойни привозили бычью кровь и выливали ее в супы – для повышения калорийности. И это блюдо люди ели молча и торопливо».

Вспоминает Яков Андреевич Рудт

Яков Андреевич Рудт – трудармеец. В 1-ой половине 1941 года служил на трикотажно-бельевой фабрике в г. Энгельсе, с января 1942 г. – на Бакалстрой.

Впоследствии главный бухгалтер объединения ЧМК.

«Сделать какие-то предположения относительно нашего будущего можно было сразу же, поскольку колонну сопровождали бойцы с винтовками. Но действительность превзошла все ожидания. К легу вся территория строительства оказалась огороженной колючей проволокой, вдоль которой появились вооруженные охранники с собаками. Рядом с каждым сторожевым постом висел кусок рельса. Один из часовых бил по нему железным стержнем. Услышав этот унылый звук, его действия повторял сосед. И так металлический звон плыл по периметру большой зоны.

Такая вот прижилась система оповещения: никто не дремлет, все смотрят в оба глаза. По злой иронии трудармейцы сами натягивали колючую проволоку, своими руками готовили себе тюрьму».

Гергард Робертович Цейтлер вспоминает

Гергард Робертович Цейтлер – трудармеец, затем политзаключенный, ныне активист общества «Мемориал».

«Моему вступлению на территорию 2-го стройотряда предшествовала унижительная процедура приема: на «новеньких» заполнили соответствующие формуляры, тщательно обыскали, изъяв при этом все «недозволенные» предметы, у каждого сняли отпечатки пальцев. Зону регулярно лихорадили ночные шмоны. Людей выгоняли на улицу, тем временем в бараках все переворачивалось вверх дном, проверялись вещи, нары, закутки, куда могло быть спрятано что то незаконное. Незаконным считались даже личные фотографии, не говоря уж о прочем. Провинившихся ждало наказание, а для злостных нарушителей имелась «смирительная рубаха» – БУР (барак усиленного режима). Применялись особые методы воздействия на штрафников. Их заставляли раздеваться до нижнего белья и в таком виде работать на двадцатиградусном морозе.»

Китаев Е.А. На строительных высотах: История ЧМС.

– Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 240 с.

Виктор Фукс вспоминает:

«За Челябинском на огромном пустыре предстояло строить металлургический завод. Лагерь трудармейцев занимал несколько десятков гектаров. 65 тысяч немцев были свезены сюда и поделены на 15 отрядов. Каждый отряд оцеплен колючей проволокой. Сторожевые вышки вокруг, собаки. Доставив нас, человек семь, к лагерю, сопровождавший вернулся в Челябинск. Увидев колючую проволоку, я захотел удрать. Но потом сообразил: куда? При мне партбилет, удостоверение. Сразу поймут, кто такой и откуда. Повели нас в баню, которая находилась вне ограждения. Прибывшие со мной рядовые дали себя остричь наголо и побрить, а я заявил, что не дамся. Банщики-немцы сказали, что их тогда накажут. Рядовые вступились за меня — все-таки командир эскадрильи! Тогда банщики сдались и попросили натянуть поглубже пилотку, иначе на пропускном пункте задержат...

На работе за одно-единственное нарушение могли послать в каменный карьер. А там люди подолгу не выживали. Рабочий день трудармейцев длился по 12 часов, иногда больше. Во всяком случае, меньше 10 часов не работали. В неделю полагался один выходной. Его проводили в землянке на нарах. Так выматывались за неделю, что ни до чего уже не было охоты. Да нам ничего и не предлагали — ни кино, ни книг. Из газет была одна «Правда»...

Трудармия для меня закончилась в 1950 году. Меня отпустили, и я уехал в Канск к своим родителям, которые были сосланы туда. На тот момент оставался членом ВКП (б), но воинского звания был лишен. Еще в трудармии по «милости» Берии.

Годы, проведенные в «Челяблаг», вошли теперь в трудовой стаж по принципу: один за два. Слабое, откровенно говоря, утешение».

Григорий Вольтер, в прошлом трудармеец, в своих воспоминаниях пишет:

«Хроническое недоедание, терзавшее людские тела, дополнялось муками моральными, со знанием совершенной над ними несправедливости, попранной чести и униженного достоинства, снедавших вдобавок и людские души. И все это без какой-либо государственной и политической надобности, а единственно – из преднамеренной и запланированной лагерным режимом практики подавления человеческой личности". Да, именно лагерным, а никаким либо другим.

Немцы, лежащие здесь, безымянны. Мы не знаем не только имен, но и точного числа погребенных здесь. Наиболее распространено мнение, что умер от голода и тяжкого, непосильного труда каждый третий трудармеец. "Надо бы всех поименно назвать, да отняли списки, не дали сказать» – эти строчки Анны Ахматовой звучали на митинге, посвященном открытию мемориала трудармейцев.

Густаф Кондратьевич Гофман вспоминает:

«Когда мы приехали, я увидел невдалеке что-то вроде скирда, метра два в высоту и пятьдесят в длину, а поверху бегали собаки. Когда мы подошли поближе, оказалось, что это была гора трупов, раздетых донага, с биркой, как у новорожденного на большом пальце ноги, а сверху

бегали вовсе не собаки, а лисы. Потом, когда наступила весна и трупы стали смердеть, были выкопаны траншеи, бульдозер свалил туда трупы...»

Бурмистров Т. Вспоминает к памяти // Челябин. металлург. – 1990. – 3 нояб.

Мне об этом не вспомнить нельзя

Тейх Эдуард

Эдуард Тейх окончил Ленинградский электротехнический институт, трудармеец, впоследствии работал в проектно-отделе Челябинского филиала Гипромеца.

... Меня привезли в Челябинск, на строительство ЧМЗ, в состав «небезызвестной» трудармии НКВД СССР 30 апреля 1945 и первый месяц («карантинный», как его назвали) я трудился вместе со всеми вновь прибывшими под особым конвоем на земляных работах и жил с ними (тоже под особым конвоем) в отдельной землянке.

После этого, в течение 6 месяцев я работал монтером связи в подразделении Челябинметаллургстроя, которое называлось конторой связи. Но, хоть я имел уже с начала 1941 г. диплом с отличием Ленинградского электротехнического института связи (ЛЭИС), лазил в качестве монтера связи в продолжение всего этого времени на опоры и ходил по местам установки окончательных устройств связи.

... Я с чувством уважения и признательности вспоминаю тогдашнего начальника Николая Емельяновича Шаповалова. Он хорошо знал мою ситуацию и то, что я привезен из мест заключения, в которые был «засужден» за попытку вернуться в действующую Красную Армию, из которой в октябре 1941 г. был изгнан, как немец по национальности.

Тейх Э. Начиналось с проекта // Челябин. металлург. – 1991. – 21 мая.

Вольф Даниил Фридрихович

Даниил Фридрихович Вольф с 15 апреля 1942 г начал работу каменщиком, затем строил ТЭЦ.

Еще живут те, кто закладывал фундамент завода, кто рыл траншеи, укладывал инженерные сети. Однако не все еще известно, кто и в каких условиях тогда жил и работал. Одним из таких строителей является Даниил Фридрихович Вольф. На Бакалстрое с 15 апреля 1942 г. Пережил все: считает все пережитое неотделимым от других, принимавших участие в строительстве завода. «Мы страдали и работали вместе...»

- Даниил Фридрихович, это так. И все же не к лицу нам страдания и труд одних перечеркивать только на том основании, что и другие страдали.

- Так-то так. Но позвольте спросить, почему меня хотят сделать каким-то гостем или иностранцем в своей стране? Ведь мои предки решали, где им жить. Они решили поселиться в России...

- Вас лично до войны репрессии коснулись?

- Еще как. В 30-е годы мой отец Фридрих Иванович работал председателем колхоза... По доносу его арестовали и, видимо, расстреляли. Его реабилитировали только после 20 съезда партии. А мне пришлось бросить учебу – я ведь был старшим в семье. А в начале 50-х годов сам угодил в тюрьму по доносу своих же немцев... Реабилитировали только в 1963 г.

- Что же, все хорошо, хоть так кончается. Судьба многих сложилась куда трагичнее. И все же, Даниил Фридрихович, как Вы поборили это чувство непобедимой несправедливости...

- Прежде всего, думаю, надо представить, в какое время мы жили, и почему все это произошло. Ведь если бы не гитлеровцы, мы бы никогда на Урале не оказались. Надо было или на фронт, или на стройку. Нас отправили сюда. В трудармии, думаю, было не страшнее и не тяжелее,

чем в блокадном Ленинграде, на фронте или у горна... К тому же на фронтах ведь люди гибли как мухи, а у нас как бы не было трудно, но кто работал и ел, что давали, те выжили.

- **И все-таки очевидцы утверждают, что смертность была очень высокой.**

- Все познается в сравнении. На фронте после боя из тысячи выживали единицы, а то и не одного. Здесь, конечно, не война и было бы преступлением оправдывать смерть.

- **Чтобы представить, что представлял Бакалстрой, скажите, где и какие находились отряды?**

- Трудармии называли стройотрядами. Нас сюда привезли и поселили в уже построенные бараки, обнесенные проволокой. Первый стройотряд размещался на месте нынешнего базара (Михеевского рынка), второй – на месте мельзавода, третий – где сейчас поселок Молодежный, пятый – на месте нынешнего карьера у Миасса, шестой – на месте кинотеатра «Союз» (досуговой центр «Импульс»), седьмой – на месте бетонного завода...

- **Когда Вы почувствовали себя свободным?**

- На работу я мог свободно ходить только после окончания войны. В 1946 г. женился, ушел из стройотряда и жил в 27 бараке, как и все работники ЧМЗ. Постепенно завел хозяйство. Жить стало веселей...

Федоров П. Первостроитель // Челябин. металлург. – 1999. – 23 мая.

Фаст Иван Рудольфович

Иван Рудольфович Фаст – последний начальник финансового отдела ЧМС, трудармеец с 1942 года.

Иван Рудольфович Фаст был последним начальником финансового отдела некогда мощного ордена Ленина строительного объединения Челябинметаллургстрой (ЧМС). В 1942 г. молодым пареньком призвали его в трудовую армию. И с тех пор вся жизнь И.Р. Фаста была связана со строительством металлургического завода. Мы попросили его рассказать о самом памятном эпизоде своей биографии, собираясь услышать от ветерана о преодолении холодов, о хроническом недомогании, о тяжелом ручном труде первостроителя, а он вдруг неожиданно рассказал о театре.

– Бригады трудармейцев на строительстве ЧМЗ в годы войны объединялись в колонны, а колонны – в стройотряды. Руководство стройотрядами осуществлял ГУЛАГ, располагавшийся в районе нынешней улицы Комаровского в Металлургическом районе. В те годы слово ГУЛАГ не вызывало каких-либо эмоций, для нас ГУЛАГ был обыкновенным управлением по строительству. Рядом с конторой ГУЛАГа располагался клуб. Бывая в увольнении, мы иногда посещали клубную библиотеку. Не знаю почему, но я с детства любил театр. Однажды в нашем подразделении объявили запись желающих коллективно посетить спектакль московских артистов. Я записался первым и с нетерпением в день спектакля ждал конца рабочей смены. Но чем-то не понравился начальнику колонны, обратился к нему с просьбой подписать увольнительную, а он не подписал. Эх, как тогда было обидно! А начальником нашего стройотряда совсем недавно назначили молодого лейтенанта – летчика, из-за ранения на фронте списанного в наземные войска к нам в трудармию. И решил я испытать счастья, обратился прямо к нему. Лейтенант наши порядки еще знал плохо и, наверное, поэтому подписал увольнительную, почти не глядя.

...Надолго получив заряд бодрости, мы возвращались из театра в свой лагерь, где ожидала нас однообразная трудармейская жизнь с утренним разводом, 12-часовым рабочим днем, вечерним осмотром и с неугасающим в душе огоньком надежды, что труд наш не напрасен: одержим Победу и вновь заживем по-человечески.

Фаст И.Р. Воспоминания трудармейца // Ветеран. вестн. (Челябинск). – 2000. – 7 авг.

Вегелин Константин

Бывает так, что при воспоминании о каком-то человеке возникает в твоей душе непонятное чувство стыда. Прекрасно знаешь, что лично ему ничего не должен. Но жестокая

несправедливость, совершенная по отношению к этому человеку государственной системой, как бы и тебя делает ее соучастником, будоража совесть...

И память напомнила об этом человеке – Константине Вегелине. Вроде бы ничего примечательного: крупный, немногословный мужчина, таких у нас много. Но что-то невысказанное, таившееся в его невеселых глазах, я уловил только тогда, когда кто-то спросил меня: «А ты знаешь, что он немец? Он же был военным летчиком, имел звание капитана»...

Оставшись без отца, Костя Вегелин вынужден был начать работать с 7 лет, но учебу не забросил. После окончания 8-го класса поступил в 1928 г. в летную школу... Потом учился летать на самолетах в 3-ей Оренбургской военной школе летчиков, в которой его оставили в должности летчика-инструктора после окончания учебы...

В 1934 г. Вегелин назначается командиром звена, а в январе 1937 г. – командиром отряда. За отличную службу получил именные золотые часы из рук самого М.И. Калинина... В 1938 г. его уволили в запас по болезни. Война застала Константина Вегелина в должности начальника учебно-летного отдела в Орехово-Зуевском аэроклубе. Неоднократно подавал заявления с просьбой направить его на фронт, указывая свою национальность: немец Поволжья. Отказ. А 12 сентября 1941 г. он был уволен "в связи с переездом на новое место жительства" – так скромно обозначили выселение немцев с Поволжья. По пути в Казахстан на станции г. Куйбышева (Самара) его жену сняли с поезда, поместили в больницу... Костя оставил ей свои именные часы. Здесь родилась дочь. А встреча его с женой и дочерью состоялась только через несколько десятилетий.

В Казахстане Вегелин был принят на работу в качестве военрука и преподавателя физкультуры. Но уже с 17 апреля 1942 г. по трудовой мобилизации он прибыл в Челябинск на строительство нашего завода...

При расформировании лагеря военнопленных в 1948 г. Вегелин был уволен из ЧМС...

Аскаров Р. Отлученный от неба // Челяб. металлург. – 2001. – 27 авг.

Жить и помнить: Встречи, интервью, беседы

Швейгердт Эмилия Ивановна

С Швейгердт Эмилией Ивановной мы встретились в уютной двухкомнатной квартире. Хозяйка радушно пригласила к столу и началась неторопливая беседа о тех незабываемых годах, прошедших в 1942 – 1945 гг.

- Помните ли Вы время, Эмилия Ивановна, когда Вы жили в Поволжье?

- Конечно, мне уже было 16 лет, когда нам срочно приказали собраться, оставив нажитое. Всю нашу семью отправили сначала в Омскую область. В Челябинск приехала только 15 февраля 1943 г.

- Вы осознавали, по какой причине Вас вывели из родного дома, и как это воспринималось тогда?

- Да, понимала, ведь я посещала школу в Поволжье, училась, конечно, в немецкой школе и русским языком овладела только в Челябинске. Нам объяснили это необходимостью, по причине войны с Германией.

- Кем Вам пришлось работать в Челябинске в те годы?

- Образование было небольшое, профессии не имела, и мне пришлось учиться работать на токарных станках. Сначала на одном, а потом даже на двух. Работа, конечно, была тяжелой, работали по 12 часов, питались плохо.

- Вам было очень тяжело, работая по 12 часов в условиях постоянного недоедания и тяжелом быте. Что определяло Вашу жизнь?

- Мы все считали, что это необходимо, нужно, важно. Всем было тяжело в то время, работали столько, сколько нужно... Помню, как однажды проснулась утром, а обуви нет, своровали. Пришлось одеть босоножки, а это была зимой в 40 градусов и обмотать ноги тряпками, так как на работу надо было идти.

- Помните ли Вы окончание войны и День Победы, как это восприняли?

- Очень хорошо, со всеми радовались, плакали и смеялись и надеялись на лучшие времена... Наконец-то досыта наелись хлеба.

- Вам предоставили новые условия для жизни после войны, как изменилась Ваша жизнь?

- Я вышла замуж, и нам разрешили построить землянку: все жилье в земле и только крыша с небольшим окном выходила на свет, но не разрешили поехать ни к родным в Омск, ни в Поволжье. По прежнему состояли на учете вплоть до 1956 г. И только в 1956 г. наконец-то реабилитировали.

- Я, понимаю, что Вам уже много лет, Вы по-прежнему занимаетесь садоводством, бодры, жизнелюбивы. Что помогает Вам сохранить душевный покой, испытавшей тяжести суровых лет, разлуку с родными?

- Конечно, мы все помним, забыть об этом невозможно, но мы понимаем, что мы не одни, многим, не только немцам досталось. Мы выжили, вырастили детей и помогаем растить внуков...

Мы долго говорили, вспоминали, и меня поразил, вернее удивил тот жизненный пафос, который помог пройти через все испытания, не оставив обиды в сердце, а может это было глубоко в тайниках ее доброго сердца.

Из неопубликованного

Кехлер Егор Кондратович

С Кехлером Егором Кондратовичем нас познакомили, и мы договорились встретиться как-нибудь, предварительно созвонившись. Через неделю после нашего разговора Кехлер позвонил и предложил встретиться в парке. Мы встретились, и наш разговор зашел о работе его на строительстве завода в годы войны, о его личном вкладе. Темой нашей беседы было участие трудармейцев, в частности Егора Кондратовича, в строительстве металлургического завода. Напомнив, что в целом имею представление о строительстве завода, какими сложными, трудными были те годы Великой Отечественной войны, положение самих строителей, и особенно трудармейцев, задаю вопрос:

- Годы, проведенные на строительстве завода, незабываемы, но что было особенного, что оставило неизгладимый след, может, даже повлияло на Вашу дальнейшую судьбу?

- Чувство бессилия, что ты должен был уехать из родных мест, оставив дом, могилы предков и даже то, что не взяли на фронт, так как я считал Родиной все-таки Россию.

- Как Вам объяснили причины, по которым Вы должны были переехать на другое, новое место жительства?

- Объяснили это тем, что есть такой указ, на основании которого всех немцев должны переселить с Поволжья в Сибирь, Казахстан, Урал... Мы прибыли в Челябинск в феврале 1942 г. на строительную площадку будущего металлургического завода. Жилья не было, и мы сначала жили в землянках, которые сами же вырыли. Лишь позже были построены бараки и нас поселили там.

- Знаю, что Вы по профессии водитель, эту специальность Вы получили ранее дома или уже приобрели здесь на строительстве?

- Еще дома, в Поволжье, я имел некоторые навыки вождения трактора, а здесь сначала работал на земляных работах, рабочим. Но когда стала прибывать техника, и понадобились специальные рабочие, водители, я согласился работать водителем. В течение нескольких дней меня обучили водить грузовую машину. Конечно, эта работа была намного легче, но работать приходилось по 12 и более часов, настолько уставал, что когда добирался до барака, падал замертво.

- Что Вас наиболее удручало здесь – работа или тяжелые бытовые условия?

- К нам относились как к заключенным (вернее, мы ничем от них не отличались), которых здесь было предостаточно: та же колючая проволока, те же охранники, собаки, та же скудная

пища. Не разрешали выходить свободно, всегда ходили строем под конвоем, на работу и с работы. Единственное, что нас немного "согревало", – это то, что была война, необходим был завод, металл для фронта, и мы знали, что чем быстрее завод будет построен, тем скорее приблизится день окончания войны, и мы получим долгожданную свободу. Необходимость держать нас здесь отпадет.

- И вот окончилась война, наступил долгожданный День Победы, что же с Вами было дальше?

- Окончание войны и День Победы мы встретили вместе со всеми, нам разрешили иметь свое жилье, т.е. построить себе свой дом, жить отдельно, иметь семью, хозяйство... Но нам пришлось до 1956 г. по-прежнему состоять на учете и не разрешалось покидать пределы Челябинска. Я продолжал работать водителем до самой пенсии, работа была по душе, да и к тому же стало намного легче жить, почти хорошо. Угнетала лишь невозможность выехать в родные места, а позднее уже и не получилось.

- Вы прожили долгую трудную жизнь, в некотором случае даже счастливую, оставшись в живых. У Вас есть дети, внуки. Сохранился ли у Вас в памяти осадок от тех тяжелых лет?

- Пожалуй, нет. Может, что-то и есть в душе, но это так глубоко, и нет ни смысла, ни причин помнить это. Конечно, мы помним, что строили завод, что и наши руки принимали участие в строительстве. Нас реабилитировали и даже приносят благодарности в день рождения комбината. Мы живы, здоровы наши дети и внуки, что еще нужно в этой жизни...

Конечно, не все можно написать, о чем мы так долго говорили. Есть что-то такое, что должно и нужно сохранить только в нашей памяти, только между нами.

Из неопубликованного

Беккер Эдуард Федорович

Все дальше уходят от нас годы, связанные со строительством завода. Все меньше живых свидетелей тех незабываемых лет, чьими руками велось строительство ЧМЗ, чей вклад внес определенную долю в Победу в войне, ибо металл, выплавленный на заводе, шел на строительство танков, орудий, которые наносили удар по врагу. И среди них были так называемые трудармейцы с Поволжья, Астраханской области...

Об одном из них, и пойдет наш разговор. Ему (на момент интервью) уже немного за 80 лет, но он по-прежнему бодр и только иногда на его лицо набегают ощущение боли за утрату родных, близких, друзей...

- Эдуард Федорович, мы знаем, что Вы жили до войны в Астрахани, учились, мечтали, чем будете заниматься по окончанию школы.

- Учился, думал, что после окончания школы буду служить в армии, а затем мечтал поступить в институт в Саратов. Но началась война, и нас призвали в армию. Нас было пятеро друзей, и всех нас объединяла большая товарищеская дружба. Но уже на призывном пункте меня одного отправили обратно домой. Я не плакал, когда меня провожали в армию, но заплакал, когда меня вышвырнули из колонны призывников, – это было так обидно.

- Как же сложилась Ваша дальнейшая жизнь, когда Вам отказали в службе в армии?

- А дальше был отправлен в Восточный Казахстан, работал на заготовках глины, камня. А затем была долгая поездка до ст. Шагол, где строился будущий Челябинский металлургический комбинат, и где встретила нас территория, огражденная колючей проволокой и охранники с собаками, и брезентовые палатки. И началась долгая, тяжелая работа без права на личную жизнь.

- Зная, что Вы закончили свой трудовой путь в 2000 г. на ответственной должности, можно сказать, к Вам все-таки судьба немного благоволила?

- Да, не жалуюсь, вскоре меня перевели работать слесарем в гараж, затем назначили механиком. Под началом было 23 человека, мы занимались ремонтом машин. К своим рабочим я относился справедливо, но строго, и ко мне относились уважительно. Был курьезный случай со

мной. Кто-то однажды "увел" мой пиджачок, но рабочие бригады тут же подошли ко мне, пообещали разобраться и тут же вернули...

- Чем знаменателен День Победы для Вас?

- Уже в конце 1943 г. наше положение улучшилось, 12-часовой рабочий день был отменен, улучшились бытовые условия жизни и мы ждали окончания войны с надеждой о дальнейшей свободе. Все станет на свои места, я вернусь домой, в Астрахань, к маме... И вот долгожданная Победа, но я по-прежнему оставался жить в Челябинске, долгое время без права выезда в Астрахань.

- Вами прожита долгая, по-своему счастливая жизнь. Вспоминая прошлое, какие мысли приходят к Вам? О чем Вы хотели бы забыть и считаете ли Вы, что все могло быть как-то по-другому?

- Было все: хорошее, плохое, но больше хорошего. Судьба не так жестоко обошлась со мной. Работал. Рядом были хорошие друзья, товарищи по работе, которые помогали в трудную минуту. Конечно, иногда посещает обидная мысль. Я – немец, хотя мама была караимка, я даже не знал немецкого, а в школе дополнительно изучал французский язык. Считаю себя русским и остаюсь с Россией...

Наша беседа – диалог длилась почти 3 часа. Эдуард Федорович делился воспоминаниями из личной жизни. Очень тепло и душевно отзывался о своих одноклассниках, о товарищах по работе, но самые теплые слова, полные сыновней любви, относились к его маме, с которой их развела неласковая судьба в лице органов НКВД.

Из неопубликованного

Приложение

**№ 21. ПРИКАЗ ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ЧЕЛЯБМЕТАЛЛУРГСТРОЯ НКВД СССР
О ПОощРЕНИИ АКТИВНЫХ РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ ИЗ
ЧИСЛА ТРУДМОБИЛИЗОВАННЫХ**

10 января 1945 г.

За 1944 г. рационализаторы и изобретатели ЧМС своими предложениями много способствовали своевременному окончанию пусковых объектов и сэкономили строительству 4 800 000 руб. денежных средств и значительное количество дефицитных материалов.

На контингент трудмобилизованных ложится наибольший процент внесенных предложений. Наиболее активными рационализаторами являются:

главный механик РМЗ Дегеринг Э.Р. Им предложены и изготовлены вальцы для гнутья железа толщиной до 8 мм, изготовлен колун для газогенераторной чурки и др. более 10 предложений.

Конструктор РМЗ Центнер А. А. Его конструкции (рациональный) ковш дроглайна экскаватора керинг. Кабель-кран грузоподъемностью 1 т. Упрощенная обработка стрелочных переводов и др.

Ст. инженер ПТО СУ № 6 Зевиг имеет несколько предложений по улучшению проектов жилдомов.

Начальник электроннадзора Ваксман Г.К. внес и внедрил несколько эффективных предложений.

Ст. инженер ПТО управления ЧМС Ретлинг В.Н. имеет несколько ценных; предложений по изменению строительных проектов.

Ст. инженер Познер А.И. внес несколько рацпредложений в области изменения строительных проектов и по улучшению технологии производства подсобных предприятий.

Ст. инженер БРИЗа Книсс А. Г. внес и осуществил несколько предложений.

Мастер депо ОЖДП Остер-Миллер внес и внедрил несколько предложений по улучшению технологии обработки металлов и модернизации станков.

Очень актуальными предложениями явились: нарезка резьбы гаек на сверлильном станке и штамп для выдавливания шайб для болтов хордовых насадок, скрубберов (авторы нач. механических мастерских СУ № 4 Вартиайнен и бригадир Шмальц), которое повысило производительность на нарезке резьбы гаек в 2,5 раза и на выдавливании шайб в 19 раз и др.

За проявленную инициативу по внесению и внедрению предложений, а также за успешное содействие развитию рационализации приказываю начальникам стройотрядов поощрить рационализаторов выдачей:

СУ№ 7- старший инженер Мейснер А.В. - полушубок

СУ№ 3 - главный механик Катрини - летний костюм

СУ№ 4- нач. мехмастерских Вартиайнен - летний костюм

СУ № 6 - ст. инженер Зениг - летний костюм

ответств. по рационализации Асприц - костюм летний

механик Триппель - кирзовые сапоги

РМЗ - главный механик Дегеринг Э.Р. - валенки

мастер Бруис Г.Л. - ватный костюм

мастер Брунгардт В.И. - летний костюм

конструктор Центнер А.А. - летний костюм

АТК - токарь Вильбергер Г.Г. - ватный костюм

мастер электроцеха Нейверт Н.К. - полушубок

вулканизатор Лузиниолли В.В. - ватный костюм

ОЖДП- мастер Остер-Миллер - кирзовые сапоги

Кислородный завод - техник Лампрехт Г.Р. - летний костюм

КЭС - нач. электроннадзора Ваксман Г.К. - летний костюм

Управление ЧМС - ст. инженер Книсс А. Г. - летний костюм

ст. инженер Ретлинг В.К. - ботинки и летний костюм

ст. инженер Познер А.И. - летний костюм

инженер ПТО Вольф Л. - летний костюм

ст. инженер НИИ Гнаденберг К. - кирзовые сапоги

Уверен, что рационализаторы и изобретатели приложат еще большие усилия к досрочному вводу в эксплуатацию пусковых цехов 1945 г. Приказ проработать в стройотрядах.

Зам. начальника ЧМС НКВД СССР полковник госбезопасности Уралец
ОГАЧО, ф.Р-1619, оп.1, д.33, л.46-47. Подлинник.

**№ 22. ИЗ ДОКЛАДА НАЧАЛЬНИКА ЧЕЛЯБМЕТАЛЛУРГСТРОЯ
Я.Д.РАПОПОРТА «ИТОГИ РАБОТ СТРОИТЕЛЬСТВА В 1-М КВАРТАЛЕ 1945 Г И
ЗАДАЧИ НА 1945 Г.» - О КОНТИНГЕНТЕ ЛАГЕРЯ И ЕГО ТРУДОВОМ
ИСПОЛЬЗОВАНИИ***

5 мая 1945 г.

...Теперь я хочу остановиться на вопросе о лагере. Мы работаем специальным контингентом, если бы этих контингентов у нас не было, нам, чекистам, не поручили бы этой стройки, и мы не должны забывать о них, должны создавать им необходимые культурно-бытовые условия.

Наш контингент состоит из трудмобилизованных, заключенных, осужденных на разные сроки, военнопленных, и недавно получили совершенно новый контингент - интернированных из Восточной Пруссии.

Надо сказать, что за истекший год по контингенту заключенных мы имеем неплохие результаты работы. У нас повысилась группа «А», т. е. группа, выходящая на работу, группа «Б» резко снизилась, группа «В» - амбулаторная группа.

По контингенту трудмобилизованных также неплохие, я бы сказал, показатели, - в результате проведенных мероприятий значительно повысилось их физическое состояние. По военнопленным, которые входят в состав лагеря № 68, являющимся как бы поставщиком рабочей силы для Челябинского металлургического завода, мы только сейчас начинаем получать некоторую отдачу от всех мероприятий, которые были проведены в истекшую зиму.

Среди этого контингента мы имеем довольно высокий процент смертности, заболеваемости, невысокий процент выхода на работу и еще низкие показатели по выработке.

Если мы в отношении этих контингентов - вольнонаемных, трудмобилизованных и заключенных имеем определенное улучшение в использовании их на нашей площадке, то в отношении военнопленных нужно прямо сказать, что у руководства 68-го лагеря до последнего времени нет вкуса к производству.

Я считаю, что партийная конференция примет соответствующее решение по этому вопросу, чтобы товарищи из лагеря № 68 поняли: проводя изоляцию военнопленных от советского общества, они должны за собой чувствовать и ответственность по выводу их на работу.

Теперь в отношении интернированных. Это контингент совершенно новый для нас, прибывший из Восточной Пруссии (присутствующие на партийной конференции должны об этом знать). Это члены фашистской организации, это члены гестапо, мы их получили не одну тысячу человек. Нужно понять, что они направлены к нам строить, а не для того, чтобы заниматься их воспитательной работой.

Несколько дней тому назад по линии нашего наркомата получена директива, в которой указывается, что для лучшей организации трудиспользования военнопленных и интернированных предлагается составить и соответствующие команды из их же состава: командиров рот, батальонов из более надежных; отказывающихся от работы разрешается сажать в карцер.

Задача руководства лагеря № 68 понять, что этот контингент нужно заставить работать и выполнять наш план на производстве.

Задача лагеря заключается в том, чтобы не забывать и об улучшении культурно-бытовых условий этого контингента, добиваясь тем самым большего использования людей на основных строительно-монтажных работах, сокращая группы «В» и переводя из группы «ОК».

Отдельно перед нашим коллективом стоит задача использования труда инвалидов, которых мы имеем довольно достаточное количество. Нужно создавать из них специальные инвалидные артели, чтобы и они в нашем Советском Союзе работали на общее дело.

В предстоящие месяцы нам нужно обеспечить выполнение плана 1945 г., обеспечить ввод в эксплуатацию огромного количества объектов по Челябинскому металлургическому заводу, Рудбакалу, Тургояку; предстоит выполнить объем работы в 110 млн. руб. ...

ОГАЧО, ф. П-878, оп. 1, д. Х2, л. 15-18. Подлинник.

* На документе пометка «Рассекречено»

Неизвестная война 1941-1945: Сб. док. / Гл. ред. А. П. Финадеев. – Челябинск, 2000. – 151 с.

Времена ГУЛАГов остались в прошлом, но и теперь люди находят человеческие черепки и кости, а расхожее утверждение о том, что «современные постройки города стоят на костях», переходит от поколения к поколению. Совсем немного осталось в живых тех, кто был жертвой ГУЛАГа, но их воспоминания – бесценные свидетельства страшной действительности...

Эмиграция... Не народ, жестокое равнодушие и патологическая глухота правительства виноваты в массовом выезде за рубеж российских немцев. Варварское отношение, по сути, геноцид, положение изгоев в собственной стране превратили их в «бомжей», в перемещенные лица. Эмиграция немцев – это бегство из «зоны» длиною в 60 лет, это горький протест отчаявшихся. Отверженные между жизнью и смертью, изгой в своем доме. Какой мерой можно измерить унижение и позор, пережитые нашими немцами, на которых, как на диких животных, в первое время сбегались смотреть люди в уральских селениях...

В первые месяцы трудармейцы фактически предумышленно были вырублены, вся немецкая интеллигенция...

Какое сходство с Некрасовым, его поэмой «Железная дорога».

«Мы надрывались под зноем и холодом,
с вечно согнутой спиной.

Жили в землянках, боролись с голодом,
мерзли и мокли, болели цингой».

Это одна из страниц нашей истории – истории Челябинска, истории России.

Список литературы

1. Алексеев С. Страницы истории комбината // Челяб. металлург. – 1998. – 26 марта.
2. Аскарлов Р. Будем помнить // Челяб. металлург. – 2000. – 30 нояб.
3. Аскарлов Р. День скорби – день поминовения // Челяб. металлург. – 1997. – 11 сент.
4. Аскарлов Р. Отлученный от неба // Челяб. металлург. – 2001. – 27 авг.
5. Белозерцев А. Где рождается сталь // Врата Рифея: Сб. Эссе, док. / Под ред. В.П. Перкина. - М., 1996. – С. 286-290.
6. Блиновских С. Похоронные кладбища // Будни. – 1999. – № 23.
7. Богданова И. Обреченные, но незабытые // Южноурал. панорама. – 2002. – 12 окт.
8. Борисов В. ...На благо великой чужой Родины // Веч. Челябинск. – 1994. – 17 авг.
9. Борисов В. Уральские итальянцы // Урал. следопыт. – 1992. – № 3. – С.19-20.
10. Бугай Н.Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: веки и истории: Материалы науч. конф. – М., 1994. – С.84-97.
11. Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны». – М.: Готика, 2000. – 352 с.
12. Бурмистров Т. Вспоминает к памяти // Челяб. металлург. – 1990. – 3 нояб.
13. Быстров В. Генерал армии А. Комаровский // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сб.2. – М., 1979. – С. 229-249.
14. Вашкау Н. Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. – 2002. – № 10. – С. 99-104.
15. Вашкау Н.Э. Депортация российских немцев в 1941 г. // Проблемы отечественной истории. - Волгоград, 1994. – С. 128-135.
16. Вейнгарт А. Митинг памяти трудармейцев: Ежегодно 26 авг. в римско-католической церкви Челябинска проходит митинг памяти трудармейцев // Новости (Челябинск). – 2001. – 25 авг.
17. Виравов И. «Немецкий вопрос» // Комсом. правда. – 1989. –15 июля.
18. Витальев М. С надеждой на лучшее // Челяб. металлург. – 1999. – 20 дек.
19. Волкова О. Бойцам трудовой армии посвящается // Веч. Челябинск. – 2002. – 22 нояб.
20. Вольтер Г.А. Зона полного покоя. – М., 1991. – 213 с.
21. Вормсбехер Г. В поисках утраченной души // Комсом. правда. – 1989. – 17 авг.
22. Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. – 1988. – № 11. – С. 197.
23. Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М.: Готика, 2000. – 320 с.
24. Гершман М. Приключения американца в России // Звезда. – 1996. – № 8. – С. 193-217.
25. Гончаров Г.А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: рос. историография // [Электрон. ресурс: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB7/goncharov.htm>].
26. Дистергефт М. В те годы: Альбом граф. работ. – М.: Готика, 2000. – 46 с., ил.
27. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 2000. – 495 с.
28. Зайтвебер М. Место высылки – Южный Урал // Челяб. рабочий. – 1990. – 14-15 апр.
29. Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социс. – 1990. – № 11. – С. 8
30. Казанцев А. Трудармия // Веч. Челябинск. – 1989. – 15 апр.
31. Китаев Е.А. На строительных высотах: История ЧМС. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 240 с.
32. Китаев Е. «Бакалстрой» – стройка НКВД // Челяб. рабочий. – 1995. – 17 марта.
33. Китаев Е. На стройке НКВД // Челяб. металлург. – 1995. – 17 марта.
34. Китаев Е. Судьбы // Веч. Челябинск. – 1990. – 8-11, 14, 16-18 авг.

35. Кичихин А. Советские немцы: Хроника репрессий // Новая жизнь. – 1990. – № 50.
36. Кнышевский П.Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопр. истории. – 1994. – № 2. – С. 53-65.
37. Комаровский А.Н. Челябинский металлургический завод // Комаровский А.Н. Записки строителя. – М., 1972. – С. 122-146.
38. Котовский Г. Перестройка: исторический судьбы // Челяб. металлург. – 1991. – 18 июня.
39. Кригер В. Патриот или предатель // Родина. – 2002. – № 10. – С. 93-98.
40. Курочкин А.Н. «Трудармия»: историография и источники // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 4-9 сент. 1996 г. – М., 1997. – С. 126-130.
41. Любавин В. Наедине с обидой // Челяб. металлург. – 1999. – 15 марта.
42. Маламуд Г.Я. Бакаллаг: О стр-ве Челябинметаллургстроя // Челябинск неизвестный: Краевед. сб. – Челябинск, 1998. – Вып.2. – С.239-251. – Библиогр.: С. 249-251.
43. Маламуд Г.Я. Трудмобилизованные немцы // Челябинск: Энцикл. / Сост. В.С.Боже, В.А.Черноземцев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск, 2001. – С. 884-885.
44. Маламуд Г.Я. Использование труда депортированных народов на строительстве Челябинского металлургического завода (1942-1948) // Иван Иванович Неплюев и южноуральский край: Материалы науч. конф. – Челябинск, 1993. – С. 34-47.
45. Малашкевич К. Русский чех // Веч. Челябинск. – 2000. – 9 окт.
46. Матовский И. Операционная за колючей проволокой: Забытые имена // Веч. Челябинск. – 1997. – 13 окт.
47. Моисеенко М. «Брук был вездесущ» // Челяб. металлург. – 2001. – 29 нояб.
48. Нахтигаль А. На костях трудармейцев // Урал. – 1991. – № 8. – С. 153-156.
49. Нахтигаль А. Трудная судьба // Челяб. рабочий. – 1990. – 8, 17 авг.
50. Неизвестная война 1941-1945: Сб. док. / Гл. ред. А.П. Финадеев. – Челябинск, 2000. – 151 с.
51. Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие (1941 – 1955 гг.): Материалы 7-й междунар. науч. конф. / Москва, 19-22 октября 2000 г. – М.: Готика, 2001. – 432 с.
52. Под опекой НКВД. Трудармия и ее солдаты // Челябинск. История моего города. – Челябинск, 1999. – С. 203-206.
53. Попов Л. Рассказ первостроителя: Трудармейцы // Челяб. металлург. – 2001. – 9, 16 апр.
54. Попов Л. Слово об Эдуарде Маркидонове – строителе и металлурге // Челяб. металлург. – 2001. – 9 июля.
55. Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 гг. // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 20-25 сентября 1995 г. – М., 1996. – С. 69-97.
56. Скрипов А.С. Битва за металл // Скрипов А.С. Челябинск. XX век. – Челябинск, 2000. – С. 137-140.
57. Советские немцы – 1941-45 гг.: Гриф «Секретно» снят...: Документы // Челяб. рабочий. – 1994. – 6 июля.
58. Советские немцы в 40-е г. // Иосиф Сталин – Лаврентию Бери: «Их надо депортировать...»: Док., факты, коммент. – М., 1992. – С. 36-83.
59. Тейх Э. Будешь профессиональным разведчиком // Челяб. металлург. – 1992. – 16 июня.
60. Тейх Э. Вспомнить о трудармейцах, строивших комбинат // Челяб. металлург. – 1991. – 18 июня.
61. Тейх Э. Начиналось с проекта // Челяб. металлург. – 1991. – 21 мая.
62. Трофимов Е. Бакальская одиссея Ханса Клеринга // Комсомолец. – 1989. – 4 нояб.
63. Трудовая армия на Урале // История Урала: XX век. Учебник / Под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. - Екатеринбург, 1998. – С. 181-183.
64. Турбал В. День памяти: Репортаж // Челяб. металлург. – 1992. – 18 мая.
65. Турбал В. Частичка судьбы Родины // Челяб. металлург. - 1994. – 13 янв.
66. Турова Е. Приказано расстрелять // Врата Рифея: Сб. Эссе, док. – М., 1996. – С. 290-294.
67. Фаст И.Р. Воспоминания трудармейца // Ветеран. вестн. (Челябинск). – 2000. – 7 авг.
68. Фатыхова // Челяб. рабочий. – 2002. – 12 октяб.
69. Федоров П. Первостроитель // Челяб. металлург. – 1999. – 23 мая.

70. Фотолетопись важнейших событий Челябинского металлургического комбината // Челяб. металлург. – 1998. – 13 апр.
71. Чернова Т. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М., 1999. – С. 261-278.
72. Шмаль Я. Испив чашу до дна. – М., 1995. – 224 с.
73. Шнейдер Ф. Об одном незаметном юбилее // Челяб. металлург. – 1997. – 10 февр.
74. Шнейдер Ф. Они начинали стройку // Челяб. рабочий. – 1997. – 24 янв.
75. Шульмейстер Э. Перед войной и после // Веч. Челябинск. – 1989. – 14 дек.
76. Щекутьева А. Депортация // Челяб. металлург. – 1999. – 13 сент.
77. Щекутьева А. Историю забыть нельзя ... // Милосердие и здоровье (Челябинск). – 2001. – № 16.
78. Щекутьева А. Память о них жива // Челяб. металлург. – 2000. – 28 авг.
79. Щекутьева А. Память суровых лет // Голос строителя (Челябинск). – 2000. – 11 сент.
80. Щелгачев И. Депортация // Челяб. металлург. – 1999. – 3 сент.
81. Щелгачев И. Правда о трудармии // Челяб. металлург. – 2000. – 1 марта.
82. Щелгачев И. Призвание – строить // Челяб. металлург. – 1999. – 18 нояб.
83. Щелгачева Г. Летопись героических лет // Челяб. металлург. – 2000. – 17 апр.
84. Эрк К. Мы строили завод // Челяб. рабочий. – 1986. – 25 октяб.
85. Ягудин Р.Г. Начало // Востокметаллургмонтаж-1. Опыт. Надежность. Профессионализм. – Челябинск, 2001. – С. 72-75.
86. Яковлева М. Счастливая судьба // Челяб. металлург. – 1997. – 13 марта.
87. Янгирова Н. Жертвы «Большого террора» // Голос (Челябинск). – 1992. – 10-17 янв.
88. Ярош Л. И настал этот день // Челяб. металлург. – 1991. – 18 апр.
89. Ярош Л. На строительстве ЧМК // Челяб. металлург. – 1995. – 15 апр.
90. Ярош Л. Приходите в музей // Челяб. металлург. – 1995. – 15 апр.

Помнить о трудармейцах...: Библиогр. дайджест / Сост. Г.И. Невзорова; МКУК ЦБС;

Библиотека № 1. – Челябинск, 2005. – 35 с.

http://xn--80aaadihbh4b3amdmlly.xn--p1ai/books/articles/articles_119.html

18.08.2017

Светлана Бацан

Кох, Гауф, Шмидт. Как челябинские немцы приближали День Победы

Советские немцы строили Челябметаллургстрой, работали на сельхозработах в лагере №6 и жили дружно с русскими в пос. Солнечном – «АиФ» побывал там в музее.

Хранитель музея Любовь Снитко показывает кирку, которой работали когда-то пленные немцы. © / Анжела Усманова /АиФ

Увидеть истинное лицо промышленного Челябинска можно только с одной точки: с объездной трассы на Курган. Рельеф местности такой, что как на ладони видны все гнилые потроха: сначала трубы ЧЭМК, потом трубы ЧМЗ. Они изрыгают из себя дымы всех оттенков, выбросы собираются в одну сплошную мутную длинную тучу, которая никогда не рассеивается. И под покровом этой рукотворной облачности радуется жизни поселок Солнечный.

Секретные эшелоны

Свое имя Солнечный получил только в 1963 году. А до того был Лагерем №6, потом – подсобным хозяйством «Челябметаллургстроя». Местные краеведы до сих пор так и не выяснили, чья светлая голова придумала такое нетипичное для советских времен название. Вообще, с многих страниц истории поселка Солнечный до сих пор не снят гриф секретности.

«Строительство поселка началось в 1931 году, это было отделение совхоза Баландинского, – рассказывает хранитель местного краеведческого музея Любовь Снитко. – А в 1942 году сюда стали прибывать эшелоны с российскими немцами. Большая их часть строила Челябинский металлургический завод, а больных и обессиленных отправляли к нам – на сельскохозяйственные работы. Сколько всего советских немцев было сослано на Южный Урал, неизвестно: в архивах не выдают документы, на них до сих пор стоит гриф «Секретно».

Немцы на строительстве ЧМЗ трудились по 11-12 часов в день в любую погоду. За колючей проволокой. Как немцы строили Челябинский металлургический завод

Старожилы рассказывают, что почему-то больше всего эшелонов приходило зимой. Из вагонов выходили продрогшие люди, выносили на руках кашляющих ребятишек, тут же в рядок складывали покойников – тех, кто не доехал. Немцев селили в бараки, на работу выводили под охраной. Поначалу обращались как с обычными зэками, хотя единственным преступлением этих людей была их национальность.

«Нашу семью привезли из Моздока, – вспоминает Ирма Шмидт. – У родителей нас было пятеро: четыре сестры и братик. Когда началась война, моя старшая сестра мечтала стать летчицей, но ей, конечно же, не разрешили. У нас в Солнечном был всего один немец-фронтовик – Иван Давидович Шик. Но и его в 1942 году взяли прямо с передовой и отправили в ссылку».

Ирме Яковлевне – 93 года. Вокруг ее дома царит настоящий немецкий порядок: цветочные клумбы, идеальный огород без единого сорняка, дорожки как по линейке прочерчены. Сама женщина – подтянутая, с короткой седой стрижкой – сама обрабатывает все грядки. Назвать ее бабушкой язык не поворачивается. Так и тянет сказать: фрау Ирма. Двое детей Ирмы Яковлевны переехали в Германию еще в 90-х годах. А про себя она говорит: «Куда мне ехать? Никогда Россию нельзя предавать».

Грушевый компот по-немецки

Немцы были особенными. Трудились на совесть, никогда не болтали, не устраивали перекуров. Даже в лагерных бараках у них царил идеальный порядок. Ребятишки приходили в школу в накрахмаленных рубашках и фартучках. Для местного населения многое было в диковинку. «Мы всегда брали с них пример, особенно в чистоте, – рассказывает старожил поселка Людмила Лыкова. – После войны немцам разрешили селиться не в бараках, а в домах. Еще с улицы можно было определить, что здесь живут немцы: всегда цветущий палисадник, море цветов. Огороды у них были идеально чистые, дети послушные. Примерно треть населения Солнечного были немцы, а в школе их было больше половины». Со временем коренные жители переняли от эвакуированных много хорошего, особенно в кулинарии. В местной школе до двухтысячных годов пекли национальный немецкий пирог «куха». «Раскатываем дрожжевое тесто

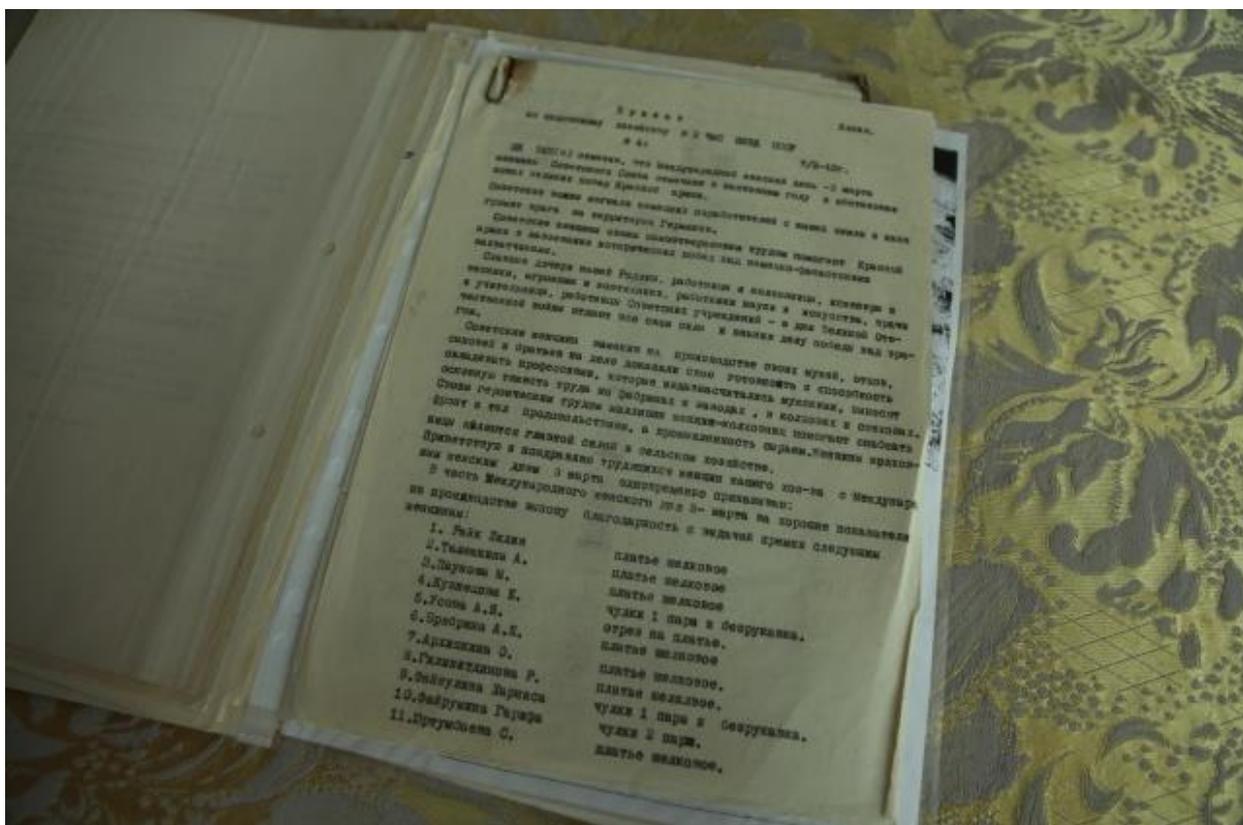
на противень, кладем повидло или ягоды, а сверху засыпаем все стружкой – штруделем, – диктует рецепт Елена Гапонова. – Если еще все это поставить в русскую печь, вкус необыкновенный».

Немецкие хозяйки научили наших варить компоты из груш, консервировать салаты. А колбаски с кровью и гречневой кашей – до сих любимое блюдо многих жителей поселка Солнечного. «Хорошо мы тогда жили, дружно. Уважали друг друга. И всегда у нас было светло» – с ностальгией вспоминают те времена люди.

В доме Тамары Фёдоровны Лагодиной и её дочери Ирины собран целый архив фотографий и воспоминаний о первых тракторостроителях. Заводской летописец. Челябинка написала воспоминания о том, как строили ЧТЗ

Лука – две головки. Помидора – два. Созревших

О том, как люди радовались малому, свидетельствуют уникальные документы: приказы по совхозу №2 ЧМС НКВД. Их сохранил первый начальник, фронтовик Ефим Романович Гусак, а затем передал в местный музей. Читаем, узнаем, что 16 сентября 1944 года на уборке картофеля бригада №7 собрала 11,8 тонн при норме 5,4. За хорошую работу овощеводов премировали из расчета на одного человека: «помидор созревших – 2 шт., турнепс – 0,5 кг, луку – 2 головки». Вот так полистаешь ветхие пожелтевшие страницы приказов, и вся тогдашняя жизнь лагеря номер шесть перед глазами. 7 марта 1943 года, в честь Международного женского дня и за хорошие показатели, были награждены лучшие женщины-колхозницы. В качестве премий выдавали: «платье шелковое, чулки 1 пара и безрукавка, отрез на платье». Особым знаком отличия и самой дорогой премией был головной платок. А в другом приказе читаем, как «комбайнер Эмрих на своем комбайне «Сталинец» убрал 4 сентября 1944 года 18 га овса, а комбайнер Кликман – 20 га». За это передовиков премировали «по 100 граммов табаку, 0,5 кг. помидор и 0,5 литра молока».

Приказ по подсобному лагерному хозяйству от 7 марта 1943 года: женщин-передовиков премировали шелковыми платьями. Фото: АиФ/ Анжела Усманова

Кох, Гауф, Брайненгер, Тейхреб, Шмидт и другие как могли, приближали День победы. А в 1944 году в лагере появились «настоящие» немцы – военнопленные. 50 человек жили в охраняемом бараке, паек пленного равнялся пайку сотрудника НКВД. «Говорят, их специально хорошо кормили, чтобы обменять на наших, – рассказывает хранитель музея Любовь Снитко. – Бабушка рассказывала, как их привезли на лошадях, в немецкой форме. Они были все высокие и белесые. Очень страдали оттого, что не было кофе. Бабушка тайком давала им ячмень, чтобы они сделали из него кофейный напиток. А они давали нашим ребятишкам продукты, показывали какие-то карточки, что-то на своем говорили. А в конце 1945 их всех вывезли».

Святой Николас

В начале девяностых немцы начали уезжать из Солнечного. В Германию подались и старики, и молодежь. Здесь они были своими среди чужих, а там оказались чужими среди своих. Многие до сих пор тоскуют по своей суровой, не всегда справедливой, не богатой, непредсказуемой малой родине. Каждый год приезжают сюда в отпуск – отдохнуть душой. А те, кто остались, стараются «держать строй»: Солнечный по-прежнему очень чистый и благоустроенный поселок. «Наш поселок – особенный, он с самого начала был не такой, как все, – говорит учитель Любовь Снитко. – И жители хранят его историю. В 1971 году наш земляк Александр Александрович Быков организовал маленький музей. А недавно другой наш земляк – Владимир Яковлевич Гроо – сделал в нем капитальный ремонт, а еще построил храм. Теперь мы все крестим в нем детей: и те, кто остались, и те, кто эмигрировал. Специально берут отпуск и едут сюда».

**Отец Димитрий Степкин бережно хранит письмо от монсеньора Антонио Меннини.
Фото: АиФ/ Анжела Усманова**

Когда выбирали имя для храма, подумали: святой должен быть почитаем и немецкой – лютеранской – верой и православной. А кто же это может быть, как не святой Николай? Мало кто

знает, но здесь, в скромном сельском храме хранится частица мощей святого Николая Чудотворца. Владимир Яковлевич Гроо лично побывал в Ватикане и привез свой бесценный груз. А еще реликвиарий с частями плоти святых Либерия, Параскевы, Марии Магдалины, Христины и Аполлинария. У настоятеля хранится письмо с личными гарантиями подлинности от Монсеньора Антонио Меннини, Титулярного Архиепископа Ферентского, Апостольского Нунция в Российской Федерации. Одно перечисление титулов для русского уха звучит, как сказка Братьев Гримм. Кстати, настоятель храма, отец Димитрий Степкин, по материнской линии тоже немец. Вот так и удостоверись в очередной раз, что случайности – не случайны.

Трудовая мобилизация немецкого населения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны

Моргунов К. А. (Оренбург)

Тема трудовой мобилизации немцев на Южном Урале стала подниматься относительно недавно. Только с конца 80-х годов, на фоне трансформационных процессов во всей исторической науке, с открытием доступа исследователей к ранее засекреченным архивным документам, ученые активно обратились к этой теме. Вопросы осуществления трудовой мобилизации немецкого населения на территории Южного Урала неоднократно затрагивали в ходе своих исследований Н. В. Бирбасова, Е. П. Турова и Н. П. Палецких, Г. Я. Маламуд, Г. А. Гончаров, А. В. Федорова, О. Я. Бахарева, Е. Ф. Тюлюлюкин, Ю. И. Шпинева и многие другие исследователи. Однако в силу обширности архивных материалов проблематика трудармии сохраняет определенный интерес и требует продолжения научного поиска. В настоящей статье мы постараемся, опираясь на предыдущие исследования, вновь обнаруженные архивные источники, а также на обширный статистический материал, содержащийся в сборниках документов, составителем которых является доктор исторических наук, профессор Н. Ф. Бугай, сделать некоторые обобщения и проследить процессы мобилизации и трудового использования немцев на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны.

«Из Челябинской области по постановлению от 7 октября 1942 г. мобилизованы были 450 немцев, из них 250 направлены на станцию Орск и еще 200 на станцию Сергиево-Уфалейская. Из Башкирской АССР были мобилизованы 475 немцев, которые все были направлены в Орск18.

Основная масса мобилизованных прибыла на территорию Южного Урала из других регионов страны. В соответствии с планом распределения рабочей силы по постановлению от 7 октября 1942 г. на предприятия, расположенные на территории Южного Урала были направлены: в распоряжение треста «Бугурусланнефть» из Красноярского края - 3000 немцев-мужчин в возрасте от 15-16 и от 51-55 лет, а также женщины в возрасте от 16 до 45 лет; в распоряжение треста «Ишимбайнефть» - 6000 человек, из них, как уже отмечалось, 1500 немцев из Чкаловской области и 4500 из Алтайского края; в распоряжение треста «Башнефтеразведка» были направлены 2000 немцев из Красноярского края; на Ишимбаевский машиностроительный завод им. Сталина были направлены 150 человек из Казахской ССР; на строительство Орского нефтезавода были направлены 1300 человек, из них, помимо 475 немцев из Башкирской АССР и 250 немцев из Челябинской области, на завод были направлены 225 человек из Свердловской, 150 из Куйбышевской, 100 из Молотовской, 100 из Тамбовской областей19. На Челябинский завод № 14 были направлены 400 немцев, переведенные туда из г. Гурьева Казахской ССР. Также из Казахстана 1500 немцев были переданы в распоряжение Бугурусланского газстроя и еще 1000 человек на Ишимбаевский газзавод. На лесозаготовки в Чкаловскую область были направлены 100

немцев из Тамбовской области и в Челябинскую область были направлены еще 150 человек²⁰. В феврале 1942 г. на стройплощадку будущего Челябинского металлургического комбината прибыло более 25 тысяч трудмобилизованных немцев. В распоряжение НКПС на строительство железной дороги Магнитогорск - Сара планировалось направить 5000 немцев из Казахстана и еще 2000 человек на строительство дороги Орск - Кандагач.

В Челябинской области мобилизованные немцы содержались в Челябинске, состоявшем из 16 стройотрядов и 5 отдельных колонн. На основной стройплощадке у поселка Першино (на окраине Челябинска) размещались стройотряды №№ 1, 13, 15, 16. Штрафной стройотряд № 13 располагался в Верхнем Уфалее. На станции Сатка находилась отдельная колонна № 4, а на станции Единовер - отдельная колонна № 1. У поселка Сулея (в районе Кыштыма) работала отдельная колонна № 5. Стройотряды № 4 и № 12 располагались соответственно в Потанино и Коркино. Остальные трудармейцы располагались в районах населенных пунктов Багаряк, Каштак, Тургояк, Баландино, Нижнеуфевский, Катав-Ивановск и Копейск. Стройотряд № 11 и колонна № 2 были командированы в г. Тавда Свердловской области.

В состав комбината «Челябуголь» входили тресты, включающие все шахты Челябинска, Копейска, Коркино, Еманжелинска, Бреда. Только в составе треста «Коркинуголь» в 1942 г. трудилось 3 160 немцев, а в 1943 г. их численность составляла уже 3 800 человек (3 300 мужчин и 500 женщин). На «Коркиншахстрое» в 1942 г. работало 900 немцев (в 1943 г. их численность увеличилась до 1080 мужчин и 580 женщин)²¹. В начале 1942 г. на предприятия треста «Челябуголь» были направлены 4000 немцев-мужчин из Новосибирской области. В декабре 1942 г. на станцию Еманжелинская в распоряжение «Челябшах-тстроя» прибыли 5500 немцев из Казахстана, Таджикистана и Туркмении²². По приказу народного комиссара угольной промышленности СССР от 6 января 1943 г. в составе объединения «Челябуголь», как и в составе других комбинатов, образовывались управления и отделы по управлению спецотрядами из мобилизованных немцев²³.

Рабочие колонны немцев размещались также на территории исправительно-трудового лагеря «Бакалстрой», на ст. Бакал. План распределения мобилизованных немцев, подготовленный НКВД в январе 1942 г. предусматривал отправку для строительства Бакальского металлургического завода 30 000 человек из Казахской ССР. Эта же цифра закреплялась и в Приказе наркома внутренних дел СССР Л. Берия от 12 января 1942 г. «Об организации отрядов мобилизованных немцев при лагерях НКВД СССР». В марте на Бакалстрой были направлены 11 722 немца, мобилизованных согласно постановлению ГКО от 10 января 1942 г. Еще 14 752 человека отправились на строительство Бакальского комбината в апреле 1942 г. в соответствии с постановлением ГКО от 14 февраля 1942 г. Всего же на «Бакалстрое» в 1942 г. трудилось 26 470 немцев, а к концу 1942 г. численность труд-мобилизованных в лагере Челябметалургстроя составляла уже 27 703 человека. На 1 января 1944 г. на строительстве работало 20 648 немцев, а к концу года их численность снова несколько увеличилась, составив 22 509 трудмобилизованных. На строительстве Челябметалургстроя НКВД немцы составляли 59,8 % от общей численности рабочих. Исследователь истории трудармии на Урале Г. Маламуд отмечает, в частности, что это был самый многочисленный контингент «мобилизованных немцев», от общего количества занятой рабочей силы на предприятиях²⁴.

По данным на 1 июля 1945 г. о количестве мобилизованных немцев - спецпереселенцев в Чкаловской области были мобилизованы и использовались на работах 6879 человек, в Челябинской - 12323 человека и в Башкирской АССР - 4484 человека²⁸.

В Челябинской области мобилизованные немцы, как уже отмечалось, трудились на шахтах Копейска, Коркино, Еманжелинска, а также на строительстве металлургического завода в г. Челябинске и агломерационного комбината в Бакале³³. Угольный бассейн Челябинской области во время войны занимал одно из ведущих мест по объему добычи каменного угля. В 1943 г. здесь было добыто больше угля, чем в предвоенном 1940 г.

Как и везде, мобилизованные жили в специальных зонах, огражденных забором и колючей проволокой. Вот как описывает место, в котором предстояло жить трудармейцам автор повести «Батырский разрез» М. Я. Нейфельд, мобилизованный в годы войны из Чкаловской области и трудившийся на Батурином угольном разрезе в г. Коркино Челябинской области: «Баракы - длинные полуподвальные помещения - землянки. Козырьки глинобитных крыш возвышались над землей настолько, чтобы с одной стороны бараков соорудить узенькие окна-щели, по одному для каждого жилого отсека, для обеспечения минимального освещения. В каждом жилом отсеке площадью 2,5 на 3 метра, на двухъярусных нарах размещались 10 человек. Перед нарами, рядом с дверью, в каждом отсеке была плита для отопления, для сушки одежды и приготовления из собственных продуктов пищи»³⁴.

На работу и с работы они ходили колоннами, под охраной. В бараках неимоверная теснота и скученность, двух-трехъярусные нары. В помещениях спецзоны треста Богословуголь, где размещались 4300 трудармейцев на человека приходилось 1,3 кв. м. Лишь единицы имели постельные принадлежности. Помещения не отапливались. Положение с питанием и медицинским обслуживанием было просто катастрофическим. Все это приводило к снижению работоспособности, нарушениям трудовой дисциплины.

Немки из с. Кубанка (Чкаловская обл.) в трудармии (Коркино, Челябинская обл.)

Далеко не везде к моменту прибытия трудмобилизованных должным образом были обустроены сами зоны содержания. В приказе начальника управления Бакалстроя НКВД СССР А. Н. Комаровского от 1 апреля 1942 г. отмечалось, что зоны лагерных подразделений не оборудованы «... что затрудняет охрану и способствует совершению побегов»³⁵. Всем начальникам стройуправлений в срочном порядке предписывалось закончить полное оборудование зон с устройством вышек и освещения в соответствии с требованиями устава караульно-конвойной службы ВОХР ГУЛАГа.

Но эти требования исполнялись с большим трудом. Осенью 1943 г. НКВД СССР было проведено обследование условий размещения, режима и трудового использования трудармейцев на предприятиях Челябинской области. В результате были обнаружены значительные нарушения. Почти повсеместно отсутствовали зоны, многие трудармейцы были расселены по частным квартирам³⁶. Мобилизованные немцы без ведома органов НКВД перебрасывались с одного предприятия на другое. Были выявлены случаи предоставления немцам отпусков и увольнительных. Кроме того, немцы использовались на административно-хозяйственной работе. Отсутствие нормальных бытовых условий и не выполнение инструкций по содержанию немцев приводило, по мнению руководства НКВД области, к «значительному дезертирству» и создавало условия «для активной антисоветской работы профашистских элементов из среды мобилизованных»³⁷.

Направленные весной 1942 г. в лагерь Бакалстрой мобилизованные немцы были размещены в землянках. Проверка санитарного состояния бараков выявила нарушения элементарных санитарных и бытовых норм: большую скученность трудармейцев, сырость помещений, завшивленность, отсутствие вентиляции, деревянных полов и кипяченой воды. Не хватало одежды и обуви, что часто приводило к обморожениям. При этом начальником Челябинского металлургического завода Комаровским было запрещено разжигать на производстве костры и проносить в зону лагеря дровяные отходы³⁸. Челябинское областное управление НКВД в ходе проверки режима содержания мобилизованных немцев на предприятиях Челябинского угольного бассейна, констатировало вопиющие нарушения элементарных бытовых условий содержания: нормы жилой площади в бараках не соблюдаются, в самих бараках теснота и грязь, территории зон залиты нечистотами, а уборные переполнены и никем не очищаются. Медицинское обслуживание трудармейцев было организовано крайне неудовлетворительно: стационары не обеспечены бельем, здоровые люди размещаются в одних помещениях с больными туберкулезом легких и трахомой. В зонах отсутствовали бани и дезинфекционные камеры³⁹. В докладной

записке управления НКВД приводился пример зоны, в которой содержались немцы, работающие на шахтах № 4-6 треста «Челябуголь», где в течение двух лет мобилизованные спали на полу и не меняли постельное белье. Вопиющая антисанитария в зонах содержания мобилизованных немцев приводила к возникновению эпидемий тифа⁴⁰.

Невыносимо тяжелые условия жизни и работы трудармейцев хорошо иллюстрируются воспоминаниями самих участников этих событий. В повести М. Я. Нейфельда описывается типичный распорядок дня немцев, работающих на угольном разрезе в Челябинской области. Подъем в 5 часов утра. Завтрак и получение пайки хлеба, которая выдается на весь день. После этого бригады выстраивались в колонны и в сопровождении конвоя направлялись на железнодорожную станцию, где их уже ждал рабочий поезд. К 8 часам утра поезд прибывал к угольному разрезу. После двенадцатичасового рабочего дня трудармейцы снова отправлялись на станцию. Рабочий поезд зачастую часами простаивал на разъездах, пропуская эшелоны идущие на фронт. Долгие часы ожидания заполнялись пением русских и немецких народных песен. В столовую в зоне попадали только к 12 часам ночи, но бывали случаи, когда поезд задерживался и, прибыв в зону к утру, трудармейцы, спешно позавтракав, снова отправлялись на разрез. Выполнявших тяжелую физическую работу мужчин в столовой ожидали «... жиденькие щи, с мелкими кусочками капусты, которые не перегружали желудок, ... после такого ужина аппетит только разгорался»⁴¹. Пайки и приварка для взрослого мужчины на долгий трудовой день явно не хватало. В повести упоминается о том, что многие трудармейцы бродили по зоне как тени, рылись в мусорных ямах при столовой в поисках съестного.

В бараках было холодно и рабочие пытались пронести захваченные из разреза кусочки угля, чтобы отопить помещение и высушить одежду. Но конвоиры при возвращении их тщательно проверяли и уголь отнимали. Рабочих, которые не выполнили свою дневную норму могли оставить работать на вторую смену. В противном случае пайки срезались и у людей практически не оставалось шансов выжить.

Порою единственной поддержкой были редкие посылки с продуктами из дома от жен и матерей. Сильнейшим ударом для трудармейцев стало сообщение о мобилизации осенью 1942 г. женщин-немок.

Официальное применение в «зонах» получила выработанная еще в 1930-е годы система дифференцированного питания в зависимости от процента выполнения производственных заданий - так называемая «котловка». В соответствии с дифференцированными нормами питания были разработаны четыре вида пайка. По норме №1, предусматривающей выделение 500 г. хлеба в день, получали довольствие трудмобилизованные, вырабатывающие на основных работах до 80 % производственных норм (на вспомогательных работах - до 99 %). Для получения питания по норме № 2 необходимо было выработать на основных работах от 80 до 90 % от установленной нормы (или от 99 до 125 % на вспомогательных работах). Эта норма предусматривала уже 600 г. хлеба на человека в день. По норме № 3, предусматривающей выдачу 700 г. хлеба, питались рабочие, выполняющие от 100 до 125 % от нормы (на вспомогательных работах - от 125 % и выше). Трудармейцы, вырабатывающие на основных работах более 125 %, получали 800 г. хлеба. Рабочие, освобожденные от работ по болезни, питались по норме № 4, составляющей 550 г. хлеба. Те же, кто по объективным причинам не смог выработать и 50 % нормы получал всего 400 г. хлеба (на вспомогательных работах - 300 г., т. е. столько же, сколько и отказывающиеся от работы и штрафники). Эти нормы питания не были стабильны и постоянно совершенствовались. В октябре 1945 г. были введены шесть градаций выдачи пайкового хлеба (от 450 до 950 г.)⁴².

Помимо «котловки» роль реального материального стимула для трудармейцев должна была выполнять заработная плата. Так, например, уже в феврале 1942 г. на «Бакалстрое» была введена единая тарифная сетка для вольнонаемных рабочих и «спецконтингента», предусматривающая начисление заработной платы в зависимости от квалификации рабочих, а также коэффициенты сдельной и повременной оплаты для строителей и металлистов. Однако уже

в марте 1942 г. эти нормативы были пересмотрены и для трудармейцев был введен коэффициент 0,77 % к расценкам труда вольнонаемных рабочих. При этом зарплата начислялась только при выполнении не менее 100 % нормы и только тем, кто не имел особых замечаний по работе и по дисциплине. Деньги выдавалась на руки, или перечислялись на счет, за вычетом сумм, удержанных за питание, коммунально-бытовые услуги, обязательных платежей, за износ обмундирования. Кроме того, %з зарплат регулярно отчислялись средства в фонд государственного займа.

В воспоминаниях Г. Витлифа, работавшего на строительстве Челябинского металлургического комбината НКВД есть такие строки: «Норма выработки мерзлого грунта на одного человека за рабочий день - 1,25 кубометра. В случае невыполнения нормы человек переводился на 400 граммов хлеба. Жиров на человека полагалось 5 граммов, и то их никто не получал. Не выполнивших норму ждала медленная голодная смерть. Если человека обвинят в том, что он, якобы, не хочет работать, - его случалось, без суда и следствия расстреливали. ... Люди умирали и физически уничтожались в большом количестве. Вначале, чтобы их захоронить, трудармейцы сами рыли вручную траншеи, но потом смертность от голода и пуль увеличилась настолько, что вынуждены были рыть траншеи экскаватором.»⁴³. Дополняют эти сведения воспоминания еще одного ветерана-трудармейца, участника строительства Челябинского металлургического комбината Ф. Шнайдера: «Трудармейцев запрещали хоронить на городских кладбищах. Их увозили в лес и там закапывали. Редко ночь проходила, чтобы кого-нибудь не арестовали. за саботаж и вредительство. Люди исчезали бесследно»⁴⁴.

В результате, именно тяжелое бытовое и санитарное положение трудармейцев служили основными причинами их частых побегов. Только за период с мая по октябрь 1942 г. на объектах Челябметалург-гстроя было совершено 17 побегов, в том числе и коллективных. Все они закончились задержанием «дезертиров». Дело в том, что в соответствии с директивой НКВД и Прокуратуры СССР от 2 мая 1942 г., «саботаж и дезертирство» приравнивались к политическим преступлениям и квалифицировались по п. п. 6 и 14 ст. 58 Уголовного Кодекса. Только на Челябметалургстрое в 1942 г. по этим статьям были приговорены к расстрелу 309 трудармейцев, и еще 230 человека - к различным срокам заключения⁴⁵. Приказом начальника управления Бакалстроя А. Н. Комаровского от 15 мая 1942 г. за совершение побега были преданы суду семеро мобилизованных немцев: П. Я. Гейндеб-рехт, Д. К. Пеннер, В. А. Циборнус, А. К. Фергерт, Ф. Ф. Адам, Г. А. Николаус и А. И. Деханд⁴⁶.

Вопросы материально-бытовых условий существования мобилизованных немцев обсуждались на заседаниях бюро Губахинского, Коркинского и Копейского партийных комитетов. Так, по решению Коркинского горкома в спецзоне Коркиншахтстроя в 1943 г. был проведен месячник по улучшению быта и благоустройству. В феврале 1943[^] г., после проверки социально-бытового положения мобилизованных[^] немцев, Копейский горком ВКП(б) высказал свое осуждение существующей практики их трудового использования. В частности, бюро горкома констатировало отсутствие медицинской помощи, имеющиеся случаи издевательств над немцами, отсутствие отопления в бараках, что приводило к случаям обморожения и смерти среди мобилизованных. Было установлено, что забойные группы используют кроме своей основной работы, еще и на дополнительных работах на поверхности. Все это, по мнению губкома, приводило к тому, что производительность труда мобилизованных немцев составляла всего 60-70 %⁴⁷. После случая избияния больных немцев, не могущих выйти на работу на шахте 1-23, Копейский горком потребовал от управляющих трестами Копейскуголь и Челябинскуголь принятия действенных мер по наведению порядка⁴⁸.

Работа в шахтах требовала определенных специальных навыков и знаний, чего у мобилизованных немцев не было. В результате 75% трудармейцев, работающих забойщиками и навалоотбойщиками в тресте Копейскуголь не выполняли положенные нормы выработки. В феврале 1943 г. Копейский и Коркинский горкомы партии, рассматривая причины невыполнения

плана за январь 1943 года, указывали на необходимость организации производственного обучения трудармейцев путем индивидуального и бригадного обучения.

В ноябре 1943 г. Челябинским управлением НКВД было проведено комплексное обследование жилищно-бытовых условий и трудового использования мобилизованных немцев на предприятиях области. В результате проверки было выявлено, что на большинстве предприятий немцы размещены в случайно приспособленных бараках, землянках или совместно с вольнонаемными рабочими, в общежитиях скученность и антисанитария, значительное число мобилизованных не обеспечены постельными принадлежностями, спят на двухъярусных сплошных нарах (трест № 22), одеждой и обувью не снабжаются. На заводах № 78, «Калибр», № 62 и некоторых других предприятиях бараки и землянки, в которых размещались мобилизованные немцы, забором или колючей проволокой так и не были ограждены, охрана и внутренний распорядок также не были организованы. По результатам обследования заместителем начальника УНКВД Челябинской области Буторовым был издан приказ, предписывающий начальникам горрайаппаратов НКВД обеспечить выполнение предприятиями инструкций по трудовому использованию и созданию бытовых условий для мобилизованных немцев. Кроме того, в приказе особо подчеркивалась недопустимость использования немцев без санкции УНКВД на административно-хозяйственной работе⁴⁹.

Традиционно большое внимание уделялось проведению пропагандистской работы среди мобилизованных немцев. Трудармейцам читались лекции о текущем моменте и на многие другие темы. Использовался также такой метод морального поощрения особо отличившихся стройотрядов, как присуждение переходящего Красного знамени. Именно такое поощрение заслужили стройотряды Челяб-металургстроя, производительность труда которых в октябрь-ноябре 1942 г. составила более 160 %⁵⁰. Особо следует отметить использование в целях повышения производительности различных форм соцсоревнования и фабрикации с помощью создания особых условий лидеров труда - стахановцев. Так в июне 1942 г. на Челябметалургстрое велась активная пропагандистская кампания, в центре которой находился стахановец С. Г. Вернер, выполнивший норму на 1020 %. Поддержали этот почин еще восемь трудармейцев, специально отобранных руководством предприятия, которые значительно перевыполнили установленные нормы (П. Д. Мазлер, Я. Ф. Ресслер, Н. В. Николаев, А. Г. Бош, И. И. Кошпер, И. И. Ланг, Я. Г. Юстце, Ф. Р. Шмидт)⁵¹.

Поощрялось и развитие среди трудмобилизованных рационализаторства и изобретательства. Только за 1944 г. на Челябметалургстрое рационализаторами было сэкономлено 4 млн. 800 тыс. рублей и значительное количество материалов. В приказе заместителя начальника Челябметалургстроя Уральца о поощрении активных рационализаторов из числа трудмобилизованных от 10 января 1945 г. среди награжденных значатся: главный механик РМЗ Э. Р. Дегеринг, конструктор РМЗ А. А. Центнер, старший инженер ПТО СУ № 6 Зевиг, начальник электронадзора Г. К. Ваксман, старший инженер управления ЧМС В. Н. Ретлинг, старший инженер А. И. Познер, старший инженер БРИЗа А. Г. Книсс, мастер депо ОЖДП Остер-Миллер и многие другие⁵².

Достаточно много среди мобилизованных немцев было коммунистов и комсомольцев, которые, несмотря на ограничения своего правового положения, не лишались своего членства в рядах коммунистических организаций. Более того, именно их руководство зон зачастую рассматривало как свою опору среди трудармейцев. Комунис-ты и комсомольцы использовались в подразделениях «самоохраны», и помогали ВОХР охранять себя и своих товарищей. В случае возникновения «провокационных слухов», они должны были своевременно сигнализировать руководству. Однако, совершенно очевидно, что подобные проявления доверия к партийцам носили исключительно корыстный и формальный характер. Вступление в ряды партии и комсомола новых членов - немцев, было фактически запрещено. Более того, постепенно шел

процесс сокращения численности немцев в рядах партии. К апрелю 1943 г. только на Челябинском металлургском заводе было исключено из рядов ВКП(б) 74 человека (из них 23 кандидата).

Лояльность мобилизованных в трудовую армию немцев изначально вызывала сомнения у лагерного руководства. Одной из основных своих задач оно видела установление жесткого контроля за настроениями своих подопечных. Активную работу по выявлению «внутреннего врага» развернули оперативно-чекистские отделы лагерей ГУЛАГа и спецкомендатур, которые опирались на достаточно разветвленную сеть осведомителей. Причем вербовка осведомителей началась на местах их бывшего спецпоселения, еще до проведения мобилизации. Как следует из докладной записки по обслуживанию мобилизованных немцев, составленной руководством НКВД Башкирской АССР на имя начальника 2-го управления НКВД СССР тов. Федотова, в числе прибывших в 1942 г. на предприятия системы Наркомнефти Башкирии немцев имелось 30 осведомителей, из которых была восстановлена связь и вновь завербовано органами НКВД 26 человек. Через своих осведомителей оперуполномоченные, работающие с мобилизованными следили за настроениями среди немцев. На основании агентурных материалов ряд лиц были заподозрены в неблагонадежности и взяты на оперативный учет⁵³. В Челябинской области к концу 1942 г. только в Копейске был создан агентурный аппарат, состоящий из 102 осведомителей и 6 резидентов, а на оперативный учет было взято 80 человек. В Коркино агентурный аппарат составлял 170 человек и 5 резидентов, а на учет было взято 46 мобилизованных немцев. В г. Челябинске среди агентов числились 24 осведомителя и 16 человек находились на оперативном учете⁵⁴.

В результате оперативно-чекистской деятельности в 1943 г. в тресте «Коркинуголь» была «обезврежена» немецкая повстанческая диверсионная организация, в составе 39 человек. В результате следствия было установлено, что основной целью организации является установление с помощью фашистской Германии государственного строя, признающего частную собственность на землю. Арестованные обвинялись в намерении создания среди спецпереселенцев повстанческих групп с целью организации восстания и последующего роспуска колхозов. Группе немцев, работающих на Челябинском металлургском заводе в 1942 г. было предъявлено обвинение в подготовке акций, направленных на вывод из строя важнейших объектов строительства. Еще одна «повстанческая организация», в составе которой были арестованы 32 человека, была выявлена на Челябинском металлургском заводе в 1943 г. Арестованных немцев обвинили в подготовке вооруженного выступления и в шпионаже. Схожие дела были сфабрикованы и по трестам «Челябинскуголь» и «Копейскуголь».

Начиная с 1944 г. отмечается некоторое послабление режима содержания трудмобилизованных немцев. Отмечаются случаи бесконвойной работы за пределами ограждения зоны. Немцам стали чаще доверять ответственные работы, ставить их на руководящие должности. Уже в 1945 г. отдельным, особо отличившимся трудармейцам, в порядке поощрения, разрешалось жить за пределами зоны стройотряда и даже вызывать к себе семьи из спецссылки. Всего, по состоянию на 1 октября 1945 г., на Южном Урале числилось 23 503 мобилизованных немца, из них в Челябинской области - 12 249 человек, в Чкаловской - 6842 и в Башкирской АССР - 4412 немцев.

Надеждам трудармейцев на демобилизацию и возвращение домой после завершения войны не суждено было сбыться. Несмотря на некоторое смягчение режима содержания права на свободу передвижения немцы не получили. Перевод немцев-трудармейцев в январе 1946 г. на режим спецпереселения и создание в ноябре 1948 г. спецкомендатур МВД практически лишило немцев возможности возвращения в родные места.

<https://www.istmira.ru/istnovei/nemeckoe-naselenie-na-yuzhnom-urale-v-voennye-i-po/page/28/>

Судьба трудармейцев

АиФ Европа

«АиФ» нашёл след пропавшего на Урале 70 лет назад русского немца

Есть ли шанс у меня, россиянина, ныне живущего в Германии, найти след моего брата, пропавшего летом 1943 г. в городе Копейске Челябинской обл., где он работал на 204-й шахте, ранее носившей имя Еманжелинские копи?

Это письмо написал в «АиФ. Европа» 86-летний Франц Францевич Нейфельд из немецкого Варендорфа. Практически вся его семья - отец, семеро братьев и сестёр - прошли трудармию. К поискам подключились наши коллеги из редакции «АиФ-Челябинск».

Шахтёры поневоле

Трудармеец Гергард Нейфельд. Фото из семейного архива

- Мы жили в Чкаловской области, это нынешнее Оренбуржье, - рассказывает Франц Нейфельд - Посёлок наш был немецким, рядом - деревня русских. Во время войны русских мобилизовали на фронт, немцев - в трудармию.

Он с двоюродным братом попал на шахту в Пермь. Уголь добывали руками, хотя 16-летнему Нейфельду ещё повезло: он не грыз пласты, а катал под землёй вагонетки. Люди гибли один за другим, их скопом закапывали в траншеи, а зимой присыпали свежеснеженным снегом. И лишь по весне трупы опознавали по сохранившимся на руках номеркам.

- О смерти немцев родным тогда не сообщали, - говорит Франц Францевич. - О гибели близких узнавали из писем односельчан. Мой отец, сёстры и братья вернулись с этой каторги живыми. Пропал только Гергард.

В 1941-м Гергард Нейфельд ушёл служить в Красную армию. Попал под миномётный обстрел, оказался в госпитале. Пока лечил раны, российских немцев объявили врагами народа. Прямо с больничной койки 20-летний Гергард отправился строить Магнитку, а оттуда в Копейск, на шахту № 204. Здесь он и сгинул, успев оставить несколько писем. Писал, что гноятся и ноют старые раны. Что посылка из дома, отправленная с табаком, пришла набитая тряпками. А кто-то в бараке стащил его единственные портянки.

- Я помню эти послания - треугольники на газетной бумаге, - говорит Франц Нейфельд. - Последнее мы получили в 1943 г. Брат собирался продать шинель, чтобы купить еды... Как он умер и где похоронен, нам так и не удалось узнать. На его костях сейчас стоит какой-нибудь завод...

Журналист Игорь Винк и руководитель немецкого центра Ирина Вейс уже много лет стараются сохранить память о трудармейцах. Фото Ирины Голлай

Имя маленькому городку под Челябинском - Копейску - дала не копейка, а шахтёрские копи. Во время войны здесь трудились российские немцы и пленные.

Отец копейского журналиста Игоря ВИНКА, как и Гергард Нейфельд, работал в трудармии на 204-й шахте Копейска.

- До войны мой отец был профессиональным футболистом, стоял в воротах сталин-градского «Трактора», - рассказывает Игорь Винк. - За 2 года на шахте из статного 37-летнего мужчины он превратился в старца. Когда отец вышел к нам из-за колючки, мама его не узнала.

В народе шахты, где работали трудармейцы, называли зонами. Вокруг каждой - колючая проволока и часовые, а внутри - каторжная работа и нищенский быт. После смерти отца (а тот никогда не делился с близкими тем, что ему пришлось пережить в трудармии) Игорь Винк издал книгу о местных немцах. Спустя полвека они неохотно, но стали рассказывать об ужасах зоны.

Армия особого режима

АиФ Европа. Расследование. Судьба трудармейцев Копейска. Фото из архива Роберта Лейнона

После войны многие трудармейцы остались работать на шахтах в Копейске, покинуть город им долго не разрешали. Фото из архива Роберта Лейнона

Нормы выработки во время войны увеличились вдвое. Техники в этих шахтах не было, уголь таскали из забоев в коробах, ползая на коленках. Никакой спецодежды.

Обувь делали из покрывок: вырезали кусок и стягивали бечёвкой - получались огромные чуни. Зимой под землёй в них было тепло, а на поверх-ности отсыревшие ноги в момент покрывались ледышками - обморожение было обычным делом. Жили в бараках. Еду варили из муки и требухи. На всех не хватало.

- Помимо немцев на зоне были чеченцы, узбеки, они вели себя агрессивно, могли схватиться за кол, - рассказывает Игорь Винк. - А немцы будто смирились с судьбой и несли свой крест молча. После войны трудармейцам ещё несколько лет нельзя было выезжать за пределы Копейска. Многие так и прожили в этом городе не свою, а чужую жизнь. Но советскую власть никто не упрекал. Российские немцы - удивительно терпеливые люди.

- Только на строительстве ЧМК трудились около 30 тыс. российских немцев. Каждый третий погиб, - говорит Ирина ВЕЙС, руководитель областного немецко-культурного образовательного центра. - Их хоронили в братских могилах, чаще просто закапывали в траншеи. Вокруг Копейска полно таких мест. Многие даже не обозначены. Поверх могил - свалки. Лишь в посёлке Потанино, где была самая крупная зона, стоит памятный камень, да на городском кладбище старенький крест.

Следы в архивах

В таких бараках жили шахтёры в первые мирные годы. Фото из архива Роберта Лейнона

«АиФ» обратился с запросами о судьбе Гергарда Нейфельда в архивы.

- В книге памяти трудармейцев, погибших на строительстве ЧМК, больше 37 тысяч имён. Фамилия Нейфельд упоминается почти сто раз, но вашего Гергарда нет, - заверила «АиФ» Елена ТУРОВА, сотрудник Объединённого государственного архива Челябинской области.

Не обнаружили его следов и в архиве ГУ МВД, хотя именно эта структура вела учёт трудармейцев. Но Елена ВЛАСОВА, заместитель начальника отдела спецфондов ГУ МВД по Челябинской области, прониклась историей братьев и отправила запросы в другие учреждения области. И из городского архива Копейска пришёл долгожданный ответ.

- Нашли чудом уцелевшую часть карточек треста «Копейск-уголь». В военные годы документы часто заполняли обычным карандашом. Прочитать их практически невозможно, - говорит Елена Власова. - Однако карточка Гергарда Нейфельда сохранилась прекрасно.

В Челябинск он был послан из Магнитогорска. Выполнял самую непростую работу - был навалоотбойщиком: отбивал уголь в забое и грузил в тележки. Неудивительно, что в своих письмах Гергард жаловался родным на больную спину, прошитую на войне осколками снаряда, и гниющие раны. Полгода работы под землёй сделали из него окончательного инвалида. В апреле 43-го из шахты его отправили на лесной склад. Он жил в землянке на ул. Водопроводной (сейчас это центр Копейска, где полно новостроек). А через несколько месяцев, 28 июля, скончался.

В карточке не указана причина смерти. Её Францу Нейфельду сообщат в архиве -ЗАГСа, куда придётся отправить следующий запрос. Могилу Гергарда Елена Власова продолжает искать в архиве копейских кладбищ.

Если будут здоровье и силы, Франц Францевич сможет посетить место гибели брата спустя 70 долгих лет.

Ирина ГОЛЛАЙ, («АиФ-Челябинск»)

<https://www.europa-reporter.eu/exklusiv>

Опубликовано в «Аргументы и Факты. Европа» № 41/

Узкоколейная железная дорога Воздвиженского стекольного завода. Начальный пункт — село Воздвиженка

Воздвиженский стекольный завод основан в 1820 году. Одним из основных видов топлива для стекольного завода являлся торф, добывавшийся в окрестностях села Воздвиженка.

В период Великой Отечественной войны (1941-1945) была построена узкоколейная железная дорога от Шумихинского торфомассива, расположенного севернее озера Окункуль, до стекольного завода.

Воздвиженский стеклозавод, построенный Зубовым Н.П. в 1820 году, использовал для выплавки стекла (плавления шихты) в качестве топлива сперва древесный уголь, дрова, а потом торф, а еще позже – газ.

В связи с большим потреблением древесного угля на здешние заводы требовалось много леса, в частности березы, и затрачивался огромный труд на томилках. Реконструировав печи, заводы переходили на более дешевые и эффективные виды топлива. Одним из таких является торф. Для стеклозавода добывали (резали) торф на Малом Багаряе, что в трех километрах от села. Сюда была кинута во время войны узкоколейка, и уже просушенный торф брикетами складывали в вагонетки и конной тягой доставляли на завод.

Будучи пацаном, здесь работал на конях возницей Андигин М.А. Потом пустили мотовоз. Малые залежи быстро выработались. Богатые торфяники обнаружили на шумихинских (шумишенских) болотах, что в двенадцати километрах от деревни. Заранее по речке Шумиха (она начинается с Больших Казачьих болот и названа Шумихой потому, что шумит водой на перекатах) сделали дренаж, углубив русло (появилось еще название – Копанка).

Образовался поселок. Летом торф заготавливали, живя здесь, а зимой, по «зимнику», по ледянке (для лучшего скольжения колею поливали водой) через Окункуль вывозили торф в коробах на завод.

Во время войны силами трудармейцев (немцев с Поволжья) потянули узкоколейку с одним железнодорожным деревянным мостом через протоку, соединяющую озеро Окункуль с малым Окункулем, до Шумихи. Вагончики и мотовозик (тот же трактор с двумя колесными парами и

цепной передачей), потом и паровозик с пассажирским вагончиком были привезены со «старой» Черемшанки, где с шахт доставлялась руда, а потом по широкой колее перевозили в Уфалей. До этого в Черемшанку были посланы на обучение и практику Г.Кашин, В.Ершов, М.Родионов, Котлованов и другие.

Паровозик – это маленькая копия паровоза (серия ОП219), также с тендером, ходил на угле и дровах, обслуживали его машинист и кочегар. Но он не прижился, так как был трудоемок в эксплуатации. Легкий дизельный мотовозик, набравши скорость, с грузом мотало из стороны в сторону, отчего он часто сходил с рельсов, но его было легче поставить обратно. Он был проще в обслуживании, но, конечно, по силе уступал паровозику.

Обычно рано утром собирались рабочие, размещались в пассажирском сидячем вагончике, к которому было прицеплено еще четыре платформы с нарощенными бортами, и ехали на Шумиху. Ходу было около часа. Вечером груженный, но уже под горку, мотовозик возвращался на завод.

Много людей освободилось от ручного труда, когда в конце сороковых заработала узкоколейка и был механизирован труд по добыче торфа. В этом – заслуга коммерческого директора завода Кленова Ф.И. (его дочь И.Ф.Просвирнина и внук – жители нашего города). Он поставил багер (землечерпалку) и стелющие машины.

...Узкоколейкой пользовались до 1967 года, когда подвели газ, тогда же прекратилась добыча торфа, и Шумиха не стала больше такой шумной. Колею окончательно разобрали в конце 1990-х.

На узкоколейной железной дороге первоначально работал неустановленный дизельный мотовоз. Он был взят с узкоколейной железной дороги в посёлке Черемшанка. По информации от Александра Колесова, в начале 1960-х годов на узкоколейную железную дорогу поступили два мотовоза МД54-4.

По утверждению автора статьи «Узкоколейки – артерии прошлого», узкоколейная железная дорога перестала использоваться в 1967 году, в связи с переводом стекольного завода с торфяного на газовое топливо. Длительное время продолжали лежать ржавые рельсы, они были окончательно убраны в 1990-х годах.

По другой версии, небольшой участок узкоколейной железной дороги внутри стекольного завода сохранялся после 1967 года. В любом случае, узкоколейная железная дорога была полностью разобрана не позднее 1990-х годов.

<http://infojd.ru/uzk74.html>

Челябинский ГУЛАГ

Сейчас сложно представить, но Metallургический район г. Челябинска фактически был основан на месте гигантского исправительно-трудового лагеря, входившего в состав системы репрессивной машины с грозной аббревиатурой - ГУЛАГ. В сложных, а порой и в нечеловеческих условиях содержались не только пленные нацисты, но и советские граждане чья национальность, по мнению отдельных руководителей многонациональной страны советов, не вызвала доверия.

С началом Великой Отечественной войны в одночасье жизнь десятков миллионов советских граждан навсегда изменилась, причем, в большей своей степени, в негативном ключе. Но среди всех жителей огромной страны отдельной нации не повезло вдвойне, они пострадали от собственных соотечественников. С момента начала войны против Германии, отношение к немцам Поволжья, расселившимся здесь еще со времен Екатерины, резко изменилось – в бывших соотечественниках увидели приспешников нацистов и поспешили переселить всех подальше от надвигающейся к Волге армии Гитлера, видимо, опасаясь возможного проявления экстремистских настроений. На высшем уровне было принято решение переселить всех советских немцев по

нескольким направлениям: Сибирь, Казахстан и на Урал. Причем, в большей части подобных «эвакуантов» на новых местах никто особо не ждал, так что бросив нажитое имущество и оставив родные стены люди были отправлены в безвестность.

Одним из центров, куда интернировали советских граждан, стала Челябинская область, но в наш регион их завозили отнюдь не для расселения. С началом войны на Южном Урале были размещены десятки крупных заводов и предприятий, эвакуированных из западных регионов СССР, к тому же партия постановила в срочном порядке, буквально в чистом поле на окраине Челябинска, воздвигнуть металлургический комбинат. Страна готовилась к долгой войне, а стране нужен был металл. Так что: «Партия сказала: Надо!», но вместо комсомола, как говорилось в одной известной советской поговорке, «Есть!» - ответили сотрудники НКВД, организовавшие трудовой лагерь и приготовившиеся встречать «соотечественников». Дабы не возникло неопределенного диссонанса в обществе, была придумана система, в которой все граждане определенные в ИТЛ не числились заключенными, а были «призваны» на трудовую службу. Так была сформирована «Трудармия». Призывников номинально проводили через военкоматы, но вместо оружия в руки вкладывали лопаты, кирки и прочие инструменты с помощью которых, сотни тысяч советских граждан должны были отдать долг Родине, о котором еще несколько месяцев назад они и не подозревали. Впрочем, статус трудармейца мало чем отличался от заключенного или военнопленного. Жил «спецконтингент» в бараках, по периметру была выставлена охрана, пайка была минимальна, а условия труда близки к рабским. За любые провинности – наказание; за трудовые подвиги и титанический труд – право на внеочередное свидание с родными и двойной паек.

Единственным отличием от заключенных и пленных было то, что трудармейцам выплачивали жалование, правда большую часть забирали обратно на различные нужды от гос.займов до компенсации за коммунальные услуги и обеспечение питанием.

Вначале в эту странную «армию» призывали только мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, но уже в конце года решили «мобилизовать» и женщин в возрасте от 16 до 45 лет. Исключение составляли лишь беременные и матери с малолетними детьми до 3-х лет. Если ребенку было больше трех лет, то его надлежало передать в руки родных, а если таковой возможности не было, то малыша определяли в детский дом либо на попечение колхоза, куда отправляли для дальнейшего проживания маму с детьми.

Прибывших в Челябинск советских немцев поместили в лагерь, созданный специально для строительства металлургического комбината - «Бакаллаг».

К городу Бакалу данное учреждение имело весьма посредственное отношение. ИТЛ был ориентирован на постройку Челябинского металлургического комбината, который изначально назывался Бакальским, потому как предполагалось, что завод будет использовать руду, добытую в бакальских рудах. К тому же лагерь был основан на месте поселка, называвшегося Бакал по названию рудных месторождений близ одноименного города в Саткинском районе.

Первые трудармейцы были доставлены на Южный Урал в феврале 1942 года. Одиннадцать тысяч человек были размещены во временных бараках, сделанных чуть ли не из фанеры. Всю инфраструктуру лагеря должны были обустроить сами мобилизованные. Так начиналась «стройка века».

Военное положение обязывало трудовых солдат начать производство в самые сжатые сроки. Согласно утвержденного плану уже к концу года на месте чистого поля должен был появиться первый цех, в котором бы плавил металл и работал прокатный стан, а к середине следующего года планировалось запустить две доменные печи. Сроки нереально короткие даже для современной действительности, при всех наших благах цивилизации: от «умной» техники, компьютеров, профессиональных строителей до банального хорошего продовольственного обеспечения. Повторить подобное строительство сейчас, наверное, вряд ли возможно. Но не стоит забывать и о том, какую цену заплатили те самые трудармейцы, которые буквально на

собственных костях строили завод. Трудовой день длился порядка двенадцати часов, выходной был один, но и тот числился «для проформы», никакие погодные условия не могли помещать выполнению рабочей нормы. За первый год по советской сути каторжных работ, по официальным данным, погибло около тысячи человек, причем, по неофициальным – шесть тысяч! Большая часть умирала от болезней, изнурительного труда и голода, но не мало было и тех, кого расстреляли за саботаж производства, к которому приравнивалось, например, двойное невыполнение нормы-плана.

В конце 42-года в «Бакаллаг» стали поступать военнопленные и заключенные, кстати, по непонятным для меня причинам «типичных эзков», на стройке было меньше всех хотя, как правило, именно осужденных привлекали к наиболее тяжелым работам. За 42-43 год в «Бакаллаг» поступило порядка 10 000 военнопленных, большая часть из состава немецких военных, а также европейских союзников Германии (румыны, венгры и финны). Содержался «спецконтингент» в разных лагерных участках, перед ними ставили разные задачи, так что о существовании друг друга большинство обитателей гигантского лагеря даже не подозревали. При этом условия проживания для всех категорий не особо отличались друг от друга, так как для руководства лагерной стройки разницы между пленным нацистом или «мобилизованным трудовым солдатом» не было.

Ударными темпами стройка номинально проходила по поставленному плану, а в апреле 43-го года руководство лагеря отрапортовало о завершении первой очереди завода, но фактически технологические процессы выплавки металла удалось наладить лишь к концу года. Параллельно с заводом развивался и жилой район, получивший название Металлургический. С ростом завода на территории района появлялись жилые кварталы, в которых жили обычные советские граждане, работавшие на том же заводе, что и «спецконтингент». Силами лагерных узников обустроивалась инфраструктура: строились больницы, школы, детские сады и множество жилых домов, большая часть которых до сих пор является основой жилого фонда данного района.

Согласно распоряжению руководства лагеря, некоторая часть «строителей» из числа пленных и «трудоармейцев» была переведена в металлургические цеха, где люди продолжали трудиться в том же безумном режиме, но уже в качестве металлургов и сталеваров. Ни о каких «поблажках» в виде компенсаций за всякого рода «горячий стаж» и речи не шло.

Несмотря на доклады высшему руководству об успехах в строительстве металлургического завода, готовая продукция в запланированных объемах не выдавалась. Прокатные станы удалось отладить лишь к середине 1944 года, а на полную проектную мощность завод заработал лишь в начале 1945 года. После завершения всех очередей строительства ЧМК стал выпускать сразу несколько марок стали: шарикоподшипниковую сталь, углеродистую, легированную инструментальную и жаропрочную сталь. Основным потребителем продукции завода стал Челябинский тракторный, выпускавший в то время средние и тяжелые танки. Однако по причине того, что завод заработал на полную мощность лишь в самом конце войны, то «вклад» комбината в Победу, посредством обеспечения военной промышленности, был крайне скромным. Все необходимые ресурсы производственные предприятия ВПК получали от других комбинатов, которые на уже к началу войны успешно функционировали. ЧМК помог стране уже в послевоенное время, когда по всему Союзу начались грандиозные стройки. Предстояло буквально заново отстраивать города и восстанавливать разрушенную промышленность. Конечно же, тут металлургический гигант помог достаточно серьезно, без мощностей ЧМК страна явно испытывала бы острый дефицит стали.

Впрочем, после окончания войны трудармейцев не спешили демобилизовать. В 1947 году «Бакаллаг» был расформирован, но «трудовые солдаты» не получили желанной свободы. В 1948-м их перевели в статус спецпоселенцев, конечно же, условия жизни многократно улучшились: многие получили комфортное жилье в виде комнаты в коммунальной квартире и даже могли позволить себе отпуск. Однако ограничение в гражданских правах по-прежнему сохранялось.

Трудармейцы не могли свободно покинуть периметр поселения без соответствующего разрешения коменданта, а также должны были регулярно отмечаться в органах контроля. Лишь в 1956 году всех советских немцев, мобилизованных в трудовые армии, полностью восстановили в гражданских правах.

ЛЮБУШКИН Андрей || «Таинственный Урал»
<https://zen.yandex.ru/media/tainyurala/cheliabinskii-gulag>

Военнопленные на Урале

Sturm02.11.2010, 20:19

Старожилы рассказывают, что в Карабаше было два лагеря немецких военнопленных. Один, со строгим режимом, - для гестаповцев. Другой - для рядовых солдат и интернированных женщин.

Военнопленные (а среди них были не только немцы, но и румыны, венгры) работали в основном в шахте. Карабашец Гузаир Гизбулович Куштанов в интервью местной газете отозвался о них так:

- Хорошие были мужики, спокойные, уравновешенные. И работали очень хорошо. Со многими мы были в дружеских отношениях. Один немец даже подарил мне шубенки, я очень долго носил их. Все они проклинали войну:

Работая маркшейдером, Куштанов натолкнулся на папку с архивными документами. Были среди них описания несчастных случаев. По ним он восстановил 37 фамилий погибших в шахте немцев. Пытался этот список передать в немецкое посольство в Москве - не удалось.

Другой старожил Карабаша, Григорий Кузьмич Чернов, 15-летним пареньком конвоировал бригаду из 50 немцев, работавшую на ремонте школы. С бригадиром Адольфом, неплохо говорившим по-русски, подолгу доверительно беседовал. И с другими членами бригады юный конвоир (с берданкой и тремя патронами!) имел хорошие отношения. Нередко немцы приглашали его к нехитрому обеденному столу. Бывало, охранник, будучи уверенным, что «подопечные» не подведут, отлучался с объекта. Если к концу смены опаздывал, немцы строились в колонну и шли к лагерю. Не доходя, останавливались, ждали парнишку, переживая за него.

Половину бригады составляли девушки и молодые женщины, интернированные из Германии. Работали немки также на поверхности шахты, на полях соседних с Карабашом совхозов.

- Помню, как шли они колонной - исхудалые, но стройные, красивые: с прическами, с накрашенными губами, - говорит Михаил Григорьевич Никулин.

Интернированных немки помнят многие карабашцы. Галина Константиновна Старикова, работавшая кладовщицей в лагере военнопленных, в своих воспоминаниях называет их искусными мастерицами, а также добрыми, отзывчивыми женщинами. Они подарили ей красивое платье.

Нынче летом в Карабаше побывала группа пожилых граждан Германии: бывшие пленники солдаты и интернированные женщины (об этом «Челябинский рабочий» писал в материале «Фрау из лагеря» 14 августа). Фрау Карин Момзень родилась в Карабаше в 1947 году. Ее отец Гешель был старшим по лагерю. На днях от этих женщин в Карабаш пришла посылка с вещами, сшитыми в российской неволе. Вместе с воспоминаниями на немецком языке - для создания музейного уголка...

Очевидцы тех событий из числа местных жителей восторгаются цветочными клумбами, украшавшими территорию лагеря. А бывшая заведующая детским садом Валентина Михайловна Соломонова до сих пор с теплотой вспоминает о том, какие замечательные игрушки из дерева для

карабашских детей мастерили военнопленные. Приезжая за ними в лагерь, удивлялась обустроенному быту немцев, порядку и чистоте везде, даже в конюшне и сарае для свиней.

На месте лагеря военнопленных стоит сейчас современный микрорайон. Где было кладбище немцев - гаражный кооператив. Их уцелевшие соотечественники намерены в центре микрорайона установить стелу в память о «карабашской странице» послевоенной истории Германии. В связи с этим горько думать о том, что никакого памятника тысячам наших политзаключенных, прошедших через лагерь Карабаша, здесь не предвидится. А ведь условия содержания и труда были куда тяжелее, судьбы - куда трагичнее:

Поселок спецпереселенцев

Рядом с лагерем военнопленных находился поселок раскулаченных. От него сохранились полуразрушенные бараки на улице Школьной (в них до сих пор живут потомки спецпереселенцев). История возникновения этого и множества подобных поселений на просторах бывшего Советского Союза не менее трагична. Но это - тема отдельного разговора.

Sturm02.11.2010, 20:26: по поводу лагерей для немцев, в Верхнеуральске знаю был точно (там щас музей даже создали),сестра Гитлера похоронена где-то в этих краях.

Sturm02.11.2010, 20:27 ...Военнопленные рядовые вывозятся в следующие лагеря:

2. В Челябинскую обл.

Потанинский лагерь № 68

(нач[ачальник] лагеря майор госбезопасности Эпштейн), ст. — 7000 чел. Шагол.

в том числе: в отделение № 1, ст. Шагол — 5000 чел.

в отделение № 2Г ст. Вавилово — 2000 чел."

Sturm02.11.2010, 20:28

В Челябинске отремонтируют школу, построенную еще пленными немцами

Капитального ремонта дождалось одно из самых старых учебных заведений в Ленинском районе – школа №49.

Она была построена еще во время Великой Отечественной войны пленными немцами.

Деревянные перекрытия и старая кровля давно не справляются с дождями, крыша то и дело протекает.

По словам директора школы Ларисы Сатаевой, самостоятельно собрать сумму, необходимую для реконструкции полувекового здания, невозможно. На эти цели было направлено 2 миллиона рублей из областного бюджета.

Деньги пойдут не только на основательный ремонт крыши, но и обновление фасада.

Ремонтные работы начнутся в ноябре.

Sturm02.11.2010, 20:30

ВОЕННОПЛЕННЫХ ТРУД, использовался в Чел. с янв. 1943 по 1951. 1 июля 1941 вышло «Положение о военнопленных». Содержание, учет, труд, использование военнопленных были возложены на Наркомат (с 1946 Минво) внутр. дел СССР. В Чел. военнопленные работали на ЧМС, на лесоразработках, предпр. угольной пром-сти, на Кировском заводе, а также при трестах «Челябстрой», «Челябдормостострой», «Челябинскжилстрой» и т. д. В общей сложности на терр. Чел. и области на правах военнопленных и интернированных оказалось более 30 тыс. немцев, румын, венгров и др., к-рые были размещены в 6 лагерях и 1 спецгоспитале. По прибытии в лагерь военнопленные проходили обязат. 21-дневный карантин. В соответствии с их физ. состоянием устанавливались категории трудоспособности: с 1-й по 4-ю, ослабл. контингент, лазаретные больные. Распорядок дня военнопленных строился из расчета обязат. предоставления им не менее 8 ч для ночного отдыха и обеспечения 3-разового питания. Всем военнопленным предоставлялось 4 выходных дня в месяц. Для рабочих устанавливалось ден. вознаграждение (150–200 руб. в месяц). Военнопленным разрешалось поддерживать связь с родственниками: раз в месяц отправить открытку, ударникам труда – 2 письма в 3 мес. Многочисл. нарушения режима труда и

быта приводили к ухудшению физ. состояния военнопленных и высокой смертности (до 200 чел. в месяц). К осени 1945 в результате оздоровит. меропр. кол-во трудоспособных военнопленных увеличилось примерно на 30 %. В окт. 1945 – янв. 1946 на родину были отправлены первые 3407 военнопленных. Массовая репатриация началась в 1947 и к кон. 1950 в осн. закончилась. Последние военнопленные покинули Чел. после амнистии в 1955.

Sturm02.11.2010, 20:46

БАКАЛЛАГ (Челяблаг), лагерь строителей Бакальского (Чел.) металлург. з-да (см. Челябинметаллургстрой). Находился в подчинении Управления особого стр-ва НКВД и ГУЛАГа. Существовал с нояб. 1941 по май 1947. Осн. рабочая сила Б. – заключенные, рабочие колонны, строит. батальоны и отряды, укомплектованные представителями разных национальностей, преим. немцами. (см. Трумобилизованные немцы). В кон. 1943 стали прибывать военнопленные немцы, затем интернированные граждане Германии и др. европ. стран. На 1 февр. 1944 трудмобилизованные немцы составляли 59,8 % всего лагерного контингента (20 696 чел.). 13 авг. 1942 Б. был переименован в «Челябметаллургстрой» (Челяблаг). Б. сформирован по образцу крупных лагерей НКВД, входивших в систему ГУЛАГа. Здесь функционировали оперативно-чекистский отдел, учетно-распределит. часть, культ.-воспитат. часть, отдел кадров и ВОХР, укомплектованные кадровыми сотрудниками НКВД. Весь контингент Б. был разделен на 4 лагучастка, укомплектованных заключенными, и 16 стройотрядов (трудоармейцев). Числ. мобилизованных в стройотряды колебалась от 1 тыс. до 7 тыс. чел. Крупные стройотряды состояли из колонн по 1023 чел., к-рые делились на бригады по специальностям (10–25 чел.). Рук-во осуществляло Управление лагеря при Б. Осн. стройплощадка представляла собой лагерь, раздел. на зоны по кол-ву строящихся объектов: Жилстрой (стройотряд № 1); Тэцстрой (стройотряд № 3), Доменстрой (лагучасток № 1 – стройотряды № 15, 16), Кам. карьер (лагучасток № 2), Ремзаводстрой (стройотряд № 13), Предзавстрой, Огнеупорстрой. Кроме осн. стройплощадки Б. имел вспомогат. объекты на терр. области: лесозаготовит. участки, шахты в Коркино и Копейске, Тургорьякское рудоуправление, агломерационную ф-ку, подсобные х-ва и др. Каждый из объектов был организован по типу отд. лагпункта, огорожен колючей проволокой, ограничен контрольно-следовой полосой с наблюдат. вышками. Охрану несли 7 дивизионов ВОХР, включавшие от 2 до 5 взводов. В основе производств. деят-ти лежала гулаговская система принудит. труда: строгая дисциплина, поддерживаемая карат. мерами; дифференцированное питание, организованное по нормам ГУЛАГа и полностью зависящее от выполнения производств. заданий; выплата заработной платы при условии выполнения плана, хорошей дисциплины и вычетов за питание, коммун.-бытовые услуги и госзаймы; изнурит. 10–11-ч рабочий день. В 1947 Б. был ликвидирован, а трудоармейцы переведены на режим спецпоселения, к-рый сохранялся до 1956.

dimax03.11.2010, 04:50

История ЧТЗ в миниатюре

01.04.2*****3:26

Кладбище «Северо-Восточное» с часовней во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи появилась в Челябинске в годы войны.

«Северо-Восточное» кладбище Челябинска расположено рядом с жилой застройкой. Дом № 10 по ул. Чоппа практически стоит на его территории. Жители вспоминают, что когда они въезжали в новые квартиры, во дворе зияли разрытые могилы. Сейчас дворовая территория относительно обустроена, чего не сказать о старом кладбище. Здесь собираются бомжи, бесчинствуют подростки, местное население выгуливает собак, жители частного сектора сажают картошку. Чтобы оградить это место от вандализма и напомнить людям об уважении к мертвым, на «Северо-Восточном» при активной поддержке бывшего главы района Александра Иванычева была построена часовня простой архитектуры, характерной для некрополей и парков.

Историю ее возникновения лучше всех знает преподаватель школы № 59 Марина Салмина. Будучи не только жителем микрайона, но и равнодушным человеком, Марина Сергеевна вместе с учениками решила исследовать историю старого кладбища. Работа продолжалась год, а ее итогом стала не только часовня, но и книга, повествующая об этих исследованиях и ставшая библиографической редкостью.

Вот что рассказывает Марина Салмина:

- Кладбище «Северо-Восточное» – это история ЧТЗ в миниатюре. В годы войны здесь хоронили первых тракторостроителей, местное население, трудармейцев, раненых эвакогоспиталя, немецких, румынских и венгерских военнопленных. Их руками возводились заводы, жилье, дороги, трамвайные линии. Условия труда и проживания однозначно были лучше, чем в наших лагерях. Мы записали воспоминания Алексея Печенкина, который в 14 лет водил военнопленных на работу: забирал колонну из бараков на ул. Котина и вел на гвоздильный завод, располагавшийся на ул. Российской. Пленные были одеты в форму вермахта, потому что другой одежды у них не было, пели песни, а Печенкин шел впереди. Бывший военнопленный Людвиг Мюллер, работавший на ЧТЗ в 1*****9 годах, тоже вспоминает, что отношение к ним с стороны населения было нормальным, доброжелательным. К пленным настолько привыкли, что когда Людвиг и другие немцы уезжали на родину, для них даже устроили концерт.

- Откуда такие подробности?

- 5 лет назад г-н Мюллер приезжал в Челябинск с сыном и двумя внуками. Это была его мечта – посетить место, где прошла его юность. Мы много общались и, конечно, посетили «Северо-Восточное» кладбище, где покоится прах его соотечественников. В общей сложности в 94 братских могилах захоронено 186 человек. Это не каратели, не зондер-команда, а такие же жертвы войны, как русские солдаты, и, мне кажется, символично, что все они лежат рядом, в одной земле. Немцы не забывают своих мертвых. Ежегодно кладбище посещают группы из Германии до 30 человек, была делегация из Венгрии.

- Удалось установить какие-то фамилии, судьбы?

- Мы восстановили имена почти 500 погибших. Среди них немцы Шмидт, Базель, Дамс... Есть мусульманские захоронения, есть еврейские. «Адолику Бердичевскому» – написано на могиле ребенка. Встречаются надписи «Привет из Ленинграда», «Привет с Западной Украины. Мы никогда не увидимся!» Однажды к нам обратилась сотрудница музея ЧТЗ: в 50-х у нее умер братик, а точную дату смерти она не помнит. Мы подняли документы и нашли могилу. Местные жители вспоминают, что несколько лет назад на кладбище приходила женщина, по всем приметам – дочь одного из военнопленных (многие из них создавали семьи в России). Долго искала могилу отца, но не нашла. Безымянными остались могилы некоторых трудармейцев с Востока: в книге регистрации смерти про таких вместо имени и фамилии могли написать: «Гаджик».

Sturm12.11.2010, 23:04

Второе яркое впечатление у меня связано со строительством кузнечно-прессового завода. Стройка велась ударными темпами. Вместе с заводом рос и поселок ЧКПЗ. Вот тогда мы узнали наших врагов, так как строили поселок военнопленные немцы. Ходили смотреть на них и признавали, что это такие же люди, как наши мужики.

Пленных охраняли солдаты с овчарками. Тем не менее побег происходили. Я запомнил два случая. Однажды за сбежавшим была организована погоня. Собака взяла след и привела охрану к озеру. Мы, мальчишки, бежали за охраной из любопытства. На берегу след оборвался. Оказалось, немец скрылся в воде и дышал через соломинку, но долго так прятаться он не мог и был вынужден вынырнуть. Охрана схватила его и побила, а когда немца вели назад, мальчишки кидали в него камнями. Охрана не запрещала этого делать. Для нас он был врагом. В другой раз пленный спрятался на картофельном поле, но и его вскоре поймали...

Со строительством поселка ЧКПЗ военнопленных немцев не стало, зато появились узбеки. Жилья у них не было, поэтому они не выходили из цехов предприятия. Наши рабочие

рассказывали, как приезжие ночевали на подстилках у печи и здесь же умирали. Помню, что трупы «бабаев» — так мы их называли — находили за территорией завода в кустах, а еще как их хоронили в общей могиле: на грузовой машине привезут на кладбище за поселком, побросают в яму и экскаватором засыплют.

dimax14.11.2010, 20:24

ВОЕННОПЛЕННЫХ ТРУД, использовался в Чел. с янв. 1943 по 1951. 1 июля 1941 вышло «Положение о военнопленных». Содержание, учет, труд, использование военнопленных были возложены на Наркомат (с 1946 Минво) внутр. дел СССР. В Чел. военнопленные работали на ЧМС, на лесоразработках, предпр. угольной пром-сти, на Кировском заводе, а также при трестах «Челябстрой», «Челябдормостострой», «Челябинскжилстрой» и т. д. В общей сложности на терр. Чел. и области на правах военнопленных и интернированных оказалось более 30 тыс. немцев, румын, венгров и др., к-рые были размещены в 6 лагерях и 1 спецгоспитале.

По прибытии в лагерь военнопленные проходили обязат. 21-дневный карантин. В соответствии с их физ. состоянием устанавливались категории трудоспособности: с 1-й по 4-ю, ослабл. контингент, лазаретные больные.

Распорядок дня военнопленных строился из расчета обязат. предоставления им не менее 8 ч для ночного отдыха и обеспечения 3-разового питания. Всем военнопленным предоставлялось 4 выходных дня в месяц. Для рабочих устанавливалось вознаграждение (150–200 руб. в месяц). Военнопленным разрешалось поддерживать связь с родственниками: раз в месяц отправить открытку, ударникам труда – 2 письма в 3 мес.

Многочисл. нарушения режима труда и быта приводили к ухудшению физ. состояния военнопленных и высокой смертности (до 200 чел. в месяц).

К осени 1945 в результате оздоровит. меропр. кол-во трудоспособных военнопленных увеличилось примерно на 30 %. В окт. 1945 – янв. 1946 на родину были отправлены первые 3407 военнопленных. Массовая репатриация началась в 1947 и к кон. 1950 в осн. закончилась. Последние военнопленные покинули Чел. после амнистии в 1955.

Habitant26.12.2010, 15:13 Думаю, название «лагеря смерти» для этой темы является несколько преувеличенным.

Всё-таки это были не «лагеря смерти», а просто трудовые лагеря.

Alexander82i26.12.2010, 16:53 *Сообщение от Habitant: Думаю, название "лагеря смерти" для этой темы является несколько преувеличенным.*

Всё-таки это были не «лагеря смерти», а просто трудовые лагеря.

Ну, надо же разоблачить кровавый сталинский совок, в соответствии с генеральной линией партии, а то русские вон чего удумали - цивилизованный европейцев к труду привлекали за порушенные города и судьбы.

Эсэсовец, бывший в плену на Урале: «Русские — мои лучшие друзья!»

8.05.2017

Немец вынес из плена уважение к СССР и любовь к русской девушке. Он искал ее всю жизнь...

История Герхарда Шлипхаке из Франкфурта-на-Майне уникальна: пройдя советские лагеря, он вернулся в Германию в «лаптах», но без ненависти.

Наоборот: за время плена он настолько полюбил советских людей, что много раз возвращался в СССР и Россию, подолгу работая в Москве, Екатеринбурге и других городах. «Это сигнал, что я думаю о русских», — говорит Герхард.

Раньше он каждый год приезжал в Екатеринбург, в этом не смог — сказывается и возраст (ему 92), и пережитый инсульт. Мы дозвонились Герхарду в Германию. О дружбе с русским ветераном, с которым они стреляли друг в друга из танков, о Гитлере-авантюристе и о современных фашистах — в рассказах друзей Шлипхаке и в его эксклюзивном интервью для «URA.RU».

Герхард Шлипхаке в том, в чем вернулся домой в 1950 году. Фото: из личного архива Герхарда Шлипхаке (предоставлено Верой Даниловой и Вадимом Белолуговым)

Служил радистом

Когда началась война с СССР, Герхарду Шлипхаке было 17 лет. «Он учился в престижной гимназии по типу наших классических гимназий — в ней преподавали и латынь, и древнегреческий, — вспоминает исследователь темы военнопленных Вадим Белолугов. — Начальник гимназии, естественно, был членом нацистской партии, но с приходом нацистов к власти в гимназии мало что поменялось. Более того, все попытки нацистов учинять репрессии против свободолюбивых учителей не проходили: коллектив вставал. Не давали ни увольнять, ни арестовывать коллег».

В плену немцам разрешалось носить форму и знаки отличия: на офицеров возлагались обязанности по поддержанию порядка

ФОТО: Герхард Шлипхаке с выставки фотографий Клаусса Сасса о лагере для военнопленных в Елабуге

Примером этого свободомыслия может служить такая история. «23 июня 1941 года учитель истории и философии зашел в класс и сказал, что сегодня занятие будет без «Хайль, Гитлер!», — говорит Вадим. — И все занятие рассказывал о России, Советском Союзе, ничего не говоря о войне, не давая оценок — только факты: история, традиция, люди, войны. Герхард вспоминал: «Уже тогда мы начали понимать, во что мы вляпались».

В 1942 году по окончании гимназии Шлипхаке призвали в армии. Он увлекался радиodelом, и его направили в авиацию: в 1943—1944 годах служил радистом на борту бомбардировщика. Но в 1945 его военная биография резко поменялась. «Подразделение бомбардировщиков расформировали: они были больше не нужны, требовались только истребители — защищать небо, а он для них не подходил — высокий, и к тому же он не летчик, а радист, — поясняет Вадим. — И Герхарда как специалиста по радиodelу забрали в танковые войска: рации везде работают одинаково».

Он служил в бригаде по ремонту танков, но это была дивизия СС. В сражении под Балатоном (Венгрия) попал в плен к американцам, а те передали его русским. «Немецкую армию распустили, а всех эсэсовцев отправили в Москву, — рассказывает другой знакомый Шлипхаке, профессор уральской юридической академии Александр Смыкалин. — Ему дали 25 лет лишения свободы, и он поехал в Пермскую область, в Соликамск, в шахту. Там были очень тяжелые условия — многие в шахтах так и оставались: это были каратели, у которых руки были по локоть в крови».

Лагеря военнопленных

«Я работал на лесоповале, заготовливал лес, а потом работал бетонщиком, — вспоминает сам Герхард. — Года через 2,5 мне сказали, что я буду работать в шахте, но мой хороший русский друг, который был начальником лагеря, сказал, что меня не надо посылать в шахту. Это был мой первый хороший шаг в плену».

*Эксперты по военным пленным, организаторы кинофестиваля "Человек и война" Данилова Вера и Белозугов Вадим. Екатеринбург
Вера Данилова и Вадим Белозугов рассказывают о своем немецком друге Герхарде
Фото: Алексей Колчин © URA.RU*

«Он же радиомастер, и он остался жив, как он считает, благодаря этому умению: ремонтировал приемники нашим офицерам, лагерному начальству, — рассказывает супруга Вадима Белозугова Вера Данилова, заведовавшая отделом иностранной литературы библиотеки имени Белинского и многие годы близко общавшаяся с Герхардом. — За это он даже получал вознаграждение (продуктами или деньгами) и имел свободный выход с территории лагеря». Последнее было почти невозможно для военнопленных. «Бывало, его задерживала милиция, звонили в соответствующее ведомство, а там отвечали: «А, Шлипхофкин? Отпустите!», — смеется Вадим.

В лагере в Соликамске Герхард чуть не умер от истощения, но его спасла женщина-врач. «Она спросила: «Как фамилия?» — он ответил: Шлипхаке. И вдруг она говорит: «Я до войны училась по учебникам Шлипхаке. Ты знаешь его?» Он отвечает: «Это мой отец», — рассказывает Смыкалин. — Профессор Шлипхаке был известен на весь мир: он изобретатель ультразвука в медицине (удивительно, что ему не дали Нобелевскую премию!)».

«Она начала говорить со мной по-немецки и рассказала, что читала книги моего отца, — вспоминает Герхард. — Я был дистрофиком, и она мне очень помогла — кормила меня, и я шесть месяцев работал там».

«Она устроила его санитаром и, по сути, спасла: благодаря ей он не попал в шахту, — говорит профессор Смыкалин. — Потом он долго пытался ее разыскать, но так и не смог: Пермская область была закрыта для иностранцев».

27

Jelabuga-Kosyltau, Sept. oder Okt. 1945 Floßbauplatz am Ufer der Kama. Die Brigade sitzt am Feuer, um sich in einer Arbeitspause zu wärmen. Das kleine Motorboot diente dem Bugsieren der Stämme bzw. Flöße. Bei dieser Arbeit ist es häufig zu tödlichen Unfällen gekommen.

**В плену Герхард работал на лесоповале. От шахт его уберегли
ФОТО: Герхард Шлипхаке с выставки фотографий Клаусса Сасса о лагере для
военнопленных в Елабуге**

После Соликамска Герхард попал в Пермь. «Я работал в лагере 3702, недалеко от станции Пермь-2», — говорит немец. По рассказам друзей, навыки радиомастера опять емугодились, но теперь уже на новом месте — на телефонном заводе.

«В Перми у него была девушка Татьяна, — рассказывает Вера Данилова. — В честь нее он назвал потом свою старшую дочь. В свой последний визит он признался, что, когда он уехал отсюда, пытался связаться с ней, писал ей письма, но ответы не приходили».

«Когда он рассказывал о ней, было видно, что для него это очень большая тема и с возрастом боль не утихла, скорее наоборот, — добавляет Вадим Белолугов. — Судьба этой женщины неизвестна: мало ли, как на нее могли повлиять отношения с военнопленным! Вспоминается фильм „Виза на любовь“ о печальной судьбе девушек за связи с союзниками. А тут немец!».

Возвращение в Германию

Постепенно немецких военнопленных стали отпускать домой — за исключением тех, кто был признан военным преступником (в том числе эсэсовцы). В 1955 состоялась знаменитая встреча генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева и генерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, на которой они договорились установить мирные отношения между странами, обменяться посольствами, а «советы» пообещали отпустить на родину всех оставшихся в плену.

Доктор

*юридических наук, профессор Смыкалин Александр Сергеевич г. Екатеринбург
О своем друге Герхарде Шлипхаке рассказывает профессор юракадемии Александр Смыкалин
Фото: Алексей Колчин © URA.RU*

«Хрущев отпустил на родину всех немцев, которым дали до 25 лет лишения свободы, — говорит профессор Смыкалин. — Указ этот до сих пор засекречен. По нему в Германию уехали в том числе те фашисты, которых расстрелять было мало. Была договоренность, что они продолжат отбывать наказание в Германии, но в Вене их встречали с музыкой и ковровыми дорожками».

Шлипхаке отпустили из плена задолго до этого — в 1949, хотя его как эсэсовца приравнивали к военным преступникам. «У меня во время плена было очень много русских друзей, один из них был начальником КГБ, — рассказывает Герхард. — Он сказал: «Ты не будешь последним, который вернется обратно». И это была правда — через четыре с половиной года я вернулся домой».

В начале января 1950 Герхард оказался дома. «Он приехал в телогрейке, в шапке-ушанке, — рассказывает Вера Данилова. — И привез с собой целый чемодан «Беломора»: им с собой давали сигареты, одежду, и у них шел обмен друг с другом и с местными.

До него дошли сведения, что дома плохо с сигаретами, и он почти все, что у него было, выменял на «Беломор». И потом очень долго им пользовался — бывшие военнопленные ходили к нему, «стреляли» папиросы».

Вернувшись из плена, Герхард несколько дней не выходил из дома. «Он заперся у себя на чердаке и писал воспоминания, — говорит Вера Александровна. — Возможно, ему это посоветовали психологи: в Германии были программы по реабилитации вернувшихся из плена. Все вещи он сложил в сундук. Закончив писать, положил туда же рукопись и не открывал его много лет».

Снова в Россию

Однако вскоре у Шлипхаке начала проявляться ностальгия, и он вновь отправился в Советский Союз. В 60—70 годах работал в Москве, в посольстве Германии, а также в представительстве частной фирмы. Его дочери учились в обычной советской школе. В Москве он

познакомился с фронтовиком — начальником таможенного поста: оказалось, тот был танкистом и тоже воевал под Балатоном. Они подружились, и Герхард постоянно ездил к нему в гости.

Вещи, в которых Герхард вернулся домой из плена. Внизу — «лапти» из шинели (носки сделаны из автомобильных шин)

Фото: из личного архива Герхарда Шлипхаке (предоставлено Верой Даниловой и Вадимом Белолуговым)

«В 70-х он приехал из Москвы в Лысьву и стал первым иностранцем, посетившим этот город, — говорит Вадим Белолугов. — Он говорил, что поначалу ему было неважно, чем заниматься — лишь бы работа была связана с Советским Союзом. А когда при перестройке стали создавать совместные предприятия, он стал постоянно здесь жить и работать».

«Я вышел на пенсию в 1988-м году, но еще 2,5 года работал в СССР в проекте по автоматизации железных дорог, — вспоминает сам Герхард. — Потом, лет через 8 после этого, когда моя жена умерла, мой хороший друг спросил меня, не хочу ли я снова поехать и поработать в России? Есть место в Екатеринбурге, на немецко-русском заводе. Там было два директора: один русский, второй — немец, это был я. К сожалению, через несколько месяцев завод передали французам».

В Германии Шлипхаке развернул общественную деятельность как активист движения бывших военнопленных. Все, что лежало дома на чердаке, пошло в дело: вместе с друзьями он устраивал выставки, посвященные теме плена немецких солдат в СССР.

«Его товарищ был в лагере в Елабуге, и у него был с собой маленький фотоаппарат, который он сумел сохранить (хотя это было запрещено), — рассказывает Вера Данилова. — И он в течение всего плена снимал, когда удавалось».

Эта выставка вместе с экспонатами из сундука Герхарда путешествовала по Германии (см. фотогалерею).

1/26

«В Австрии у него большая дача, и там каждый год собирались военнопленные, бывшие в плену на Урале, — рассказывает профессор Смыкалин. — Когда-то их был 31 человек — сейчас остались только Герхард и еще один товарищ».

Шлипхаке до сих пор продолжает заниматься радиodelом, которое спасло ему жизнь. «У меня много друзей-радиолюбителей, которые и сейчас работают в эфире, не только в Екатеринбурге, но и в других странах, например, на Сейшелах, на Карибах», — рассказывает немец. «Когда он приезжал в Екатеринбург, на радиофаке его всегда встречали с восторгом, —

рассказывает Смыкалин. — Во Франкфурте-на-Майне его особняк виден издали: весь в антеннах».

Современный фашизм и русские люди

До последнего времени Герхард приезжал в Екатеринбург почти каждый год: встречался с друзьями, участвовал в выставках, любил душевные компании и застолья. Тематами для разговоров часто были плен и война. «Да, мы были очень сильными, поэтому в первые два года большая часть России была оккупирована, — говорит Шлипхак о причинах проигрыша Германии в войне. — Но потом открылся второй фронт — это была одна причина. Другая: Россия — это очень большая страна, и мы в ней, можно сказать, просто потерялись»

*Герхард на выставке в Верхней Пышме. В Германии он тоже купил себе русскую машину
Фото: Вадим Белолугов*

«По этому поводу есть такой анекдот: немецкий офицер приходит домой и говорит жене: «Дорогая, я уезжаю в командировку, фюрер принял решение напасть на Советский Союз». — Она: «А что такое Советский Союз?» — «Сейчас покажу» — и открывает карту. Жена посмотрела и говорит: «Скажи, дорогой, а фюрер видел эту карту?» — рассказывает Вера Александровна.

«Это очень важный фактор, и Герхард понимает это как никто другой: он-то по нашей стране поездил, — добавляет ее супруг Вадим. — Одного Пермского края достаточно, чтобы понять это. Но территория — лишь один из факторов, и не определяющий: если бы здесь жили другие люди, эту территорию можно было бы проехать парадным маршем».

Другая тема для разговоров — фашизм. «В Германии и Австрии до сих пор идут споры: некоторые считают, что Гитлер был во всем прав», — говорит Смыкалин. Герхарда, по словам его друзей, это очень сильно задевает.

«Он уехал отсюда не озлобленным, а человеком, который очень критически отнесся к тому, что сделала его страна, — говорит Белолугов. — И вынес из плена огромное уважение к России».

«В каждом городе и в каждой стране есть фашисты, — говорит сам Герхард Шлипхак. — Они громко говорят и кричат, но их очень мало. Конечно, о них говорят, но общество против них, и это очень хорошо».

Герхард с внуками

Фото: из личного архива Герхарда Шлипхаке (предоставлено Вадимом Белолуговым и Верой Даниловой)

Правда, в последние годы, по словам Шлипхаке, настрой немцев по отношению к русским стал меняться в худшую сторону. «Он говорил, его сильно удручает то, что сейчас происходит в Германии: то „кривое“ отношение к России, которое формируется, — вспоминает Вера Данилова. — Особенно в последний приезд: у него прямо звучала обида, он говорил о непонятной для него политике Германии, о конфликтах, об охлаждении отношений с Россией».

«Я забыл это слово, но это очень важно, — говорит сам Герхард. — Я вернулся совсем без ... [злости, ненависти]. Я не был против русских, наоборот, у меня был дружеский настрой. Много русских мне помогали на Урале, и никто не сказал мне ни разу, что я военнопленный. Было трудное время, надо было выживать, они мне очень помогли. Почему я с семьей вернулся в Москву, а потом еще жил в Екатеринбурге? Это сигнал, что я думаю о русских»

<https://politklubok.ru/blog/43467497093/Esesovets,-byivshiy-v-plenu-na-Urale:-%C2%ABRusskie-%E2%80%94-moi-luchshie-dr?nr=1>

Дорожим семейными корнями

«Я горжусь своим прадедушкой!» - Скударь Мария

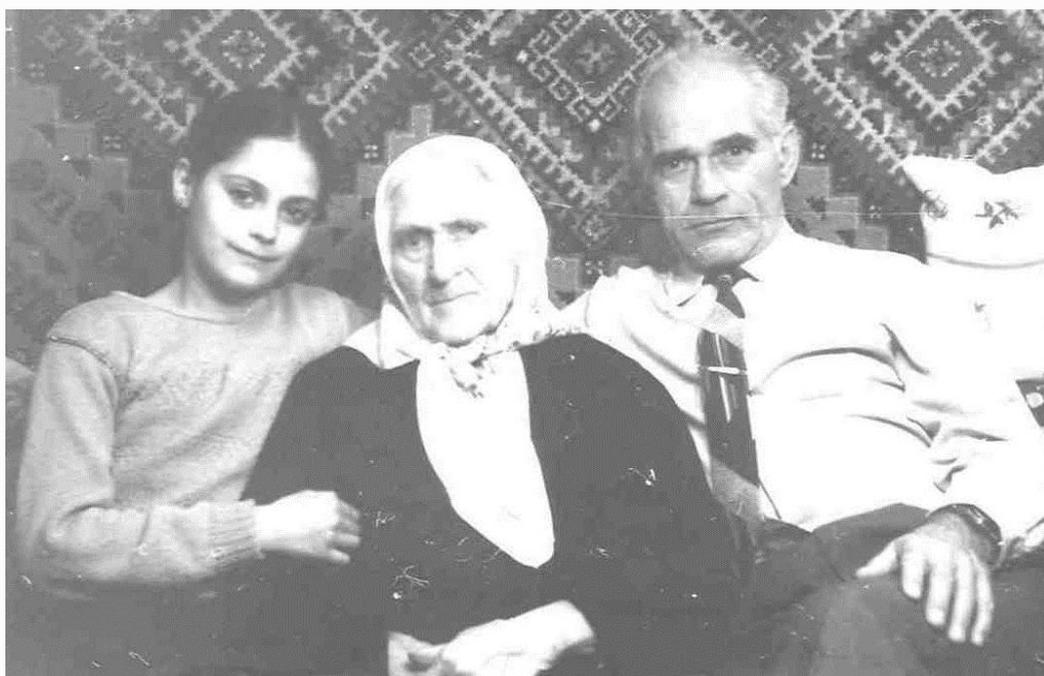
18.01.2015

История семейного древа

Мама развернула передо мной большой лист плотной белой бумаги, и я увидела древо рода, где нашла имя мамы, её родителей... И чем далее спускалась я по стрелочкам от поколения к

поколению, тем больше удивлялась. На нашем древе рода восемь поколений: от моего прапрапрапрадеда, жившего в начале XIX века, — до меня.

Я вижу, что 200 лет назад, в самом начале XIX века, в Россию из Германии прибыли два семейства: Ивана Фуста и Себастьяна Феля. В каждом поколении того века семьи были большие, по 6 – 9 детей. А в конце XIX века в семье Фустов родилось даже 13 детей. Одного из них назвали Густав. Он женился на Эмме Фель. Так на уровне моих прапрадедов объединились два огромных рода. У Густава и Эммы родилось шестеро детей: Эльзе, Бруно, Эдвин, Герберт, Павел, Эгон. Самый старший из братьев – Бруно Густавович – и составил через много лет то древо рода, которое я с интересом сейчас изучаю. Какие красивые имена: Эдмунд, Вильгельмина, Роланд, Теофиль, Иоганна... Если бы можно было узнать о каждом из них (а имен на листе больше двухсот)...

Любимый прадедушка

Но сейчас я хочу рассказать о моём прадедушке Герберте Густавовиче Фусте, четвёртом ребёнке Густава и Эммы.

В семье его с детства называли Гера. Он родился в 1925 году на Кавказе, где семья жила в маленьком немецком рабочем посёлке. В местной школе его отец – Густав Иванович Фуст – работал учителем литературы и русского языка. А мама – Эмма Христиановна – воспитывала шестерых детей. Это была очень дружная семья, где все заботились друг о друге не только тогда, в детстве Геры, но и потом, в старости, до конца жизни.

У нас хранится фотография, где прадедушка Герберт Густавович изображён со своей мамой и с моей мамой. Мне приятно рассматривать эту фотографию: прапрабабушка Эмма Христиановна совсем старенькая, седовласая, в аккуратно повязанном светлом платочке. Спокойно и строго смотрит она на нас с этой фотографии. А прадедушка Гера чуть улыбается и выглядит таким энергичным, как будто он вот сейчас встанет и скажет всем что-нибудь весёлое, бодрое и остроумное. Я знаю, что у него было замечательное чувство юмора.

В Челябинске и за его пределами сотни людей знают и помнят моего прадедушку. Он прожил в нашем городе больше 60 лет и 35 из них учил детей. Я знаю, что многие из тех, кто знал его, вспоминают о нём с благодарностью и нежностью.

Нелегкая юность

Но вернусь к тем годам, когда мой юный прадедущка оканчивает школу и мечтает стать учителем.

В 1941 году шестнадцатилетний Герберт Фуст поступает в Пятигорский учительский институт на физико-математический факультет. И вдруг ВОЙНА. После начала войны НКВД забирает 17-летнего парнишку в трудовую армию, как и многих жителей Кавказа с нерусскими фамилиями. Несколько лет были отданы непосильной работе в трудовой армии на строительстве ЧМЗ, где прадедущка чуть не погиб. От усталости и голода он потерял сознание во время рабочего дня, и его приняли за умершего, которых собирали и увозили в конце рабочего дня в места захоронений.

Он очнулся ночью от холода. В темноте долго не мог понять, где находится. На рассвете увидел кругом людей, много людей, но все они были мертвы... Вот так случайно его не похоронили живым.

Только через пять лет (в 1946 году) его отпустили из трудовой армии. В 1946 году Герберт Фуст был демобилизован с пометкой, как и все немцы, «неблагонадежен».

Но он по-прежнему хотел стать учителем и поступил в Челябинский педагогический институт на географический факультет.

По окончании института Герберт Густавович начал работать в школе №2 ст. Челябинск ЮУЖД учителем. Семь первых лет он работал учителем географии, восемь лет – завучем, а последние двадцать лет (с 1966 по 1985 год) — директором школы.

Прекрасный преподаватель

Бывшая ученица, а ныне учитель Ольга Солдатенкова так писала о нем в статье «Этого немца мы уважали» газеты «Призыв» от 05.20.2008г.: «Он никогда не повышал голоса. Мы бегаем по коридорам, шалим. Кто-то упадет, и Герберт Густавович не наказывал. Наоборот, поможет встать и успокоит».

В этой же статье завуч школы Алла Федоровна Строй говорит: «Он сумел поднять престиж школы на должную высоту. С его участием создан музей боевой славы имени 96-й танковой бригады, один из лучших не только по сети дорог, но и в стране».

И сегодня на стене школы продолжает висеть мемориальная доска с именами участников 96-й танковой бригады, а экспонаты музея бережно сохраняются в стенах школы.

Целыми классами приходили ученики в дом к Герберту Густавовичу и Олимпиаде Михайловне, тоже учителю. Хлебосольно и радушно встречали их. Мама вспоминает, что выпускники 50-60 годов проводили классные встречи у них долгие годы.

А вот как вспоминает моего прадедущку его бывшая ученица, а ныне учитель нашего лицея Елена Георгиевна Куликова: «Помню, как он умел очень деликатно, без нажима руководить нами. Так, что «руководства» мы и не чувствовали. Это было и раньше, на уроках, и в походах, где, казалось, мы «вырвались на свободу». В нем самом, в нашем учителе, так велико было чувство собственного достоинства, что и в нас он берег, лелеял малейшие проблески этого чувства. Несколько раз я получала его замечания – скорее, советы. Тихо, спокойно, иногда чуть шутливо – и почти всегда наедине. Он берег и возвращал мое чувство собственного достоинства». Еще одну интересную историю рассказала мне Елена Георгиевна: «Герберт Густавович рассказывает на уроке географии в 5 классе, как видел на Кавказе барса, который залез в огород и, стоя на задних лапах, обнимал и ел початок кукурузы. Пройдет около сорока лет, и я приду в гости к Олимпиаде Михайловне и Герберту Густавовичу (конец девяностых годов). Мы проговорим почти шесть часов о многом, и я вдруг спрошу об этом барсе из моего пятого класса: «Он был или Вы его придумали, чтобы мы лучше представили?» И окажется, что на Кавказе, где прошло детство моего учителя, барсы заходили в огороды и, именно так, стоя на задних лапах и обнимая

передними лапами початок, ели кукурузу. Сведения о барсах свяжутся потом с другими – на Кавказе не водятся тигры! Значит, «Витязь в тигровой шкуре» — это ошибка переводчика»...

Прадедушка-путешественник

Герберт Густавович любил детей и хотел, чтобы они знали и ценили красоту Южного Урала. С учащимися он совершил 27 походов по горам Южного Урала. Маршруты походов он обдумывал и составлял сам. Разработанными им маршрутами и сейчас пользуются туристы. Целых шестнадцать лет прадедушка являлся начальником штаба слетов юных туристов школ ЮУЖД.

На эти слеты собирались дети всех железнодорожных школ нашей области. И слеты проводились так, что ученики любили ходить в них. В 1960 году Герберту Густавовичу присвоено звание отличника народного просвещения.

Заслуженные награды

За свои 35 учительских лет прадедушка сделал столько важного и интересного, что его не раз просили выступить с рассказом о своем опыте, даже в Москве на Всесоюзных педагогических чтениях. У моего прадедушки есть награды.

В 1970 году он награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

А в 1992 году он награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

Спустя три года после смерти моего прадедушки бывшие ученики и учителя школы №2 ЮУЖД ст.Челябинск написали на сайт городской администрации (от 30.04.2008г.):

« 30 лет директором бывшей дорожной школы № 2 был Фуст Герберт Густавович. Этот человек оставил неизгладимый след в сердцах тысяч выпускников этой школы и их родителей. Просим Вас рассмотреть возможность создания комиссии по увековечиванию памяти о Герберте Густавовиче в нашем городе. Этот человек достоин внимания. Его уже нет, и нужно оставить память о нём. Это был настоящий учитель».

А бывший ученик В.М. Терентьев написал: «Пять моих детей прошли школу жизни и получили знания в стенах учебного заведения, которым не один десяток лет руководил Фуст. И считаю, что имя такого руководителя надо увековечить в памяти потомков».

Через пять лет после смерти, 9 мая 2008 года, по инициативе его учеников, на торжественной линейке, посвященной Дню Победы в Великой Отечественной войне, у входа в его родную школу была установлена мемориальная доска: «В этой школе с 1950 по 1985 год работал Фуст Герберт Густавович – Заслуженный учитель России».

Человек жив, пока жива память о нем в сердцах потомков.

Скударь Мария, 5э4 класс

Материалы помогли собирать: Фуст Бруно Густавович-составитель древа рода, Киселева Наталья Степановна- бабушка, Скударь Анна Игоревна-мама, текст редактировала Полина Калуга, 11 кл.

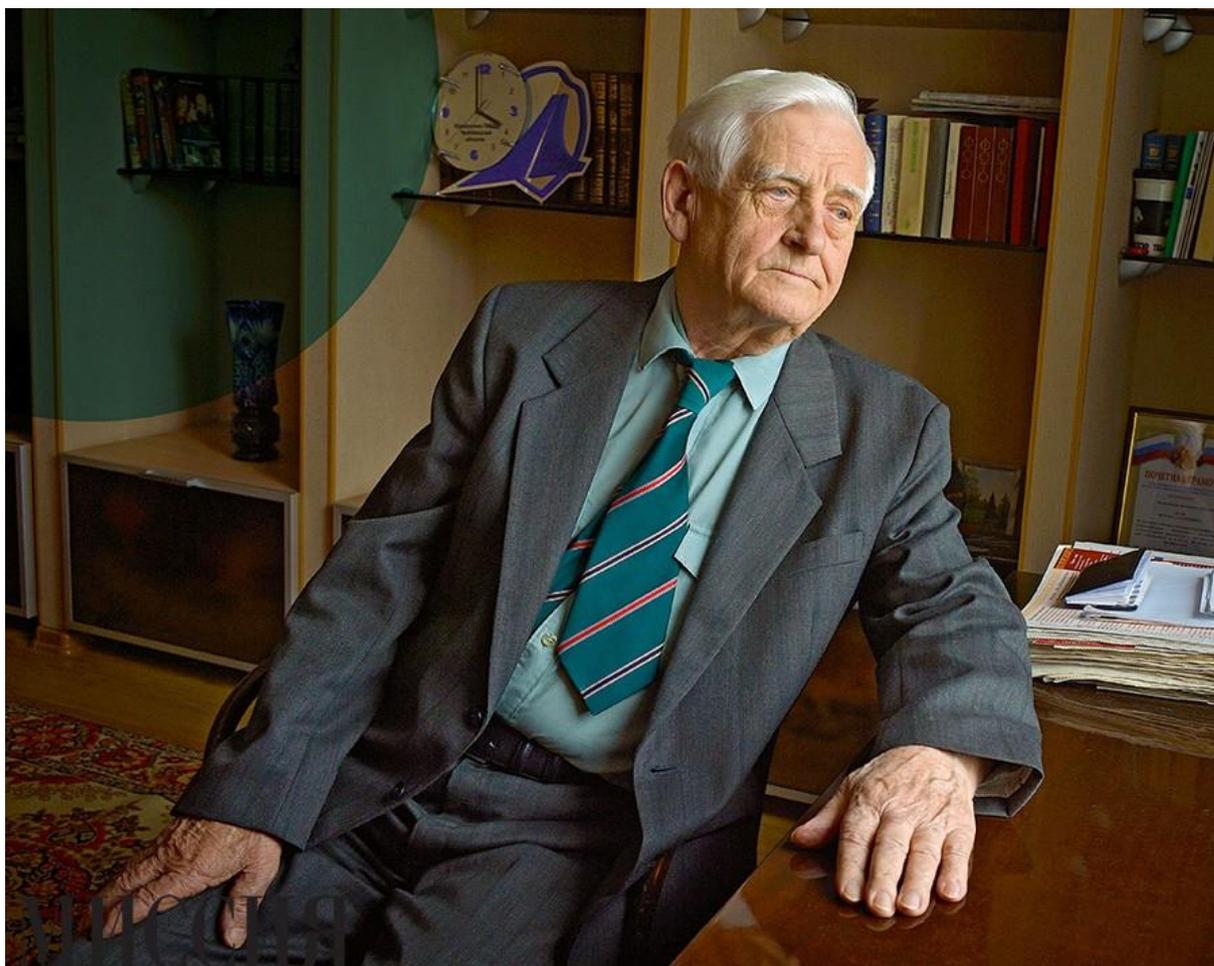
<http://family.l-11.ru/?p=1506>

Артур Дель: у него была мечта

Данил Плотников Июль 2016

Челябинск многим обязан этому человеку. Влюбленный в автомобили, он всегда чувствовал и знал, о чем молчат улицы нашего города, и что же им нужно. Однажды Артура Адамовича Деля спросили, как ему удалось в течение стольких лет занимать должность

начальника областного ГАИ. И он ответил: «Все просто: надо водку не пить и взятку не брать». Но после нашего разговора с Артуром Адамовичем я открыл для себя еще кое-что: обязательно надо мечтать.

- Артур Адамович, я знаю, что вы принадлежите к поволжским немцам. Многие из них оказались на Южном Урале не по доброй воле. Расскажите именно о вашей семье?

- Всех немцев Поволжья репрессировали в 1941 году. Их республика называлась АССРНП. (прим.редакции Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья). Нашу семью – мать, две сестры и три брата – забросили в Тюменскую область, Ашинский район, в деревню Малое Песьяново. Мне тогда было пять лет. Отца я никогда и не помнил. В 1937 году, когда мне был всего один год, его расстреляли за «антисоветскую пропаганду». Мои сестры были отправлены в Челябинск, они работали в трудармии – одной тогда было 13, а другой 15 лет. В Ленинском районе на Семстрое они были задействованы на строительстве – таскали на спинах шлакоблоки. Старший брат был неграмотный. Мы с ним ложились на русскую печку – я читал, он усваивал – так и выучился на тракториста. Второй брат был в колхозе. А я в той деревне окончил семь классов, а после уехал учиться в Ишимский район за 40 километров, хотел окончить 10 классов. Образование тогда было платное – 150 рублей в год.

- Эта сумма была ощутимой для вашей семьи?

- И не говорите. Старший брат к тому времени уже стал работать на тракторе. Он привозил мешок муки на базар, продавал, и эти 75 рублей шли заплатить за меня. Так продолжалось все три года. Когда я учился в 10-ом классе, брата отправили в школу механизации, потом такие школы стали называться ремесленными училищами. После своих

занятий я бежал туда, потому что там преподавали земледелие и полеводство. Потом все записанные мной конспекты я передавал брату.

- То есть вы учились за него?

- А что было делать? Средний брат потом уехал к сестрам в Челябинск и работал там строителем-каменщиком до тех пор, пока не уехал в Германию. А когда я закончил десятый класс, то у меня была одна мечта: за руль сесть.

- Тяга к автомобилям была у вас с юных лет?

- Когда из деревни зерно возили в город, я грузчиком устраивался лишь бы поближе к машине быть.

- Про шоферов тогда говорили «белая кость»?

- Так и было. И вот едем мы с шофером 40 километров. Сперва он позволял мне подержаться за руль, а потом и на место свое пускал. Как-то раз, когда я учился в седьмом классе, мы разгружали полуторочку. Я знал, как зажигание включить, какие кнопки на руле нужны, знал, что рукояточку крутнуть надо. Ну я машину завел и отогнал. От шофера мне тогда влетело. Когда я учился в 10-ом классе, нас отправили на картошку. И вот едем, а газ пыхтит, фырчит, не тянет. Боковые выемки были открыты, я с кузова – на подножку и давай бензонасос качать. Прокачал воздух в карбюраторе, и машина пошла. А классный руководитель ругался.

- Откуда же вы знали про устройство автомобиля?

- Я читал! А правила узнал, когда закончил курсы шоферов.

- Ваша юность пришлась на послевоенное время. Вы, как поволжский немец, не ощущали какой-либо дискриминации?

- Представь, мне пять лет, кругом голод, холод. Мне повязывали шарф, и я сходил за девочку. Все говорили: ох, какая симпатичная девочка! С нами рядом жили две старушки, к которым мы со средним братом особенно любили ходить. Как-то раз в печи у этих старушек было две печенки. Одну они отдали той девочке.

А когда я в 5-ый класс ходил, у меня были штаны из мешковины сшиты, ляпка через плечо, а кофта – мамина. До обеда носил ее я, мама сидела дома. Я приходил из школы, отдавал кофту матери, и она шла на работу. Так и жили. Был у нас свой огород, своя коровенка. Летом по утрам ходили по ягоды, чтобы хоть ведро ягод было. Помню, как со средним братом ходили прошлогодною картошечку искать, колосок собирать, грачей разорять. Все шло на пропитание в школе. Завтрак: кусок ржаного хлеба. Если маргаринчику и сахарку посыпать – праздник! Помню, как на большой перемене в школе продавали булочки по 10-20 копеек. Все покупали, а я прятался, чтобы не смущаться.

- Давайте поговорим о вашей мечте. Какими были ваши ощущения от первой поездки за рулем?

- Ощущение полета... На экзамене по вождению была у меня дилемма: с какой передачи трогаться – с первой или со второй. Преподаватель посоветовал спросить это у экзаменатора, я до сих пор помню, что это был старший лейтенант по фамилии Винник. Я его спросил, он промолчал. Тогда я включил вторую передачу и метров пятнадцать проехал. Слышу: стой, вылезай, не сдал! Через три месяца повторный экзамен. Поехали с тем же Винником. Он мне говорил ехать под запрещающие знаки, а я вел, как надо. Помотал он меня минут сорок. И 7 ноября 1955 года я получил удостоверение шофера 3 класса.

Прошло какое-то время, и я приехал в Челябинск искать работу. Вижу: автотранспортная база номер 4 в Ленинском районе. На заборе написано: требуются шофера. Прихожу, а там зав. гаража дядя Ваня, посмотрев на меня, десятиклассника, говорит: «Нет. Нам шофера не требуются». Иду я по этой конторе дальше, вижу написано «ПАРТКОМ». Сидит там человек, чувствую, военный. Говорю ему: «У вас написано, что требуются шофера, а меня не принимают». Он надевает полушубок военный – пошли! Мы выходим, а время к пяти, машины как раз возвращаются с работы в гараж. А это ЗиС-585, я такую машину первый раз видел. Сел, поехали в

сторону ТЭЦ, Энергетиков, Копейска. Возвратились в гараж. Дядя Ваня получил приказание – принять!

- Какую смекалку вы проявили! Никогда не были стеснительным человеком?

- Я упорный был до конца. На второй день дядя Ваня подвел меня к забору, там стояла рама, кузов, кабина – ГАЗ 93, самосвальчик. «Вот твоя машина, – говорит, – собирай, заводи, поедешь работать». Ходил я вокруг нее день. Ну что я мог сделать на морозе? Даже двигатель не завести было. На третий день пришел начальник авторемонтных мастерских. Мы машину на буксир и в теплое помещение. Там я разобрал ее до ниточки, собрал обратно и поехал.

- Так началась трудовая деятельность?

- Это был 1956 год. А в сентябре мне пришла повестка в армию. Меня направили в Калугу, в части противовоздушной обороны Москвы.

- Вам хотелось в армию?

- Не стоял такой вопрос.

- Но вам не было жаль прощаться с рабочим местом?

- Так я думал, что в армию приду и опять за руль сяду. В армии я был оператором комплекса ПВО. Вдруг пришла разрядка – отправить двух шоферов в окружную автомобильную школу в Серпухов. Я, конечно, хотел, но меня не взяли. Отправили других парней, но один вернулся. Оказалось, перед армией его лишили прав. А больше шоферов не было, так я и вырвался. Был одним из 32-х инструкторов по вождению. Нас там готовили в разведчики и хотели отправить в немецкоговорящую страну. За три года службы я сдал на преподавателя по вождению первого класса. В 1958 году я демобилизовался.

- Что было после армии, вернулись на то же место работы?

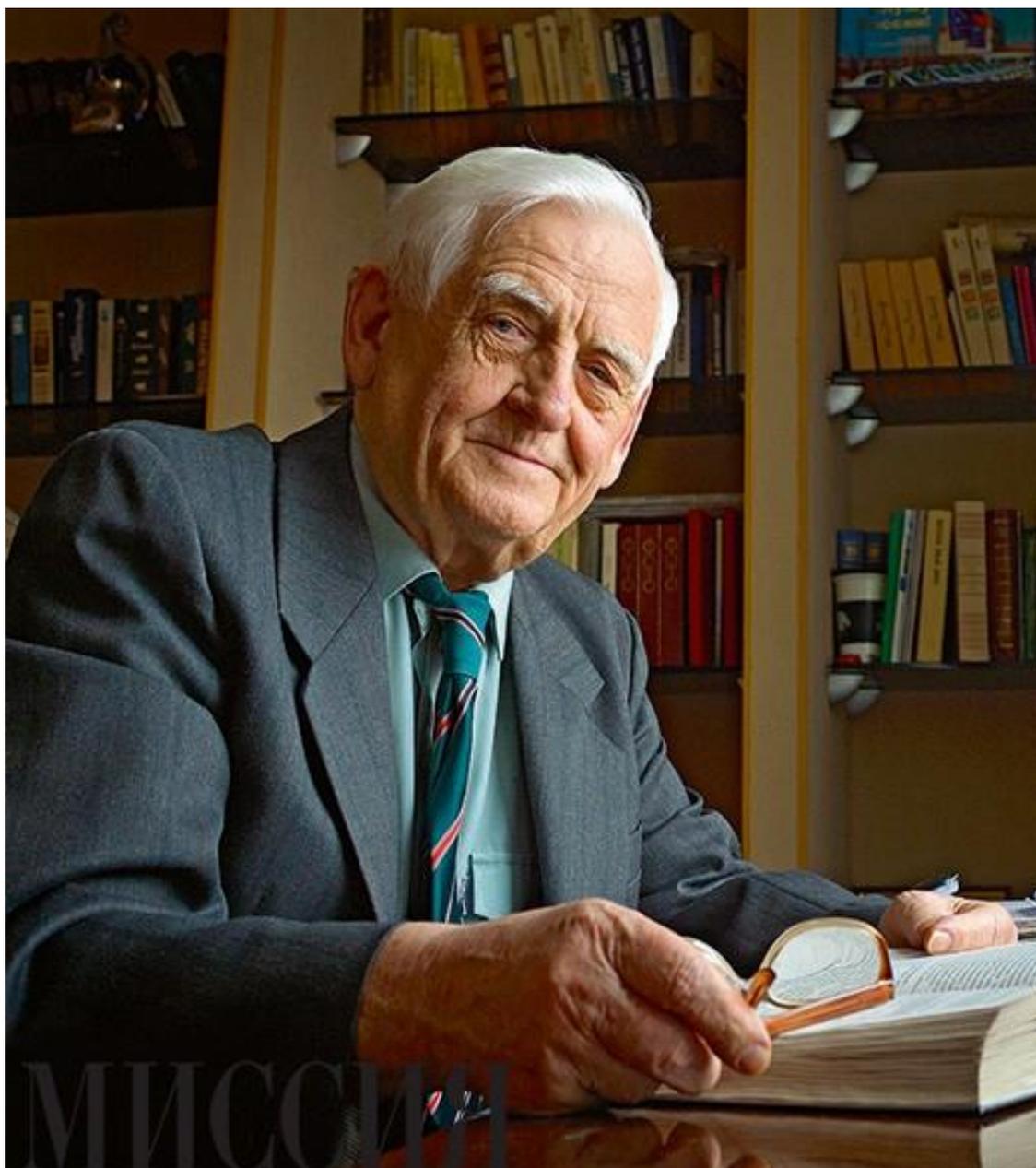
- Я пришел, а там был умный начальник эксплуатации Флейшман, который посмотрел мои документы и сказал, что мне там делать больше нечего. После отъезда меня в ремесленное училище №33, где требовались преподаватели. Меня взяли как мастера производственного обучения. Однажды я вел занятие и зашел механик училища с просьбой отвезти его на Трубопрокатный завод. На подъезде к заводу были ворота справа, слева и прямо. В метрах пятидесяти перед этими поворотами стояла машина, я только наклонил руль объезжать ее, а с левого поворота ЗИС-5 с прицепом с трубами вышел. Я притормозил, остановился, а в той машине за рулем умный был мужик, он чуть правее принял и колесами чуть-чуть на бордюрик встал. Так мы и разъехались. Далее мы с механиком подъехали к проходной, как слева ко мне подошел штатский: «Дай права!». Я опешил – как это дай права? Он мне сказал, что я машину загнал на тротуар. Я не согласен был с такой ситуацией, и мы с механиком уехали обратно в училище. Дня через три меня вызвали в милицию для разбирательства. Приехал я туда – за столом сидит капитан, а справа – старший лейтенант. Я отдал капитану документы, все какие у меня с собой были, а у капитана того, по моему, было четыре класса образования. И он минут пятнадцать разглядывал мои документы... Решили оформлять протокол. Отдали его мне, а там над всеми сведениями надо было ставить подпись нарушителя, тогда я как встал со словами: «Да какой я вам нарушитель, я три года людей учил в Москве!» Старший лейтенант мне в ответ: «Да не кипятись, солдат, почему бы тебе у нас не работать?» – и с этим позвонил начальнику милиции. Так я стал инспектором дорожного надзора.

- Сегодня к работникам МВД отношение предвзятое. Особенно к тем, кто стоит с жезлом на дорогах. Раньше отношение к ним было таким же?

- За 38 лет, что я проработал, 14 лет я был начальником ГАИ города и 16 лет начальником ГАИ области. За это время ни один человек с нашей службы ни в чем не провинился. У нас был очень строгий отбор, воспитание и контроль. И отношение людей к нам было соответствующее. Ни разу не было случая, чтобы когда-то кто-то не попал ко мне на прием. Мои двери всегда были открыты для любого человека.

- Расскажите, как раньше фиксировали нарушение скоростного режима?

- Глазами...
- **А если водитель был не согласен?**
- Такого не было раньше. Никто наши протоколы не обжаловал.
- **Это воспринималось как должное?**
- Так мы и привлекали только за дело. Мы всегда вникали в ситуацию – нахалом несется или нормально едет человек? Раньше было гораздо больше неисправных машин – вот что страшно.
- **Когда вы работали инспектором, вам полагался свой транспорт?**
- У меня был мотоцикл.
- **Днепр у вас был? М-72. Современный Днепр. Я был такой в сапожках, пистолет на боку, что ты!**
- **И форма красивая? От поклонниц, наверное, отбоя не было?**
- Тогда еще гимнастерки синие такие были. А когда мне одели офицерские погоны, что ты!
- **А на мотоцикле вы ездили круглый год?**
- Да, и зимой, и летом. Я спину свою угробил на мотоцикле. Потом много лет ездил лечить ее в Сочи.
- **С точки зрения запчастей и бензина службу хорошо обеспечивали?**
- Вопросов с этим не возникало. Бензин раньше был дешевле газводы.
- **Когда началась ваша карьера в ГАИ, вы поняли, что сбылось то, о чем мечталось?**
- Года через два после того, как я попал в ГАИ, меня назначили на должность госавтоинспектора. Если у инспектора дорнадзора оклад был 85 рублей, то тут 105 рублей! Потом меня назначили начальником отделения РУД.
- **Графа о вашей национальности не мешала строить карьеру?**
- Мешала чуть позднее. Я это понимал, когда видел движение кадров. Вроде бы мне пора, а все время толкали кого-то другого. И вот, в 1979 году, видимо, уже никого не осталось. Когда Руденко подписывал приказ о назначении меня начальником ГАИ области, то поинтересовался, почему меня все-таки недолюбливают? Это потом мне один из полковников рассказал. Я ему ответил: ты бы сказал, что все очень просто – недолюбливают, потому что я водку не пью и не нарушаю. Особенно это касалось пьяниц. Боже упаси, чтобы я отпустил кого-то.
- **Часто водители обращаются к инспекторам с предложением решить вопрос на месте. У вас были такие прецеденты?**
- Первый случай произошел осенью 1960 года. Меня послали в командировку на уборку урожая в Чесменский район. Там я задержал начальника геологоразведки с двумя женщинами ночью пьяным. Они были на ГАЗ-51. Мне пришлось дважды перекрывать им дорогу – степь, легко было объехать и уйти. Но все равно мы его задержали – руки за спину, машину в райотдел, а на утро начали разбираться. Пришел начальник милиции Слухенко и говорит: «Младший лейтенант, что же ты тут натворил!». Я ответил, что задержанный был пьян, и я это точно знаю. Тот возмутился: «Да что ты, товарищ-лейтенант, я всего-то стакан выпил!». Ничего ему не помогало, я начал составлять протокол. Тогда он достал пачку сотенных и бросил мне на стол. А там кабинетишко-то был... Я дверь ногой толкнул и стал звать дежурного. Начальник геологоразведки хватил свои деньги и бежать. В итоге выписали ему штраф 300 рублей. Второй случай произошел, когда мы жили на Сельмаше. Спал я ночью, как меня мать будит: к тебе пришли! Я вышел, а там тот, кого я ночью пьяным задержал, деньги мне сует. А ему ответил: «Может ты лучше скроешься с глаз долой?». Мне приходилось на уборочной и судейских, и прокурорских работников задерживать. На уступки не шел никому.

- Когда вы задерживали прокуроров и судей, то не боялись, что они потом создадут вам проблемы?

- Нет, даже в голову не приходило. Сколько я работал, все знали – к Делю можно идти с любым вопросом. Все что более менее можно обойти – он решит. Но с пьянкой не приходиться! Это было исключено.

- Я читал про вас, что вы вынесли ряд предложений по повышению безопасности дорожного движения. Сейчас для нашей страны это большая тема.

- У людей не работает инстинкт самосохранения. К этому приводит бесшабашность и распущенность.

- Это внутренний человеческий фактор или такова организация дорожного движения?

- В первую очередь, это самодисциплина. И только потом организация движения. Могу рассказать, как родились подземные переходы на площади Революции.

- То есть инициатива первого подземного перехода в Челябинске принадлежит вам?

- Да. Нам удалось убедить руководство в их необходимости. Строительство началось после

майской демонстрации, а к октябрьской они были готовы. Мы первые после Москвы и Ленинграда внедрили телемеханическую систему управления дорожным движением: от памятника Курчатова до ЧТЗ. Для этого надо было прокладывать кабель, а это деньги большие. Благо, начальник городских телефонных сетей, Наюк Виталий Викторович, был умница. Он соединил нам линию. Зеленая волна и сейчас бы работала. Только из-за геометрии перекрестков скорость смещалась: где-то надо было идти 40 км в час, где-то 60 км в час. Когда все было запущено и отрегулировано, мы поехали с председателем ГИКа Лукашевичем вместе. По волне ехали 7 минут, а без нее – 18 минут.

- Сейчас бы пересекать данный проспект за такое время...

- Раньше сообщение Свердловского проспекта с Северо-Западом проходило через улицу Каховскую. Сейчас эта улочка как тротуар. Благо, Лукашевич меня послушал и для строительства Комсомольского проспекта были снесены два пятиэтажных дома и перенесен один завод местного производства.

- Комсомольский проспект получился очень красивый, широкий. Спасибо вам.

- А вот весь Северо-Запад... Другой...

- Будет интересно сравнить дорожную ситуацию Екатеринбурга и Челябинска.

Говорят, сначала построили Свердловск, поняли, как не надо строить города, и построили Челябинск. Ситуация на наших дорогах гораздо лучше. И мне очень приятно иметь честь поговорить с человеком, благодаря которому все именно так.

- Да, я страшно боролся. В то время от проспекта Ленина до улицы Тимирязева была всего одна полоска. Я настаивал на том, чтобы прорубить вторую. Наконец, мне подвернулся случай рассмотреть данный проект. Но все это деньги. Когда все дошло до председателя обкома профсоюза, то он возмутился, как какой-то милиционер может что-то указывать. И он сказал Лукашевичу: «Что там у тебя за милиция! Это настолько серьезный вопрос, что я, наверное, на бюро обкома вас приглашу!». А что такое бюро обкома? Ты приходишь туда и партбилет кладешь на стол. Получишь ли обратно – неизвестно. Лукашевич позвонил мне: «Что же ты там натворил... Мне жалуются, грозятся нас на бюро обкома вызвать». Я ему говорю: «Леонид Николаевич, я хочу как лучше для города. Надо эту улицу пробить». Он ответил мне: «Ты прав, конечно. Но нам их не одолеть». И только Юревичу удалось это сделать. Я подумал тогда – ну, слава Богу, еще одна моя мечта в Челябинске осуществилась. Но были и другие. Это проспект Победы – Российская, проспект Ленина – Свердловский. Эти две точки нужно разгрузить. Для этого нужно уйти под землю, чтобы проспект Ленина и Свердловский были на двух уровнях. Свердловский сам просится наверх.

- Говорят, в Челябинске отсутствует кольцевая магистраль. Вы рассматривали этот вопрос?

- Видишь, в чем беда: новые дороги – неплохие, другая вещь, что они поганно сделаны. Ведь это умная мысль была – вдоль Шершневого водохранилища вывести магистраль на Уфимский тракт. Но ведь уперлись, подняли шумиху в газетах. Такая разгрузка для города, а все вцепились – бор погибнет! Он и так гибнет, сколько его вырубают. Лучше бороться за то, чтобы бензин был качественный.

- Еще многие говорят, что подземный переход – это источник криминальной опасности.

- Нудистика это! Что наверху криминально, что внизу – один хрен. Цель подземного перехода – сохранить жизни. Я раз пять был в Германии, был Лондоне, Вене, Корее и ничего нового там не увидел. Все академические знания по организации дорожного движения и по развязкам у нас так же применены.

- А правда, что на Западе от подземных переходов начинают отказываться?

- Ерунда. Там культура вождения связана с культурой уважения к человеку. Едем как-то раз

по Берлину. Вот дорога в три полосы, а со двора выезжает машина. Все три полосы остановились, чтобы пропустить его одного. Где ты такое у нас увидишь?

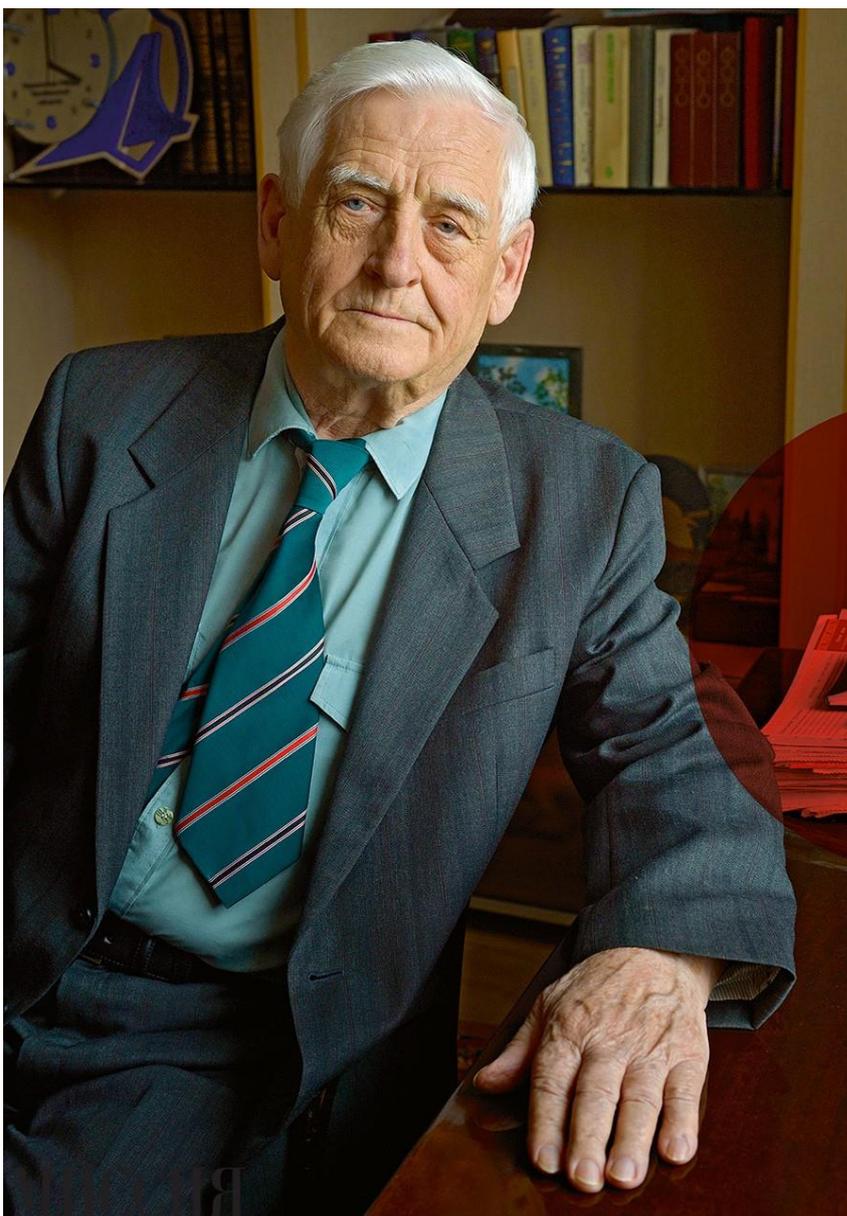
- Также в странах Запада приходят к тому, чтобы ограничить пользование автотранспортом в пределах центра города...

- Это разумно, я за это.

- Челябинск придет когда-нибудь к этому?

- О, это как у Некрасова... Жаль в эту пору прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе. В этом плане мы находимся на уровне первобытного развития. «Товарищ полковник, ну тьяма не та!» – как говорил один наш сотрудник-технар.

- Вы начали занимать руководящие посты в 70-ые годы. В этот период в Тольятти сдается Автомобильный завод. Начинается автомобилизация общества. Когда у вас появилось свое собственное авто?

- Я не помню, в каком именно году у меня появился москвиченок. Я ездил за ним в Ижевск на завод. Половину денег занял, а другие 2,5 тысячи у меня свои были накоплены. И вот мы с друзьями отъехали от Ижевска километров 50, как пых-пых – непонятно, что такое. Сборщики на заводе, студенты-сволочи, в бензин мне воды плеснули специально. А движок у машины был замечательный. Мой брат потом еще доезживал его.

- **А о «Волге» вы мечтали?**

- Нет, я равнодушен был к этому. Потом у меня были жигули, шестерка белая с пятиступенчатой коробкой. Я на ней ездил до 70-ти лет, а потом мне сын подарил хендай, он сейчас в гараже стоит. Я второй год уже почти не езжу, не рискую.

- **Часто в архивах я находил информацию об иномарках в качестве служебных машин в Советском ГАИ. Вам привозили такие, или они были только в столице и Питере?**

Докладываю: первые два мерседеса администрация Челябинска получила в 70-ые годы. Эти машины использовались исключительно для встречи и проводов высокопоставленных лиц. Однажды мы поехали с Вадимом Павловичем Соловьевым в Свердловск встречать Гайдара. У меня тогда была парадная Волга, и где-то за Каслями у нее полетел ремень вентилятора. Потом Вадим Павлович вызвал меня: «Ты, бесстыдник, садись за стол. Ты почему не говоришь, что у тебя машина плохая. Бюджета нет? А я для чего тебе? Приди потом!». Проводили Гайдара, и я пришел. Вадим Павлович вызвал начальника финуправления: «Подготовь постановление – пять вольв!». И мы их получили.

<http://www.missiya.info/articles/6545#.WMkeDNKLSig>

Мне кажется, что с работой инспектора может справиться человек с особым мышлением и характером. Потому что инспекторы встречаются не только добропорядочных граждан, всегда есть шанс нарваться на того, кому нечего терять...

Смотри: даем мы объявление в вечерку о том, что нам требуются инспекторы. Приходят по этому объявлению двадцать пять человек. С каждым я беседую лично. Из двадцати пяти остается трое. Еще через полгода из них остается один. В какой-то момент начальник кадров заколебал меня: «Да что ты их отбираешь, как в космические войска!». Я ему ответил: «Яков Федорович, видишь телефон? Он ведь не умолкает, звонки постоянные: там не так, тут не так, тут нагубили, там нахамили». Наконец, случилась одна история. Яков Федорович жил на ЧТЗ. Ехал он в сторону дома на своих жигулях, и его остановили. Документы! «Но я полковник Мозуренко, начальник кадров УВД» – говорит он. «Документы!» – повторяет инспектор. «Ну я ж тебе говорю, что я полковник Мозуренко!», – не сдается Яков Федорович. «А, да моя твоя морда видел. Документы!» – требует инспектор, он, кстати, татарин был. После этого Яков Федорович приехал на работу злой, аж трясло его. Так тщательно я отбирал наших сотрудников, они были все порядочные. И каждый должен был распознать, кто за рулем – доктор, профессор, инженер, ученый, сукин сын, жулик. С каждым нужно вести себя соответственно. Наша служба всегда была выше других служб, из-за чего уголовники, особенно высшего звена, нас и меня в том числе страшно ненавидели.

Сейчас достаточно показать корочку ФСБ, и вас сразу отпустят.

В мое время корочки были только у КГБ, на которых стояла подпись: начальник УВД генерал Руденко, начальник ГАИ области полковник Дель.

А вы смотрели Наша Russia? Там есть образ гаишника, который не берет взятку.

Это издевательство. Все направлено на то, чтобы унижить, уничтожить службу. Я не могу успокоиться, не могу простить Громова. Это генерал-полковник, герой Советского Союза, губернатор Московской области, человек, который прошел Афган. Его подчиненный, министр финансов Кузнецов украл 14 миллиардов и сейчас сидит за рубежом. И никто не может добиться того, чтобы его забрать оттуда. Но ведь этот Кузнецов сидел рядом с Громовым. Как генерал мог допустить такую вещь? Повязан в этом же болоте...

То есть главное – внутренняя гигиена?

Во! Гигиена! Как ты это сказал...

Мы изживем подобные явления?

До этого еще далеко.

Но надежда есть?

На этом уровне развития нет. Молодежь другая. Идет клизма на тонких ножках: в одной руке сигарета, в другой пиво. Нет святости семьи и семейного воспитания.

Вам нравится, когда люди отстаивают свои интересы?

Если в этом заложен не корень зла, а корень правды и справедливости – то никаких вопросов.

Может быть, наша жизнь начнет меняться тогда, когда мы станем отстаивать свои интересы?

Если это что-то разумное. Не надо отстаивать кружку пива и сигарету. Этого я не пойму.

Артур Адамович, как вам удалось сохранить в себе такую любовь к жизни и своему делу?

Это философский вопрос.

В таком случае какие слова наиболее точно отражают ваше восприятие самого себя?

Отвечу словами из «Фауста» Гете: «Я богословьем овладел, над философией корпел, юриспруденцию долбил и медицину изучил. Однако я при этом всем был и остался дураком». *За время нашего разговора Артур Адамович ни разу даже не намекнул о том, трудно ли ему приходилось на службе, и сколько же душевных сил она требовала от него. Но мы должны понимать, что в любой ситуации человек остается прежде всего человеком. Невозможно сохранить равнодушие, когда беда, и оставаться безучастным, когда требуется твоя помощь. Именно так проходили эти важные 38 лет – в любой момент по одному только звонку, в любую погоду и при любом самочувствии быть, а не казаться, работать на совесть, помнить о справедливости и думать прежде всего о людях. Вероятно, для этого требуется большое мужество. И совершенно очевидно, что только особенные люди живут ради других.*

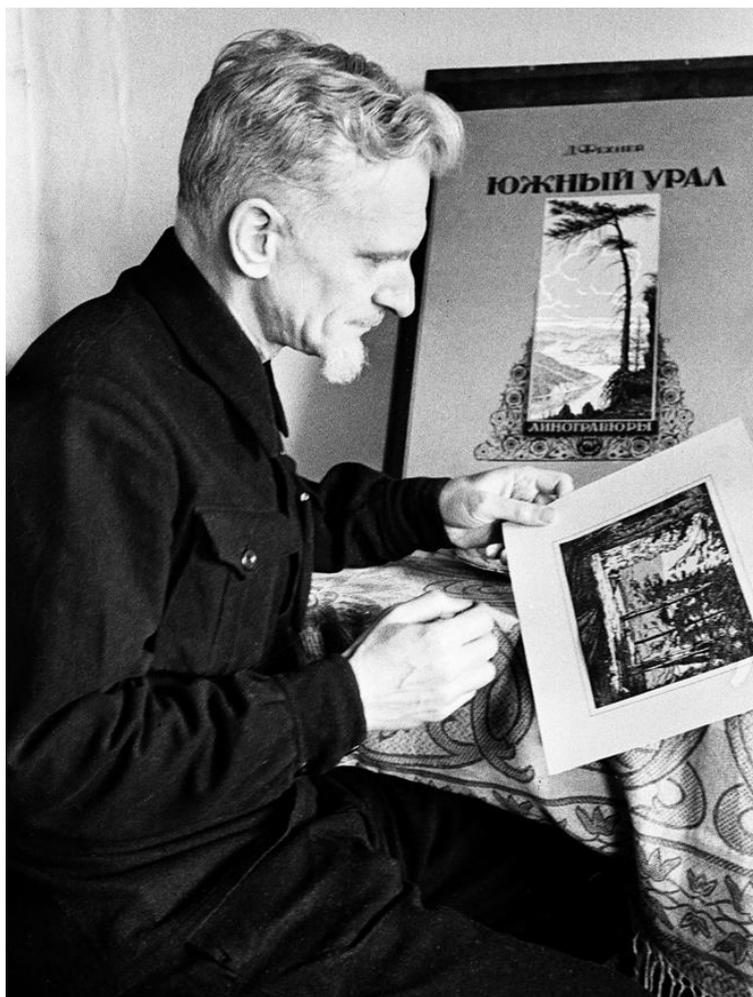
«Об Урале с любовью»

В Челябинске открывается выставка Дмитрия Фехнера

21.12.2017. Сегодня, 21 декабря 2017, в Государственном историческом музее Южного Урала открывается выставка Дмитрия Фехнера, посвященная 120-летию художника. Большинство работ не экспонировалось более 50 лет, а некоторые из них будут показаны впервые.

Почти все работы Фехнера посвящены Уралу. Дмитрий Федорович занимался печатной графикой, делал иллюстрации к книжкам, плакаты. Есть у него, конечно, производственная тема – заводские цеха, передовики-металлурги, сталевары, овечьи герои и романтикой плавки. Но сегодня, быть может, многим интереснее посмотреть виды старого Челябинска, уральские пейзажи, знакомые озера и речки, Ильменский заповедник, лесосплав на Юрюзани.

«Дмитрий Фехнер бытописатель – подробный, внимательный к деталям, — рассказывает живописец, член Союза художников России Валентин Качалов, — Он зарисовывал то, что видел, что делал. Фиксировал жизнь почти как архитекторы, я бы даже сказал протоколно, как на самом деле есть. Не Левитан, конечно. Но для краеведов и историков его работы имеют большую ценность».

Дмитрий Федорович родился в 1897 году, творчеством занимался в советское время – более полувека, с 1920-х по 1970-е годы. Много чего видел, две войны пережил. Рисовать учился в Тифлисе, в частной художественной школе Фогеля-Склифосовского.

В 1916 году Фехнер поступил в Петроградскую академию художеств, но вскоре его мобилизовали в царскую армию. В 1917 году попал в плен в Турции. В 1920-м уже служил в Красной армии. А через год, поселившись в Челябинске, постепенно вернулся к рисованию, познакомился с местными художниками, в том числе, с Николаем Афанасьевичем Русаковым, участвовал в выставках с Игнатием Вандышевым.

«Он первым из наших художников начал заниматься печатной гравюрой,— вспоминает член Союза художников России, художник-график Сергей Черкашин. — Резал линолеум и в несколько досок, в 2-3 цвета, печатал гравюры, довольно несложные. В основном, городские пейзажи – дом контор на Воровского-2, площадь Революции, парковые гравюры, Народный дом, который потом стал театром. Кстати, у него он еще таков, каким был до революции».

Сергей Леонидович напомнил, что Дмитрий Фехнер был одним из основателей челябинской организации Союза художников СССР. У входа в Выставочный зал Союза художников висит мемориальная доска, вырубленная в мраморе в виде доски на мольберте (авторы Сергей Черкашин, Александр Кудрявцев, мастер-гранитчик Григорий Скоропад). В списке художников-первопроходцев есть имя Дмитрия Фехнера.
Фото из архива музея

Татьяна Марьина

<http://uralpress.ru/news/2017/12/21/ob-urale-s-lyubovyu-v-chelyabinske-otkryvaetsya-vystavka-dmitriya-fehnera>

Забывтый зодчий

Знаете ли вы, кто сформировал современный облик нашего города?

29.10.2010

Имя Владимира Гофрата — первого главного архитектора Челябинска — многим южноуральцам ничего не говорит. Нет в областной столице ни мемориальной доски, ни памятника замечательному зодчему. А ведь именно ему обязаны своим появлением на карте города кинотеатры имени Пушкина и «Родина», общежития Южно-Уральского госуниверситета. Да и центральная магистраль Челябинска — проспект Ленина — построена по его проекту.

Вольдемар Карл Якоб Хофрат родился в 1905 году в Риге в лютеранской семье. Отец был счетоводом, мать — писмоводителем.

«Главными памятниками творчеству Владимира Гофрата являются, пожалуй, два здания — главный корпус санатория «Кисегач» и кинотеатр «Родина». Они неуловимо похожи друг на друга, как представители эпохи неоклассицизма в архитектуре, но это отнюдь не уменьшает их ценности как произведений архитектуры: в них читается почерк зодчего.

Кинотеатр «Родина» задумывался как первый и единственный в области для показа стереоскопических фильмов. Его здание — пример неоклассицизма в челябинской архитектуре. «Родину» хорошо видно даже с самого значительного расстояния благодаря крупномасштабности членений украшающего его коринфского портика и его глубине, здание великолепно вписано в окружающее пространство. В плане прямоугольное, как и было принято в те годы, оно радует глаз своей компактностью и простотой, несмотря на монументальность колонн его главного фасада, увенчанного треугольным фронтоном».

Из статьи Анны Филипповой.

— О родителях своих он сильно не распространялся, учитывая, что у него прибалтийские корни, — рассказывает об отце Игорь Владимирович Гофрат, — Боялись репрессий. Мы же немцы, хотя и жили в Латвии. Отношение к немцам тогда не ахти какое было. Единственное, что известно, что мои дед с бабкой были очень состоятельными людьми, имели свое поместье.

После 1917 года семья Гофрат (отец к тому времени скончался) из Риги эвакуируется, однако в родную Латвию Владимир Яковлевич еще вернется. Оканчивает художественный техникум в Саратове, затем Ленинградский институт гражданских архитекторов, по распределению попадает на Южный Урал. Видимо, сочетание гуманитарной и политехнической специальностей, полученных Владимиром Гофратом, плюс детство, проведенное в прекрасной Риге, и сформировало его как архитектора. Создавая генеральный план Челябинска, он видел улицы и проспекты широкими, а дома — удобными, высокими и красивыми. При этом всегда был уверен — новое не должно мешать старому. Областной центр в 30-е годы активно застраивался, многие здания XIX века были снесены. Он же настаивал на том, чтобы современная и старинная архитектура увязывались друг с другом.

В 1944 году Владимир Гофрат становится главным архитектором Челябинска. До него этой должности здесь вообще не было. Как не было и генплана. Дома и здания лепили хаотично, там, где было свободное место. А как это будет сочетаться с уже имеющимися сооружениями, никого не волновало. Гофрат же считал, что каждый населенный пункт, вплоть до колхоза, должен иметь свой генеральный план, свою перспективу застройки.

— Больше всего отец возмущался тем, что на него постоянно давили обкомовские власти, что некомпетентные люди указывают, как нужно поступать, — вспоминает Игорь Владимирович. — Те же диктовали, где какое здание должно стоять, как оно должно выглядеть. На этой почве у него возникали конфликты, он никогда не стеснялся ни должностных лиц, ни высокопоставленных чиновников, всегда свободно высказывал свое мнение.

Владимир Гофрат прекрасно знал историю Челябинска, мог рассказать о каждом доме, в каком году тот построен и кто его проектировал. Человек, увлеченный и страстно влюбленный в свою работу, он никогда не сидел без дела. Приходил из политехнического института, где преподавал, немного отдыхал, закрывался в своем кабинете, чтобы никто не мешал, и на всю ночь вновь садился за работу.

В те времена все проекты рисовались от руки, мельчайшие детали сооружений скрупулезно прорисовывались карандашом. Архитекторы были больше художниками, чем инженерами, как сейчас. Относительно Владимира Яковлевича это утверждение более чем верно — после него остались десятки картин, тысячи эскизов и фотографий. Для него

отдыхом была смена занятий. От чертежной доски — к мольберту. От мольберта — к фотолаборатории. И это при том, что Гофрат был инвалидом с детства — у него была недоразвита правая рука.

Делом всей жизни для него стал поиск и организация мест отдыха, здравниц для южноуральцев. Вместе с женой и детьми объездил всю область, наносил на карту удобные для постройки баз места. Всегда был уверен: весь Советский Союз будет ездить в Челябинскую область отдыхать и оздоравливаться, если подготовить соответствующую инфраструктуру. Возмущался, когда в прекрасном уголке природы устраивали лесхоз и начинали лесозаготовку, когда в чистые водоемы сливали технологические отходы.

В 1947 году Владимира Яковлевича отправили в Курган, центр которого приобрел благодаря архитектору современный облик. Затем возвращение в Латвию, где он в основном занимался консультированием. Риге на память от своего сына осталось прекрасное здание медицинского училища.

Вновь вернулся в ставший для него родным Челябинск уже в качестве преподавателя института, многие десятилетия читал курс «Планировка и благоустройство городов». Все 50-, 60-летние архитекторы — его ученики. Например, Николай Семейкин — создатель небоскреба Челябинск-сити.

— Студенты его очень любили, — продолжает Игорь Владимирович. — Дело в том, что он был спокойным человеком. В жизни никогда не слышал, чтобы он на кого-то повысил голос или возмутился. Вывести его из себя было невозможно. Он объективно подходил к студентам, много внимания им уделял. Лекции всегда читал с увлечением. Имел целую библиотеку по искусству, истории архитектуры. В ней были даже издания XVIII века. В часть своих лекций включал выдержки из этих книг.

Владимир Яковлевич скончался в 1985 году. Никогда не жаловался на здоровье, по-прежнему много работал, занимался гимнастикой. В последний путь его провожало очень много челябинцев — коллеги из Гражданпроекта и института, бывшие студенты. У Владимира Гофрата, целеустремленного и интеллигентного человека, было много друзей. Он всегда относился к людям уважительно, как бы на него ни давили и что бы про него ни говорили завистники.

Сын Владимира Яковлевича стал военным, дочь — врачом. Внук Олег Гофрат пошел по стопам деда: занимается сохранностью сооружений и их эксплуатацией. Олег Игоревич уже несколько лет занимается историей своей семьи, составил генеалогическое древо. И конечно, ему обидно, что имя деда, человека, которому Челябинск обязан своим сегодняшним обликом, незаслуженно забыто. Летом внук первого архитектора попал на прием к губернатору Михаилу Юревичу и попросил главу региона увековечить имя деда. Михаилу Валериевичу идея понравилась. Когда кинотеатр «Родина» обретет новую жизнь после реставрации, на нем появится мемориальная доска в честь его создателя — Владимира Яковлевича Гофрата.

**Ольга СУКИНОВА,
Ольга ТИТОВА
«Вечерний Челябинск»**

<https://vecherka.su/articles/society/33559/>

Наш артист

Алекса́ндр Влади́мирович Паль (род. 16 декабря 1988, Челябинск) — российский актёр театра и кино. Лауреат кинофестиваля «Кинотавр» 2015 года за лучшую мужскую роль (фильм «Тряпичный союз»). Потомок русских немцев, оказавшихся на Урале в результате репрессий. Первоначально не планировал стать актёром. Учился в ГИТИСе на курсе Леонида Хейфеца. Играл в спектаклях Московского театра юного зрителя и Театра имени Маяковского.

Первой заметной киноработой Александра Паля стала роль в комедии «Горько!». Несмотря на то, что роль не являлась главной, Паль сумел привлечь внимание профессионального сообщества и журналистов.

Первой заметной киноработой Александра Паля стала роль в комедии «Горько!». Несмотря на то, что роль не являлась главной, Паль сумел привлечь внимание профессионального сообщества и журналистов.

После этого на экраны вышла комедия «Всё и сразу», где Паль сыграл одну из ключевых ролей. В 2014 году снялся в короткометражке «Нечаянно», награждённой призом кинофестиваля «Кинотавр» за лучший короткометражный фильм. Эта короткометражка вошла в альманах «Новые русские», в составе которого демонстрировалась в кинотеатрах.

В 2015 году вышло несколько фильмов с участием Александра Паля: «Парень с нашего кладбища», «Без границ», «Хардкор» и «Страна чудес». За роль в фильме Михаила Местецкого «Тряпичный союз» был удостоен приза за лучшую мужскую роль на кинофестивале «Кинотавр»-2015 вместе с актёрами Василием Буткевичем, Павлом Чинарёвым и Иваном Янковским.

На Московском международном кинофестивале 2016 года был награждён специальной премией Chopard Talent Award — самому талантливому и перспективному молодому актёру.

Гость программы Вечерний Ургант и интернет-шоу Юрия Дудя «вДудь».

Кадру из филъма «Свадьба»

Мертенс Вилли Александрович

(10.01.1988 г.р.Челябинск).

Образование: МОУ СОШ 96 с углубленным изучением немецкого языка, ЮУрГУ по специальности физическая культура. Тренер универсал в фитнес индустрии. Неоднократный победитель конкурса на звание лучший инструктор города Челябинска. Кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике. Победитель II летней спартакиады учащихся и призёр первенства России. Победитель эстафеты на кубок газеты «Челябинский рабочий» в команде спортивного клуба «Металлург». Состоял в сборной Уральского Федерального Округа по лёгкой атлетике.

Поэт, автор и исполнитель песен Гергенредер Виктор Викторович (Viktor Hergenreder)

поэт, автор и исполнитель песен. Родился 28 декабря 1957 г. в Челябинской области в селе «Красное поле» в семье российских немцев. Отец, Гергенредер Виктор Иосифович, поволжский немец, мать, Шингальц (Schonhals) Элля Ивановна, родилась в Омской области.

До 1963 года проживал в городе Тюкалинске Омской области. В 1963 году семья переехала в г. Ташкент, где Виктор прожил более 30 лет. В неполные 18 лет стал «Мастером спорта СССР»

по греко-римской борьбе. Окончил факультет экономики Ташкентского сельскохозяйственного института.

Первые стихи написал в 15 лет, а первые песни - в 17. Сильное влияние на творчество оказала встреча с известным писателем и поэтом Михаилом Гребенюком. Серьезно писать стал уже в Германии, куда переехал в 1994 году вместе с семьёй и своим отцом.

Первые концерты делал для своих друзей. Пел о судьбе и проблемах переселенцев и эмигрантов.

В 1999 году создал и возглавил в г. Веймаре межкультурную общественную организацию Веймар-99 (Interkultureller Verein Weimar-99 e.V.), которая занималась интеграционной работой с переселенцами и эмигрантами, приехавшими в Германию из стран бывшего Советского Союза. Членами общества являлись профессиональные художники из числа переселенцев и эмигрантов, в т.ч. и жена Виктора, Джамия. С их помощью были организованы тематические выставки «Старая родина – новая родина», «Германия – наш общий дом» и т.д. На открытиях этих вернисажей Виктор пел свои песни.

В 1999 году записал свой первый альбом «Ещё надеждами полна моя душа». Осенью того же года выступил перед многочисленной публикой жителей г. Веймара на Театральной площади, а в декабре провёл свой первый авторский концерт в столице земли Тюрингия г. Эрфурте. После этого стал выступать с сольными концертами по городам Германии; участвует в международных фестивалях авторской песни. Автор известных песен «Маэстро» и «Песня художника».

В настоящее время проживает в г. Франкфурт-на-Майне (Германия).

Стихи и очерки публиковались в русскоязычных журналах и газетах Германии: «Литературный европеец» № 37 за 2001 год, «Пилигрим» - литературный альманах за 2009 год, «Золотой ковчег» - Всеукраинский литературно-художественный журнал № 1 за 2011 год, «В поисках счастья» - «Auf der Suche nach dem Glück» - сборник произведений

российско-немецких авторов 2014 год; неоднократно в газетах «Контакт», «Восточный экспресс» и др.

В 2009 году записал сразу три альбома «ICE Париж-Франкфурт», «По вечернему Ташкенту» и «Маленькая дрянь».

Член литературного объединения Тюрингии "Словесность".

Об авторе и его творчестве.

«Есть лица, подобья ликующих песен...»

Интервью Надежды Рунде. Deutsche Allgemeine Zeitung, Алматы, 2008 г.

Поэт Виктор Гергенредер награжден медалью Василия Шукшина

Интервью Надежды Рунде. RusDeutsch, 29.06.2017.

29 июня 2017

Поэт Виктор Гергенредер награжден медалью Василия Шукшина

Надежда Рунде

На фото (слева на право): Альбина Нацаренус-Феттер, советник Франкфуртского городского совета по вопросам образования, семьи и детей; Райнер Хирт, профессор университета города Йена; Виктор Гергенредер, поэт; Мирлан Наматов, профессор Мадридского университета; Антонина Аксёнова, актриса; Наталья Вагнер, руководитель образовательно-интеграционного клуба молодежи немцев из России

Российский немец, поэт Виктор Гергенредер живет во Франкфурте-на-Майне. Родился он под Челябинском в 1957 году и прожил шесть лет в Сибири, куда были сосланы его родители. В Германию приехал с семьей из Ташкента. В 36 лет, на пике построения удачной карьеры, он бросил все и начал с нуля новую жизнь в незнакомой стране, но нашел себя и здесь, избрав поэзию средством духовного существования, интеграции и самовыражения. Произведения поэта Виктора Гергенредера – гимн любви, добру, дружбе и, конечно же, человеку, который во главу угла ставит честность, справедливость и порядочность. Поводом к этому интервью стало награждение поэта золотой медалью Василия Шукшина. Церемония состоялась 23 июня.

- Виктор, Вы удостоены всероссийской общественной награды, учрежденной Союзом писателей России – золотой медали Василия Шукшина. Этой медалью были награждены выдающиеся творческие люди: писатели Валентин Распутин и Юрий Бондарев, актеры Леонид Куравлёв и Людмила Зайцева, Станислав Любшин и Николай Губенко, кинооператор Анатолий Заболоцкий. Как Вы чувствуете себя в такой компании?

- Если честно, то пока еще не совсем уютно. Такие писатели как Валентин Распутин и Юрий Бондарев являются корифеями российской литературы и, безусловно, ставить себя в один ряд с мастерами русского слова, всемирно известными и популярными писателями, я не вправе. Золотая медаль Василия Шукшина – большая награда для меня, но, скорее всего, это аванс на будущее и поощрение на перспективу, стимул для дальнейшей работы.

-- Как рождаются Ваши стихотворения? Примерно так, как у всех поэтов: сначала приходит вдохновение, потом оно перерастает в творческий непокой? Вы включаетесь в работу сразу или ждете строк свыше? Вообще, насколько управляем процесс сочинительства?

- Мои стихи рождаются по-всякому: иногда в течение нескольких минут, в то время пока я чем-нибудь занят. Как будто кто-то сверху дает мне мысль и подсказывает текст. Моя задача срочно этот текст записать и немного доработать. Иногда темы для стихов приходят при общении с друзьями, родственниками, а чаще всего возникают из разговоров с моей женой Джамилей. Тогда я сразу записываю, чтобы не забыть, интересную мысль, и могу сочинить стихотворение тут же, если есть возможность, или вернуться к этим наброскам позже. Когда же у меня уже есть конкретная идея или – как это стало модно называть – проект, и эта идея долгое время сидит во мне и не дает покоя, я постепенно приступаю к ее написанию. И моя голова занята этим до тех пор, пока я эту работу не закончу. К примеру, так были написаны «Баллада о двух солдатах», сказка «Дочь рыбака», поэма «Утренняя роса». И в таких случаях дожидаться прихода вдохновения мне уже не обязательно. Последнее время делаю переводы стихов татарских и немецких авторов. Иногда пишу стихи на заказ. Возможно, это уже профессионализм.

- Виктор, какое из произведений Вы считаете визитной карточкой своего творчества? Наверняка это «Баллада о двух солдатах» и «Портрет. 1953 год – Возвращение» о судьбе трудармейца или я ошибаюсь?

- Вы точно определили именно те знаковые произведения, в которых однозначно показано и мое отношение ко Второй мировой, и вообще к войне, и к депортации «советских немцев» в 1941 году. Также сюда я бы отнес еще пару стихотворений. Это «Сибирь золотая» и, как ни странно, маленькое стихотворение «Весенняя ночь в Ташкенте». Ну «Сибирь...» – это понятно. Свои первые шесть лет жизни я прожил в маленьком сибирском городке Тюкалинске, куда были сосланы мои родители, этнические немцы. А вот второе – о Ташкенте... Это стихотворение – мои детские и юношеские воспоминания о городе, в котором я прожил более тридцати лет. Это мои мечты, чувства, откровения, моя благодарность.

- Если попытаться порассуждать о цели творчества, она в самоотдаче, в результате, выливающимся в качественный текст. Он и есть награда, и даже не столько читателю, сколько самому писателю. Так нужны ли вообще премии и почести, литературные, в частности? У Вас лично, какое мнение об этом?

- Я думаю, что обязательно нужны. Вообще, на мой взгляд, и поэзия, и проза – вещи субъективные. К примеру, кому-то нравятся произведения данного автора, а кто-то их считает скучными и бездарными. Это я сейчас говорю о произведениях, написанных всемирно известными классиками, не буду уточнять пофамильно. Так вот, чем большему количеству людей нравятся произведения данного автора, тем больше покупаются его книги, тем более он становится популярным, пользуется спросом. И эти его обожатели, по современному фэны, считают, что он лучше других и хотят его как-то выделить, поощрить премией или наградой. Это сподвигнет его на новые творения, как для себя, так и для своих читателей. К тому же талантливый, творческий человек должен обязательно иметь финансовую свободу, иначе он не сможет полностью себя реализовать, посвятив любимому делу. Крупные, международные премии, такие как Государственная премия России или Нобелевская премия и прочие, способствуют финансовой независимости гениальных писателей и поэтов, следовательно, они просто необходимы.

- В чем, по-Вашему, заключается миссия русского языка в современном мире и в Германии, в частности?

- Современная мировая геополитика, геополитические процессы невозможны на сегодняшний день без участия России. Российский человек сложен и прост также как и русский язык. Чтобы эффективно и без конфронтаций решать с Россией сложные и спорные вопросы, нужно, по мере возможности, решать их именно на русском языке, чтобы быстрее и доверительнее расположить к себе оппонента. Сейчас Россия и Германия находятся по разные стороны «политической улицы», но в Германии живет более трех миллионов русскоязычного населения, которому это противостояние совершенно не безразлично. И мы, русскоязычные граждане Германии, имея российский менталитет, должны стать «мостом толерантности» в этом

противостоянии. Тем более что культура и искусство в этом смысле очень действенны. Так что русский язык нам больше чем необходим.

- **Что Вы считаете самым непростительным проступком для поэта?**

- Это скорее не проступок... Я считаю, что для поэта неприемлемо равнодушие. Именно равнодушие!

Что же касается проступков, то поэты обыкновенные люди со своими плюсами и минусами, со своими слабостями. И они вправе также ошибаться, иметь свои пороки, свои «скелеты в шкафу». Как написал Булат Окуджава о Владимире Высоцком: «Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа».

- **Ваше отношение к политике. Какая политическая система наиболее оптимальна для поэта?**

- На мой взгляд, поэт не может и не должен жить, существовать вне политики. Он обязательно должен публично высказывать свое мнение и свое отношение к тем или иным политическим событиям. Насчет политической системы – безусловно, для поэта лучше жить в свободной, демократической и, желательно, богатой стране.

- **Кого из политиков-переселенцев Вы знаете лично?**

- Я живу во Франкфурте-на-Майне и хорошо знаком и дружу с советником городского совета Франкфурта по вопросам образования Альбиной Нацаренус-Феттер, представляющей Христианско-демократический Союз Германии. Кстати, Альбина не только присутствовала, но и вела мероприятие моего награждения.

- **Возможно ли развитие общества без революций? Или это у нас в крови? Читаем в стихотворении ленинградского поэта Глеба Горбовского: «Мы люди мрака, люди крысы, мы не идем на компромиссы, Мы прогрызаем брешь в заре, А если надо – и в царе! Нам наплевать, что нету кушать – необходимо мир разрушить. Мы замыкаем провода, Чтоб этот мир трясло всегда». Наблюдая в Германии активность некоторых групп из среды переселенцев, понимаешь правдивость слов поэта. Что Вы об этом думаете?**

- Думаю, что поэт Горбовский прав. Такова сущность человека. По прошествии определенного периода времени, даже когда все в мире, стране, в обществе благополучно, люди все равно начинают сомневаться, возмущаться, устраивать демонстрации, забастовки, протесты – причем, не имеет значения, по каким причинам, по поводам или без них – и это в конечном итоге приводит к революциям. К огромному сожалению, непомерные амбиции не только сильных, влиятельных и богатых мира сего неоднократно приводили, приводят и, безусловно, еще будут приводить к войнам, катастрофам и катаклизмам. Так что получается – это у нас, у людей, в подсознании, в крови...

- **Возможен ли поэт без тщеславия? По Гёте, «где рифмач, не возомнивший, что другого нет такого?». Судя по немалому количеству премий и фестивалей, проводимых на всем мировом русскоязычном творческом пространстве, похоже, что на сегодня постулат: «Люби не себя в искусстве, а искусство в себе» уже не способен удовлетворить потребностям пишущих.**

- На этот вопрос я отвечу так: в своей жизни, к счастью, я встречался со многими известными, популярными и даже выдающимися людьми. К примеру, с поэтами Евгением Евтушенко, Александром Городницким, Александром Дольским, писателем Чингизом Айтматовым, актерами Олегом Видовым, Олегом Меньшиковым, художниками Эрнстом Фуксом, моим большим другом Петром Анненковым. Внимательно наблюдая за ними, я могу констатировать, что все эти люди в той или иной мере не были лишены тщеславия, но тщеславие в разумных пределах не только допустимо, но и просто необходимо. Оно помогает творческому человеку идти дальше, творить, развиваться, мечтать, «двигать горы». Тщеславие также как и награды, и премии, поощряет творческую личность.

- Нужно ли сохранять детскость во взрослом возрасте и кому это нужно или это естественное состояние любого творца?

- Не знаю, это состояние любого творческого человека или нет, думаю, что это свойство характера.

- Виктор, Вы сочинили для детей живописную сказку «Дочь рыбака» и, как я знаю, скоро она увидит свет. Как давно Вы стали писать для детей и что Вас к этому подтолкнуло?

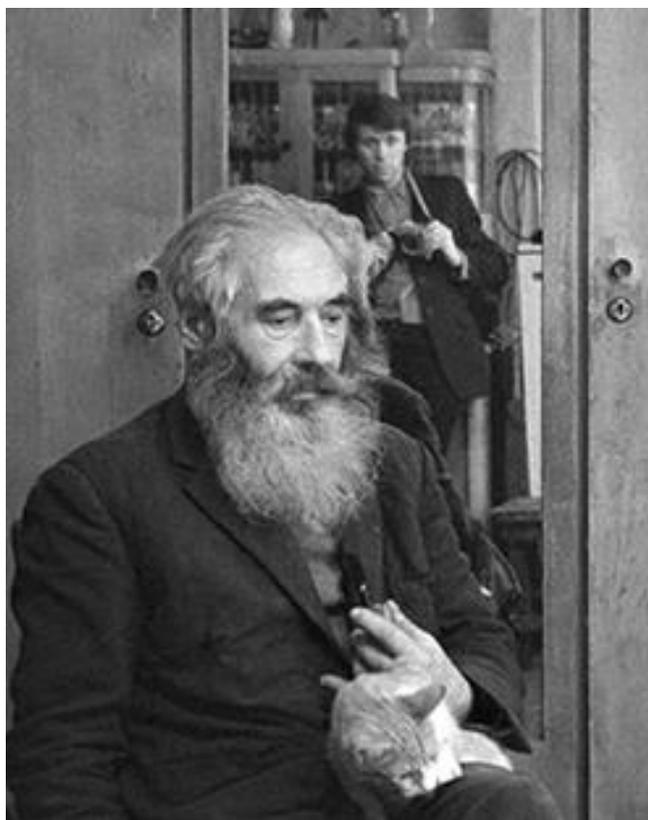
- В детстве я очень любил читать сказки. Сказки многому учат. Сейчас я с огромным удовольствием пишу детские стихи для дошколят, для своей восьмимесячной внучки Амалии-Хелены. Что же касается сказки «Дочь рыбака», то я ее даже не сочинял, я ее получил сверху, из космоса, и только лишь записал. Для этой сказки очень талантливая молодая художница из Франкфурта-на-Майне Ольга Кротик подготовила десять великолепных акварельных иллюстраций. Верстка книги уже в целом закончена. Я надеюсь, что еще в этом году долгожданная книга увидит свет.

- Спасибо за разговор. Поздравляю вас с наградой и желаю дальнейших творческих удач!

<http://rusdeutsch.ru/Nachrichten/9711>

11 августа 2008 года N 1190 Указом Президента Российской Федерации председателем Калининского районного суда г. Челябинска назначен Штрауб Отто Викторович.

Фотограф Иван Галерт (JOHANNES GALERT)

(Фотограф отражается в зеркале)

Горожане, спешащие по своим делам, ждущие трамвай на остановке или отдыхающие на берегу реки, колоритные провинциальные зарисовки, новостройки и парады – главные сюжеты в фотографиях Ивана Галерта, сделанных на закате советской эпохи в Свердловске и его окрестностях.

Иван Галерт (Johannes Galert) родился под Челябинском в 1954 году. После армейской службы в 1975-1980 годы учился в СИНХ по специальности «Технология и организация общественного питания». После института работал фотографом в УрГУ. С 1980-го до 1990-го снимал в Свердловске (Екатеринбурге) и его окрестностях в лучших традициях гуманистической фотографии.

В кадрах запечатлелась повседневная жизнь обычных людей, никаких сенсаций и знаменитостей за исключением приезда Михаила Горбачёва в Свердловск в июле 1990 года. Уже в августе того же года Иван Галерт перебрался в Дюссельдорф, Германия, снимает для газеты «Bild». Переехать было несложно, отец фотографа – немец. Ностальгический альбом чёрно-белых фотографий «Урал 1980-1990» он опубликовал на Facebook.

УРАЛ В 1980-1990-Е ГОДЫ

Свердловск 1980-1990 гг. глазами немецкого фотографа Ивана Галерта.

«Рассматривая фотографии Галерта, мы видим жизнь СССР. Эта фотография не имеет ничего общего с официальной и поощряемой сверху заказной фотоагитацией, воспевающей счастливую жизнь советского народа. Эта фотография честная, лиричная, приватная, иногда грустная, иногда ироничная, но всегда исполненная симпатией к снимаемым людям, в лучших традициях мировой гуманистической фотографии, явленной великими фотографами всемирно известного американского журнала „Life“. Другими словами, это гуманистический документ своего времени», — пишет о работах Галерта фотограф из Москвы Иван Гушин.

По его словам, в совокупной законченности вся серия фотографий Ивана Галерта является художественным проектом, где отдельные снимки-новеллы объединены временем, местом и стилистическим мастерством автора, композиционным совершенством каждого сюжета.

«Снимать повседневную жизнь, лишённую ярких событий и знаменитостей, всегда намного сложнее. Исключением здесь является только снимок с Горбачевым, но он необходим в серии, поскольку даёт представление о времени съёмки — времени заката Советской империи», — отмечает Гушин.

Другие фотографии: https://www.znak.com/2015-09-16/poslednee_desyatiletii..

Читать больше: <https://photoiskusstvo.info/topics/ural-v-1980-1990-e-gody-fotograf-ivan-galert-johannes-galert/>

Бабушка судьбы

О том, как сила стариков заставила ребенка ходить, рассказал
Сергей Мостовщиков

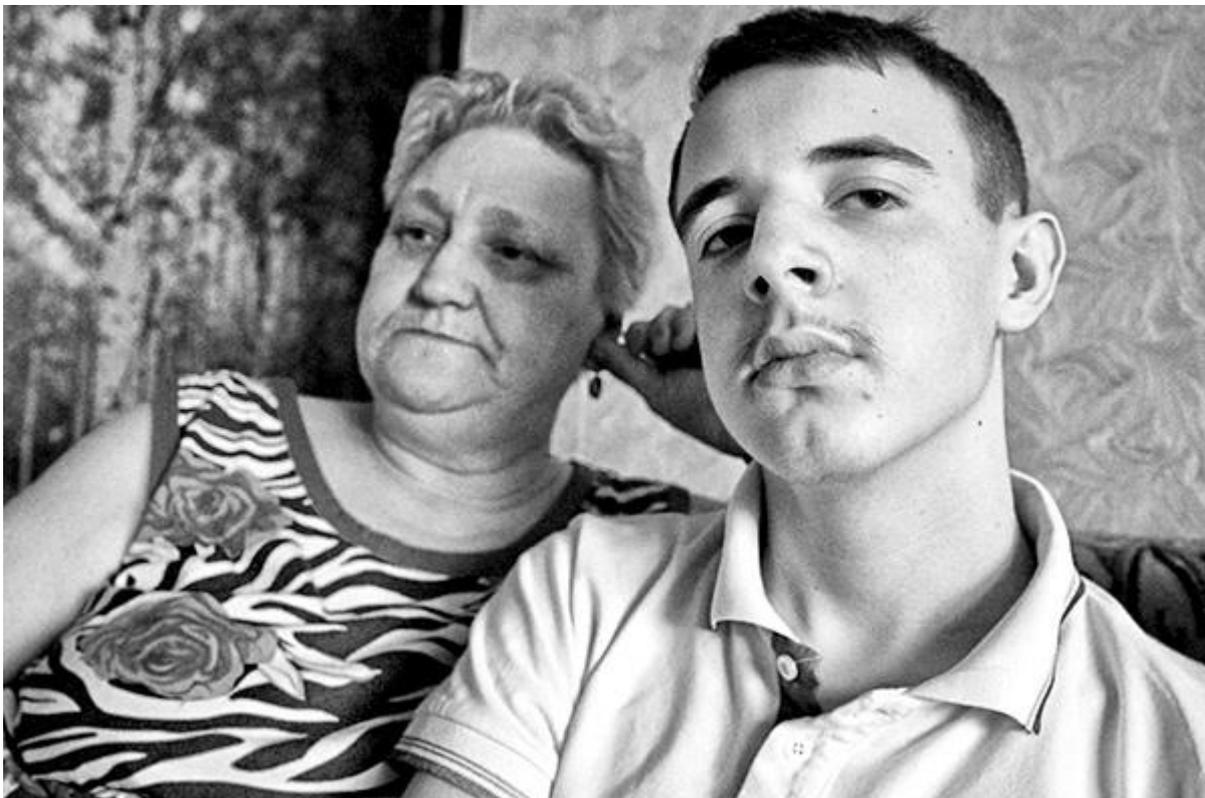

Фото: Сергей Мостовщиков

Это обычный семейный портрет и простой рассказ о том, как люди преодолевают самое сложное, что может быть в жизни, — недуг собственных детей. Представляем вам историю из собрания Русфонда, который уже 19 лет помогает тяжелобольным детям. Если вы захотите присоединиться к тем, кто им помогает, сделайте это на сайте Русфонда или воспользуйтесь кнопкой «помочь». Рубрику «Жизнь. Продолжение следует» ведет Сергей Мостовщиков.

Вот ведь судьба — так хочется узнать ее, а потом непонятно, где взять силы, чтобы сопротивляться или хотя бы следовать ей. Допустим, Костя Казаченко захворал. Да так, что стало ясно: это просто так не лечится. Тяжелый вид артрита, ноги заболели, невозможно ни ходить, ни вставать, ни даже лежать. Родители развелись, отец живет в городе с другой семьей, Костя с матерью в деревне в Курганской области, где из нужных лекарств — только массаж, да и тот еще поискать. Очень сложно со всем этим справиться, только какие-то немыслимые сверхсилы помогут встать человеку на ноги. Но это если знаешь свою судьбу. А если веришь в нее, достаточно и бабушки Валентины Константиновны.

Мать Костиного отца забирает внука у матери, везет его к себе в Челябинск, находит врачей, лекарства и средства для их покупки. И вот уже Косте 16 лет, он ходит, строит планы на будущее, пытается понять, какова теперь его судьба. А мы с Валентиной Константиновной говорим о том, во что она верит:

— Наш район в Челябинске называют «город в городе». Это Metallургический район, ЧМЗ, рядом с Челябинским металлургическим заводом. У нас тут все как бы наше, отдельное. В советское время мы даже на демонстрацию в город не ездили, у нас была своя. Я тут и родилась.

Отец мой, он был немец и здесь был в трудармии как пленный, сидел в лагере. До 1956 года отмечался, ходил в комендатуру. Сейчас он реабилитированный и я реабилитированная, считаюсь пострадавшей от политических репрессий.

Отца звали Константин, вот как внука моего, он родился-то в Саратовской области, все корни его еще при Екатерине сюда завезенные, так он рос и вырос здесь, но... Во время войны считалось: мало ли что, вдруг предатель. Их всех, немцев, в трудармию забирали, выгоняли из дома. Сначала перекинули куда-то под Новосибирск, а потом сюда, в Челябинск. Он был по профессии мастер ткацкой фабрики, но был и штукатур, и плотник, и кочегар. Золотые руки у него были на все. Мебель сам делал, валенки всем подшивал, даже умудрялся прялки делать сам из колес и отходов всяких. Нет его давно уже, но много он после себя оставил. Вон вчера с Костей подвал разбирали, смотрим: о-о-о, дедова работа!

Мать у меня с Волгоградской области, с Урюпинска. Когда там стало тяжело, она перебралась сюда, у нее в Челябинске тетька жила. И вот тоже история. Муж ушел на фронт, а вернулся с войны с другой женой. А моя мать познакомилась с моим отцом. Получается, второй брак был у нее, и они осели в Челябинске.

И я тут живу. У меня своих трое детей и восемь внуков — пять внуков и три внучки.

Костя — самый старший у нас внук, сын моего старшего сына. Тоже вот история. Мать с отцом разошлись, Костя сначала был с матерью в Курганской области, глухонькая такая деревня. В свое время там было все, а потом, когда все в стране пораспалось, там не осталось ни работы, ни отопления, ни врачей, толком ничего. Запустили все так, что в первый класс Костя в Челябинске пошел учиться, год жил здесь у меня. Потом мама забрала его к себе — мама должна воспитывать, все-таки это ее ребенок. А потом, где-то третий класс у него был, ноги у него схватило. Вот были раньше низкие диваны такие, выдвигались, так он с него сам встать не мог. Ходил кое-как с палочкой. Артрит. А почему? Не изучено. Как нам тут врачи сказали, или переохлаждение, или ушиб, или какое недолеченное заболевание. А там районный центр, далековато, если по врачам. Во всей Курганской области вообще детского ревматолога нет. Ну и я, бабка, — с войной, с боем — отбила его у матери, забрала к себе. Он мне теперь как сын.

Ну и я, бабушка, — с войной, с боем — отбила его у матери, забрала к себе. Он мне теперь как сын.

Сначала мы с ним сильно мучились. Были такие боли, на руках мы его носили, не мог он вообще ходить. Нам один препарат назначили, нам он не пошел. То есть какое-то время шел, был эффект. А потом я только коробку достаю, у Кости уже все — рвота, полное отторжение, не принимает организм. Дали нам направление в Москву, чтобы нас там посмотрели. Съездили. Нам там посмотрели, назначили новый, более сильный препарат. Очень дорогой. На год надо где-то 800 тысяч рублей, чтобы проколоться. Вернулись мы, и начались проблемы с приобретением лекарства. Тут нам заявляют: Москва вам назначила, вот пусть она вам и дает. Я и по судам, я и в прокуратуру, больше года билась, пока не добилась. И тут, конечно, спасибо Русфонду. Пока все это происходило, они нам первые прислали это лекарство. Начали его колоть — Костя встал на ноги! Стал ходить! Он сам не поверил. Говорил: «Бабушка! Неужели я хожу?!»

Сейчас ему уже 16 лет, а с виду не скажешь, что он больной, поставили его на ноги. Хотя инвалидность нам подтвердили до 18 лет. Трудно со всем этим справляться, вообще народу сейчас тяжело. И зарплаты небольшие, и пенсии маленькие. Вот дочь моя младшая — высшее образование, а с ним никуда не устроиться. Работает на заводе комплектовщиком. 15 тысяч зарплата, как прожить с двумя детьми? Выживать приходится. Сад у нас свой — приусадебный участок небольшой, четыре сотки. Ягоды, яблоки, груши, слива, помидоры, огурцы. Осенью ездим в лес за грибами, делаем заготовки. Дед у нас рыбак, снабжает нас. Вот вчера приехал с рыбалки, привез три маленьких щучки с полкило, один судачок небольшой. Вот за счет такого и держимся.

Ну и семья, конечно, помогает. Она у нас большая. Старшему сыну, Костиному отцу, 41 год, второй моей дочери 37, а младшей 28 лет. Младшая живет с нами в квартире, у нее двое детей. Средняя дочь здесь вот, в соседнем дворе, трое детей у нее. А сын в другом районе, две дочери у него сейчас от второго брака. Вот в них я во всех верю, а они — в меня. Наверное, от этого и силы, чтобы держаться и стоять на ногах.

Мейснер Татьяна Валентиновна,

род. 17.02.1974 в г. Челябинск, с 1981 по 1991 гг. училась в школе №96 с углубленным изучением немецкого языка, в 1996 г. окончила факультет иностранных языков ЧГПУ, с 1995 года работала учителем немецкого языка в школе № 96, затем преподавателем кафедры иностранных языков в УралГУФК, принимала активное участие в проекте «Брайтенарбайт» в качестве преподавателя курсов немецкого языка, также являлась членом молодежного немецкого клуба г. Челябинска «Теддибэр». С 2003 г. работала методистом в Международном союзе немецкой культуры, г. Москва. Является автором и разработчиком учебных пособий для изучения немецкого языка для взрослых и детей. В данный момент работает в крупной немецкой компании в г. Москве.

Гисс Нина Николаевна

(р. 26.04. 1924, г Дубовка, Волгоградской области – 27.09 2007, г. Челябинск). Родилась в г. Дубовка Волгоградской области, в 1941 году выселена в административном порядке из г. Волгограда в Семипалатинскую область Урджарский р-н, с. Урджар, с 1948 г. – проживала в г. Челябинске. В 2003 году – реабилитирована и признана пострадавшей от политических репрессий. С 1948 г. по 1980 г вела свою трудовую деятельность на заводе Теплоприбор в должности счётного работника, в дальнейшем – экономиста. В 1970 г. награждена медалью «За доблестный труд», в 1979 г. награждена медалью «Ветеран

труда». В 1971г. присвоено звание «Ветеран завода», являлась Почетным работником завода Теплоприбор, Ветеран труда Челябинской области.

Гисс Николай Федорович

(р. 06.08. 1899, г Дубовка, Волгоградской области – 29.11 1968, г. Челябинск). Родился в г. Дубовка Волгоградской области, в купеческой семье поволжских немцев. Потомственный купец, коммерсант, директор плавучей базы в г. Дубовка. 13 10. 1939г. года арестован по обвинению в «антисоветчине». Осужден на 10 лет лагерей. Отбывал наказание на Алтае, г Рубцевск. В июле 1961 Военной Коллегией Верховного суда Союза ССР приговор отменен за отсутствием состава преступления. В 1960 г. после долгих поисков нашел семью в г. Челябинске. От полученных травм и заболеваний в колонии так и не оправился. Скончался от саркомы легкого.

Гисс Иван Семенович

(р. 01.02.1946 г. Семипалатинск – 20.02.2014 г. Кинешма Ивановская область) Родился в Семипалатинск области Урджарский р-н, с. Урджар, с 1948 г – проживал в г. Челябинске. Закончил Челябинский металлургический техникум, с 1964 года работал в обжимном цехе №3 Челябинского металлургического завода сталеваром. В 1970 г награжден медалью «За доблестный труд». В 1975 году в составе группы рабочих отправлен на обучение в США. С 1975 г. – бригадир на литейном заводе КамАЗа, участник первой плавки чугуна в литейном цехе КамАЗа, г. Набережные Челны. В 1977г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за активное участие в пуске первой очереди Камского комплекса заводов по производству большегрузных автомобилей награжден орденом «Знак Почета». С 1989 г. – начальник цеха на заводе «Автоагрегат» г. Кинешма, Ивановская область.

Гисс (Семушина) Елена Ивановна

родилась 06.03. 1972 г., г. Челябинск. Кандидат педагогических наук, доцент. В 1996 г. закончила Челябинский государственный педагогический университет, в 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию. С 2009 года – заведующая кафедрой математики, информатики и естественнонаучных дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, автор более 70 научных трудов, 5 монографий. Дважды награждена грамотой Министерства образования и науки Челябинской области (2001г, 2018г), Благодарностью Губернатора Челябинской области (2014г)

Гергенредер Виктор Викторович (Viktor Hergenreder)

– поэт, автор и исполнитель песен. Родился 28 декабря 1957 года в Челябинской области в семье российских немцев. До 1963 года его семья проживала в Омской области, в маленьком городе Тюкалинске, куда были сосланы его родители в 1941 году.

Отец, Гергенредер Виктор Иосифович, 1934 г.р., родом из Поволжья, Саратовской области. Мать, Шингальц (Schonhals) Элля Ивановна, 1940 г.р., родилась в Омской области. В 1963 году семья переехала в г. Ташкент, где Виктор прожил более 30 лет. В 1981 году Виктор окончил факультет экономики Ташкентского сельскохозяйственного института.

Первые свои стихи Виктор написал в 15 лет, а первые песни – в 17. Эти песни, безусловно, были посвящены первой и неразделённой любви. Очень сильное впечатление и влияние на его творчество оказала встреча с известным в то время популярным писателем и поэтом Михаилом Гребенюком. До настоящего времени Виктор хранит ту записку-пожелание, которую получил от него в 1972 году, с пожеланием: «Виктор, пиши хорошие стихи и будь человеком с большой буквы».

Серьёзно писать Виктор стал уже в Германии, куда вместе с отцом Виктором Иосифовичем, женой Джамилёй и двумя детьми, дочерью Динарой и сыном Альфредом он переехал, или, вернее сказать, переселился в 1994 году.

Первые стихи на исторической родине стали печатать в русскоязычных газетах и журналах Германии. Но как говорит сам Виктор: «Стихи любят читать немногие, а песни слушают все».

Поэтому он расчехлил свою старую немецкую гитару, которую по случаю приобрёл ещё в Ташкенте, и стал пробовать петь свои стихи под сочинённые им же мелодии. Изначально концерты он делал для своих друзей в уютном и всегда гостеприимном доме, на кухне за чашкой чая или фужером красного вина. Все гости были в восторге, потому что пел Виктор о том, что у слушающих уже давно наболело – о судьбе и проблемах переселенцев и эмигрантов.

В 1999 году Виктор Гергенредер создал и возглавил в г. Веймаре, где он в это время жил, межкультурную общественную организацию Веймар-99 (Interkultureller Verein Weimar-99 e.V.), которая занималась интеграционной работой с переселенцами и эмигрантами, приехавшими в Германию из стран бывшего Советского Союза.

В 1999 году Виктор записал свой первый альбом под названием «Ещё надеждами полна моя душа». Осенью этого же года Виктор выступил перед многотысячной публикой жителей г. Веймара прямо перед памятником Гёте и Шиллеру на Театральной площади – символе Веймарской Республики, а в декабре дал свой первый авторский концерт в столице земли Тюрингия г. Эрфурте. Поверив в себя и в то, что его песни с удовольствием слушают, что они необходимы переселенцам, помогают адаптироваться в новой обстановке и интегрироваться в новое германское общество, Виктор начал выступать с сольными концертами по городам Германии и участвовать в Международных фестивалях авторской песни.

В 2009 году записал сразу три альбома: «ISE Париж–Франкфурт», «По вечернему Ташкенту» и «Маленькая дрянь». Стихи и очерки публиковались и публикуются в русскоязычных журналах и газетах Германии, Казахстана, Украины и России.

Является членом литературного объединения Тюрингии «Словесность». Лауреат Международного фестиваля авторской песни 2003 года г. Берлин. В 2017 году Союзом писателей России награждён золотой медалью Василия Шукшина.

Победитель 6-го международного литературного конкурса «Сказка сегодня».

В настоящее время живёт и работает во Франкфурте на Майне.

Об авторе и его творчестве.

«Есть лица, подобья ликующих песен...»

Интервью Надежды Рунде. Deutsche Allgemeine Zeitung, Алматы, 2008 г.

Поэт Виктор Гергенредер награжден медалью Василия Шукшина

Интервью Надежды Рунде. RusDeutsch, 29.06.2017.

Путь над блестящей землей

Игорь Гергенрёдер о творчестве Виктора Гергенредера. DAZ, Алматы (Казахстан), № 32, 4-10.08.2017.

Народная певица

Штаух (Stauch) Ирина Владимировна

(дев. фам. Шифердекер) (5 декабря 1930, с. Марьино (Гейбоден) Днепропетровской обл., Украина – 2 сентября 2010, Берлин, Германия), певица, исполнительница тирольских песен, мастер песенного стиля йодль. Родилась в многодетной семье российских немцев. Отец – сельский кузнец, мать – домохозяйка, в разное время работавшая в детском саду и поваром в колхозе.

После начала Великой Отечественной войны в 1941 оказалась на оккупированной территории. С наступлением советских войск в конце 1943 по приказу оккупационных властей в составе семьи отправлена в Польшу. С начала 1944 жила в городе Шпатенфельд (Spatenfeld) близ Калиша (Kalisch). При дальнейшем отступлении немецкой армии также в составе семьи эвакуирована в Германию. До прихода американских и советских войск жила в городе Айслебен (Eisleben). В августе 1945, как все советские граждане, оказавшиеся во время войны за пределами СССР, возвращена на Родину.

По возвращении в Советский Союз её семья была огульно обвинена в измене Родине и направлена на лесозаготовки в Молотовскую (сейчас Пермская) область. После окончания Троицкой семилетней школы в 1948 поступила в Пермский горно-машиностроительный техникум.

С сентября 1952 по апрель 1992 – работала на машиностроительном заводе им. С.М. Кирова в городе Копейске Челябинской области (с 1952 по 1963 – инженером-технологом в цехе, с 1964 по 1992 – инженером-конструктором в отделе главного технолога). Принимала активное участие в общественной и спортивной жизни завода. Более 35 лет параллельно основной работе преподавала специальные предметы в учебном комбинате.

В 1956 вышла замуж. Дети: сын Владимир и дочь Эльвира.

Пением и танцами увлеклась с детства. Любовь к музыке была привита в семье. Работая на заводе, участвовала в самодеятельном хоре инженерного корпуса, получившего в 1970-х за своё мастерство звание "народного".

В 1990 была приглашена солисткой в ансамбль народной немецкой музыки «Кристалл» (г. Копейск, руководитель А.И. Бернс). Первое выступление в составе ансамбля состоялось в Алма-

Ате в феврале 1990 на фестивале, посвящённом 10-летию воссоздания Немецкого драмтеатра. Тогда же пришёл первый успех.

Начиная со Второго фестиваля самодеятельного немецкого творчества в октябре 1990 являлась участницей всех фестивалей немецкой культуры.

В июне 1992 по приглашению Землячества российских немцев (Landsmannschaft der Deutschen aus Russland) ездила с ансамблем «Кристалл» на гастроли в Штутгарт (Германия).

После распада ансамбля «Кристалл», в период с 1993 по 1996 при поддержке Международного союза немецкой культуры выступала с концертами во многих городах и сёлах России и стран СНГ (Калининград, Ленинград, Микачёво и др.), совершала гастрольные поездки в Данию и Словакию. 25 декабря 1996 состоялся последний перед переездом в Германию концерт. В Германии жила в Берлине.

С марта 1997 пела в музыкальном коллективе переселенцев INA*).

Умерла 2 сентября 2010 и похоронена на кладбище в Берлин-Райникендорф на Гумбольдтштрассе (Reinickendorf-Humboldtstrasse).

При жизни не было выпущено ни одной аудиокассеты и CD с выступлениями Ирины Штаух.

Ирина Лейнонен (Лауша)
Александр Шпак (Средняя Ахтуба)

Человечность – язык понятный во всем мире

9 июня в Российско-немецком доме в Москве состоялся единственный концерт Ирины Штаух.

Среди российских немцев немного найдётся тех, кто не слышал об этой поистине народной певице, в полной мере разделившей судьбу своего народа. Трудармия, спецпоселение, невозможность получить образование... Ничто не могло сломить сильную духом, маленькую женщину! Ирина привыкла добиваться своего. Окончила машиностроительный техникум, работала на заводе в Копейске, но петь начала лишь после отмены комендантского надзора, став «свободным человеком».

И. Штаух объездила с гастролями практически все регионы бывшего СССР, побывала на фестивалях немецкой культуры в Германии, Дании и Словакии. С 1997 года Ирина живёт в Берлине.

Ирина Штаух – не просто певица, она создала подлинный театр народной песни, превратив каждый номер в яркую миниатюру. Голос, интонация, жест, костюм – всё продумано до мельчайших деталей. На концерте царит атмосфера достоверности: зрители буквально видят то маленькую церквушку высоко в горах, то мать, тоскующую по сыну, то весёлых тирольцев. Чёткая дикция Ирины позволяет понять её песни даже тем, кто лишь немного говорит по-немецки.

После концерта редактор Татьяна Киселева взяла у Ирины Штаух интервью.

- Т. К.: Расскажите, как началась Ваша сценическая деятельность.

- И. Ш.: Я начала петь после того, как стала свободным человеком. У меня всё больше и больше открывались нереализованные способности, те, что были заложены в детстве.

Я считаю, что культура всех народов хорошая, но за все эти годы не было возможности исполнять немецкую музыку, песни, вырваться за определённые рамки. И, когда это стало возможным, я действительно долго сомневалась, но всё же начала петь. Сначала запела душа, а потом я почувствовала, что это необходимо людям.

Это было в 1989 году (февраль 1990 г. – *Комментар.*) на фестивале немецкой культуры в Алма-Ате. Я впервые вышла на сцену, но как меня приняли зрители! Те, кто многие годы были подавлены невозможностью передать культуру предков своим детям, вдруг увидели, что кто-то всё-таки решился петь для людей, свободно... Я поняла: да, нужно смело выходить на сцену и

вспомнить ту музыку, ту культуру, которая была отнята у российского немецкого народа. И это определила не столько я сама, сколько зрители и представители из Германии, которые были в зале. Они убедились, что мы сумели сохранить то чисто немецкое, что когда-то было в нас. И не только сохранить, но и так показать, что люди сразу подхватили.

Наш ансамбль «Кристалл» стал очень знаменит, мы получали множество приглашений со всех концов страны. Во многом здесь заслуга руководителя ансамбля А. Эрнста - настоящего фанатика (в хорошем смысле этого слова) немецкой культуры. Он всех нас буквально заразил своим энтузиазмом, за что я ему очень благодарна. В состав ансамбля входили, в основном, молодые энергичные ребята. Они помогли мне осознать, что моё место - на сцене, а я помогла им лучше прочувствовать немецкую музыку.

Мы много работали над тем, чтобы и наше звучание, и сама музыка были именно немецкими. Наша родина – Россия, и культура российских немцев всегда стояла на рубеже двух культур, но мы хотели нести именно немецкую музыку, чтобы народ вспомнил, что было в начале. И на фестивалях и конкурсах судьи говорили, что наш ансамбль самый немецкий.

Но прошло не так много времени, и в 1992 году наши ребята стали уезжать. Я осталась одна. Мне помог Международный союз немецкой культуры – нашёл аккомпаниатора, и я продолжала работать, не могла отказаться от приглашений, потому что куда бы я ни ездила, люди везде говорили: «Ирина, ты должна».

- Т. К.: Когда мы беседовали в октябре 1996 года на фестивале немецкой культуры в Златоусте, незадолго до Вашего отъезда в Германию, Вас мучили сомнения. Отъезд - это внезапное решение, или обдуманый шаг?

- И. Ш.: Я не была настроена сразу уехать. Это решение зрело во мне пять лет. Я видела: стремления людей, их мечты о том, что в России действительно возродится культура российских немцев и займёт своё место наравне с культурами других народов, так и не осуществились. Я видела, что люди уже падают духом, не имея возможности наравне с другими народами выразить свою национальную самобытность. Говорить о том, что культура возродилась, ещё слишком рано.

Это, в основном, и повлияло на моё решение. И потом, я почти перестала получать удовольствие от выступлений, потому что народу на концертах было всё меньше и гастрольные возможности стали ограниченными, и с оплатой были сложности... Конечно, меня это сильно угнетало.

- Т. К.: У Вас в Германии остались родственники? Вы не ставили себе задачу воссоединиться с семьёй?

- И. Ш.: Я решила поехать в Германию ещё и потому, что моя мама – единственная из всей семьи, кто после революции оставался в СССР. Её родители, сестра, братья – все уехали, и маму всю жизнь подозревали в том, что она получает письма. Мама из-за этого много выстрадала.

Перед смертью мамы я ей сказала, что когда-нибудь поеду и разыщу своих, чего бы это ни стоило. Я обратилась в Красный Крест и узнала, что, например, в Бремене живут мои родственники.

В декабре 1996 года я прилетела в Германию, а уже в феврале-марте 1997 года я их разыскала. Они очень удивились, потому что связь до этого была прервана на несколько десятилетий, но это была большая радость.

- Т. К.: Трудно ли Вам было адаптироваться в Германии?

- И. Ш.: Мне было очень легко, наверное потому, что у меня была своеобразная немецкая «начинка». И мне всегда казалось, что я попала туда, куда мне было предназначено судьбой. Я сразу приняла жизнь в Германии такой, какая она есть, со всеми её сложностями. И, конечно, мне помогло моё любимое дело.

Когда я приехала в Берлин (это был первый город, куда я прибыла), я не рассчитывала, что снова буду петь, потому что в Германии все поют, и здесь культуры достаточно. Но когда я узнала, что в Берлине есть общество Jahresringe INA, куда входят как коренные немцы, так и

немцы – выходцы из России и стран СНГ, у которых сильная ностальгия, которым очень трудно вживаться в новую реальность, потому что они не знают языка и у них совершенно другие взгляды, я подумала - надо помочь. И когда я пришла туда, оказалось, что несколько человек уже знали меня по моим выступлениям в России.

При обществе есть ансамбль, в репертуаре которого были вначале только русские песни. И придя на репетицию, я задала им вполне резонный вопрос: для чего вы приехали в Германию? Если вы будете петь только русские песни, вы никогда не перестанете скучать, вы сами покой потеряете и другим не дадите покоя. В результате получилось так - они пели русские песни, я пела немецкие, и мы делали смешанные концерты. Это очень понравилось немцам. И ещё я постоянно делала упор на то, что никто не будет изучать русский язык, но мы должны изучать немецкий. Когда мы усердно взялись за это, наш коллектив стал очень популярным в Берлине. Нас стали везде приглашать, и никто не мог поверить, что я из России, потому что я, пожалуй, первая, кто так пел немецкие песни.

- Т. К.: Как Вы думаете, секрет Вашей популярности заключается только в репертуаре?

- И. Ш.: С самого начала я решила, что мои концерты будут состоять из трёх блоков: во-первых, народные песни, которые поют российские немцы и немцы в Германии. Во-вторых, тирольские песни, которые в Берлине никто не пел, а я сказала, что обязательно буду петь. И уже после нескольких концертов пошли заявки. А третий блок – это немецкие эстрадные шлягеры, которые очень близки моей душе. Это песни, которые имеют определённый смысл и которые отражают состояние души человека, я их очень люблю.

Мой репертуар сейчас очень вырос, но я думаю и дальше набирать темпы. Моя ненасытность иногда ставит наших музыкантов в затруднительное положение, но они довольны, потому что мы выгодно отличаемся от других ансамблей. За два года наше имя стало настолько известно, что мы ездим сейчас с гастроями по городам Германии: были и в Нюрнберге, и в Штутгарте (нас приглашали на встречу, организованную Землячеством российских немцев), да всего и не перечислять. Уже в этом году наш коллектив дал сто концертов.

Наверное, мы стали популярны ещё и потому, что больше занимались благотворительностью. Мы поставили задачу создать коллектив «со своим лицом», чтобы нас запомнили и узнавали. Поэтому те небольшие деньги, которые мы иногда получали, сразу тратили на костюмы, на инструменты и так далее.

Ещё нам казалось правильным привлечь к работе молодёжь, которая не знает, куда себя девать. И стали создаваться различные молодёжные объединения при нашем обществе: хоровые группы и группы солистов, молодёжный ансамбль, детский танцевальный ансамбль, и сейчас в нашем коллективе уже двести человек. Поэтому у нас проходят концерты на любой вкус. И могу с уверенностью сказать, что у нас каждый коллектив интересный, начиная с детского и кончая русским народным.

- Т. К.: Наша молодёжь «вписывается» в новую жизнь?

- И. Ш.: Если приезжают дети в возрасте до 10 лет, то они привыкают очень быстро. Они всё забывают и прекрасно себя чувствуют. Учителя в школах хвалят их, говорят, что дети очень смыслённые. Я несколько раз специально интересовалась. А вот начиная с 16-17 лет происходит какой-то надлом. Молодым ребятам очень трудно интегрироваться в эту жизнь, тем более не зная языка. Когда требуется говорить на немецком, они внутренне протестуют. И часто приходится слышать от немцев: «Вы их насильно сюда привезли, они этого не хотели». И ещё наши дети (не все, но очень многие) никак не могут понять, что здесь всё по-другому, здесь ты должен думать и принимать решения самостоятельно. Чаще всего это происходит с ребятами из Казахстана, из глухих деревень, и, наверное, им нужно помогать в первую очередь.

Нам, тем, кто уже в возрасте, не раз бывает очень стыдно за нашу молодёжь. Особенно за ребят, которые собираются в группировки, пьют, всё ломают. Они не знают, куда девать свою

энергию. Немцы говорят: «Да, мы не рады этой молодёжи из России, они столько вреда нам приносят» (опять же нельзя это сказать обо всех).

Когда я встречаю подростков из России, которые, например, ругаются в транспорте, я постоянно подхожу и говорю: «Ребята, вы же хорошие парни, ну почему вы себя такими показываете? Зачем вы приехали сюда? Если вы хотите быть полноправными членами этого общества, то оставайтесь прежде всего людьми. Ведь немецкий народ, с которым вы теперь живете бок о бок, не виноват». А то ведь вечером поставят скамейку, утром её уже нет, или она вся изрезана ножами.

Меня немцы иногда спрашивают: «Ирина, как ты не боишься с ними говорить?». Но я же им ничего плохого не желаю, я хочу, чтобы они были полноценными членами общества. Внешне симпатичные, здоровые. Мне очень жаль, что такие хорошие парни так себя ведут. Поэтому единственное, что в наших силах, это привлечь в общество INA как можно больше молодёжи и дать им возможность чем-нибудь увлечься. И так постепенно будет происходить интегрирование в эту жизнь. Вообще молодым людям нужно чаще задумываться, что в какой бы стране они ни жили, надо везде оставаться человеком, только тогда можно определить, на что ты годен, а когда ты ничего из себя не представляешь, а только возмущаешься – это ужасно.

- Т. К.: Вам, наверное, было легче ещё и потому, что Вы хорошо знали немецкий язык.

- И. Ш.: Иногда меня спрашивают, а почему не так слышно твой акцент? Я не знаю. Наверное, здесь имеет большое значение музыкальный слух. Потому что я говорю так, как слышу, это получается само собой. До сих пор не считаю, что хорошо знаю язык, но я буду над ним работать и дальше. Немцы из Германии ещё спрашивают, почему я так быстро говорю, я объясняю, что это для того, чтобы не так были слышны мои ошибки. Они смеются.

А что касается песен, то я вообще признаю лишь те, в которых каждое слово чётко выделяется. Если есть только одна мелодия и не ясен текст – я петь не буду. Поэтому я стараюсь, чтобы в песне было содержание, чтобы люди поняли, о чём идёт речь, а не просто слушали музыку.

- Т. К.: У Вас в семье говорили по-немецки?

- И. Ш.: Да, но только до войны. Были такие немецкие сёла, где вообще говорили только по-немецки, мы уже тогда знали этот язык. По-русски говорили несколько хуже, но украинский и немецкий знали. Так что во мне был заложен языковой фундамент.

Моя мама вышла из достаточно обеспеченной семьи, она говорила на «книжном» языке, а не на диалекте, и это нам, детям, тоже очень помогло. Из всей семьи, из тех, кто ещё остался, я немецкую речь сохранила лучше, хотя раньше все прекрасно говорили. Наверное, это потому, что у меня сохранилась потребность в этом языке. И песни тоже очень помогают.

- Т. К.: Чтобы принять жизнь другой страны с иной социальной системой и иными ценностями недостаточно хорошего знания языка. Какие для этого нужны человеческие качества?

- И. Ш.: Когда люди жалуются, что их плохо принимают в Германии, я не думаю, что это вина только принимающей стороны. По-моему, чтобы отношения были хорошими, нужны усилия обеих сторон. Такого не бывает, что виноват кто-то один. Я всегда советую: никогда не надо жаловаться, лучше немножко поройтесь в своей памяти, всё ли вы сделали, чтобы к вам хорошо относились; потому что нам кажется – мы всегда правы, а когда задумаешься, оказывается, что это не так.

Я очень довольна тем, как меня приняли немцы в Германии. Они знают много языков, кроме немецкого, но я не стесняюсь говорить, вот это, наверное, их подкупает. И я считаю, что не так важна чистота языка, как желание понять другого, сердечность, человечность, которая и является подлинным международным языком, понятным во всём мире. Если ты общаешься с людьми с открытой душой, тебя поймёт и примет каждый.

- Т. К.: Сегодня был прекрасный концерт. Думаю, все, кому посчастливилось попасть на него, согласятся со мной, что и Ваши «коронные» номера, и песни из нового репертуара несли в себе огромный заряд оптимизма и жизненной силы. И как всегда Вы смогли добиться полного единения со зрительным залом. Спасибо Вам.

- И. Ш.: В этом моё счастье – слиться душой со слушателями. Вся моя концертная деятельность – только ради этих минут, потому что я становлюсь несравнимо богаче (естественно, речь идёт не о материальной выгоде). Поэтому я никогда не отказываюсь, когда меня просят выступить. Я получаю огромное удовольствие, когда народ поёт со мной, а я с народом. Для меня это очень важно, потому что мне хочется, чтобы люди пели, хватит уже плакать. Надо петь, надо радоваться жизни, как бы трудно ни было. Я не знаю, как бы я себя чувствовала, как бы я жила здесь, если бы не песни. Я хочу, чтобы как можно больше людей пели и умели радоваться тому, что есть. Потому что то, как сложится жизнь, зависит во многом от тебя самого, а песни очень в этом помогают.

Центры немецкой культуры.
Информационно-методический бюллетень,
№ 3 (июль - сентябрь), 1999, с. 8-9.

Артур Фолленвейдер.

Художник – Философ - Гражданин

26.08.2016 03:09

Артур Фолленвейдер 20 августа 2016 года исполнилось бы 70 лет художнику Артуру Гильдербертовичу Фолленвейдеру. Его искусство – это бриллиант со многими гранями талантов. Художник-монументалист, Педагог и Наставник с большой буквы, скульптор, геральдист (им разработан лучший в Челябинске герб города Коркино), художник-станковист, гражданин своего города (неоднократно избирался депутатом Коркинского поселения), мудрец-философ.

Его не стало в мае этого года. В последние восемь лет он с семьей проживал в Германии, но связь со своей Родиной Артур не прерывал никогда. Россия осталась в его душе. Малая Родина художника гордится своим немецким сыном. Как дань благодарности в выставочном зале Коркино, в день его рождения была открыта персональная выставка «Наедине со всеми».

74 года земной жизни, 74 картины и работы, созданные художником в разные годы, украсили стены зала. На открытие выставки пришли его друзья, ученики, коллеги, любители и ценители Прекрасного. Все самые лучшие слова и эпитеты были посвящены и произнесены в честь Художника и Гражданина Артура Гильдебертовича Фолленвейдера.

Изобразительное творчество Артура Гильдербертовича Фолленвейдера художника, российского немца, уникально и полифонично. Формирование его творческого кредо проходило в конце 60-х начале 70-х годов. Это время в постсоветской историографии принято называть временами «Застоя». Я считаю, что данное политическое клише не приемлемо к пониманию творческих процессов происходящих в обществе, настоящее живое рефлексующее искусство всегда находится в авангарде времени, оно черпает вдохновение в прошлом, но его вектор всегда устремлен в будущее.

Надо отметить тот факт, что художники-семидесятники получили творческий импульс от суровых «шестидесятников». Это время хорошо известно в обществе «бульдозерной выставкой» в Битцевском парке, в это время творил Эрнст Неизвестный, «Самиздат» нелегально распространял рукописи Владимира Войновича, Варлама Шаламова, Александра Солженицына, в залах политехнического института в Москве собирались люди послушать выступления прозаиков и поэтов: Василия Аксенова, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Беллу Ахмадулину, советский кинематограф гордился работами Андрея Тарковского.

Артур Фолленвейдер – яркий представитель той противоречивой эпохи последней трети XX века. С одной стороны это удушливая атмосфера времен «развитого социализма», двойной морали, официоза и масок в обществе, с другой стороны в стране происходили глубокие тектонические подвижки в недрах гражданского общества. Еще это время принято называть уходом части людей во внутреннюю эмиграцию. В искусстве активно развивается эзопов язык.

В среде искусствоведов существует негласное правило – избегать, по возможности, раздачи характеристик и ярлыков художникам, творивших в недалеком прошлом. Оно (искусство второй половины XX века), по мнению художественных критиков, должно выстояться, приобрести свой цвет, вкус и аромат, то есть как ценный сорт вина должен «созреть».

Человек – это «проект», как сказал известный культурфилософ XX века Хосе Ортега-и-Гассет, он живет из прошлого в будущее, а день сегодняшний – это зыбкая граница, вибрирующая ткань пространства-времени.

Без краткой характеристики эпохи сложно понять феномен художника, чье творчество активно формировалось во времена СССР. Творческий метод Артура является ярким примером синтеза искусств. Художник пробовал себя (и вполне успешно) во многих видах изобразительного творчества, ему также не чужда была поэзия.

Выставка 2016 года носит ретроспективный характер, здесь, к сожалению, не представлены его поздние работы, Артур с 2008 года проживал в Германии. Тем интереснее пристально присмотреться к его произведениям, которые он создавал в России, в городе Коркино, ибо они – исторический слепок, отразивший нашу недавнюю историю, противоречивую, но предельно интересную. Ему удалось «зафиксировать» в своих работах «исторический портрет» нашей страны.

Артур, как художник Ренессанса, сумел поработать в различных видах и жанрах искусства. Да, ему не удалось быть архитектором, но многие графические и живописные работы, скульптурные композиции отражают архитектуру композиционного пространства его произведений. Он профессионально ощущает материал, «лепит» форму, создает конструкцию. Как и многие его коллеги в семидесятые – восьмидесятые года XX века, Артур стремился к монументальному жанру в искусстве, это отражается в выборе концепции будущего произведения и методах реализации своей идеи в композиционном пространстве.

Для художника не чужды также элементы театральности и лицедейства, он создает яркие, декоративные композиции. Художник часто прибегает к теме группового портрета (многофигурной композиции), в нем он стремится отразить внутренне богатый духовный мир своих коллег-современников, активно использует прием «предстояния», его герои «позируют», они как бы «застыли», позируя перед художником, каждый герой погружен во внутреннее глубинное пространство. Живописец выхватывает своего героя из суетного пространства времени, персонифицирует его. Один из любимых приемов Артура – дробление пространства холста, композиционно в картине может одновременно располагаться несколько центров. Этот художественный прием сродни клеймам в иконописи, что помогает живописцу создавать многочастное произведение.

Артур с конца 60-х XX века и по начало первого десятилетия XXI века работал во многих жанрах и видах изобразительного искусства: это станковая композиция, монументальная живопись, эскизы к монументальным росписям, рельефная и круглая керамика, «производственная тема» и тема «человека-гражданина», «человека труда», групповой портрет, автопортрет. В каждом отдельном произведении художник скрупулезно стремится «дойти до истины», раскрыть священную тайну «Грааля» в искусстве. Артур Фолленвейдер – человек максималист, думающий, сомневающийся и вечно находящийся в состоянии поиска. Думаю, что в этой творческой ипостаси он пребывал до последнего дня своей земной жизни.

Не сомневаюсь, что его творчество глубоко внедрилось в культурное пространство шахтерского города Коркино на Южном Урале. Посредством знакомства с художником, его искусством нам всякий раз предоставляется историческая возможность посмотреть на себя сегодняшних сквозь магический кристалл искусства и призму исторического прошлого. Возможно, мы сегодняшние заигрались в нигилизм, все подвергаем критике и обструкции, ничего позитивного, к сожалению, не предлагая взамен. Невозможно дважды зайти в одну и ту же реку, но это вовсе не значит, что все уже сказано, нам необходимо разрабатывать новые творческие методики, обязательно будут новые творческие находки и решения в области искусства. Творчество Артура подобно звезде Альтаир, оно освещает нам путь, является ориентиром, подает позитивный пример бесконечного развития творческого процесса.

Ирина Вейс, искусствовед

<http://www.warmeshaus.ru/novosti/354-follenweider>

Современность и память

О геноциде, трудармии, демографической статистике и научной добросовестности.

30.01.2007

В последнее время проводится большая работа по увековечению памяти многих тысяч российских немцев, погибших в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы в так называемых трудармейских лагерях. Изданы Книги Памяти трудармейцев Богословлага, Тагиллага, Усольлага, ведется подготовка подобных изданий по Вятлагу, Челябинметаллургстрою, Соликамстрою и тому же Богословлагу. Мне довелось участвовать в подготовке Книги Памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР, изданной Общественной Академией наук российских немцев. Весной 2005 г. я в течение двух недель работал в архиве этого лагеря в г. Соликамске Пермской обл.

Тщательное изучение всех учетных карточек трудармейцев, хранящихся в архиве, выявило ужасающую картину: в одном Усольлаге в 1942-47 гг. погибли от голода, болезней, каторжного труда на лесоповале и лесосплаве более 3500 немцев-трудармейцев, мужчин и женщин самого разного возраста – от совсем юных до пожилых. Среди первых 4945 трудармейцев, прибывших в лагерь в феврале-марте 1942 г., смертность составила 44%. И это – без учета многочисленных «демобилизованных» по болезни и отправленных из трудармии по «суду» в тюрьмы или обычные лагеря (насколько известно, они в большинстве своем тоже погибли).

Напомню, что в трудовую армию «мобилизовали» только людей вполне определенных национальностей. Так, в Усольлаге подавляющее большинство трудармейцев составляли российские немцы. Массовая смертность в этом и других подобных «трудармейских» лагерях, где были созданы условия, практически несовместимые с жизнью, полностью соответствует известному понятию этноцида (геноцида по национальному признаку).

В последние годы тематика геноцида привлекла к себе внимание и ряда профессиональных историков российских немцев. К величайшему сожалению, их соответствующие работы вызывают в основном недоумение, да и то – в лучшем случае. Как, к примеру, расценить позицию проф. А. Германа (г. Саратов), когда он в своем недавнем докладе берется утверждать, что никакого геноцида в отношении российских немцев вообще не было, основываясь лишь на скудных и противоречивых данных советской демографической статистики? Неужели и сегодня, после Гитлера и Сталина, еще нужно напоминать, что геноцид выражается не просто в гибели большого количества людей, но что это явление имеет вполне определенные качественные характеристики, четко сформулированные в общепризнанном акте международного права – «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой ООН 9.12.1948 г. и ратифицированной СССР 18.3.1954 г.?

А. Герман совершил воистину немыслимое – вообще не упомянул об этом основополагающем документе в своем докладе, посвященном, судя по названию, именно проблеме геноцида. Вместо этого он заявил, что «не является юристом и не может достаточно компетентно аргументировать свое мнение в этих вопросах в правовом плане». В результате его доклад оказался посвящен не заявленной в названии, а совсем иной теме – демографическим потерям немецкого населения СССР в 1937-53 гг. Конечно, она имеет отношение к проблеме геноцида, однако даже компетентное и скрупулезное демографическое исследование само по себе не в состоянии дать ответа на вопрос о том, могут ли определенные демографические потери считаться следствием политики геноцида (и, тем более, о том, «достаточно» ли велики эти потери, чтобы можно было говорить о геноциде). К тому же ни одна из работ А. Германа не свидетельствует об особой компетентности автора не только в вопросах права, но и в проблемах демографической статистики.

Оценки демографических потерь российских немцев в сталинский период публиковались в последние годы не раз, в т. ч. и автором данной работы. Чтобы сказать новое слово по этому сложному вопросу, необходимо, очевидно, привлечь совершенно неизвестные статистические материалы или, по крайней мере, не применявшиеся ранее методы статистического анализа. Последнюю задачу не без успеха попытался решить в своей недавней книге Д. Эдиев. А. Герман не сделал ничего подобного, практически ограничившись использованием уже опубликованных данных. Результатом его собственных исследований может считаться лишь одна обнародованная им цифра – число российских немцев, оказавшихся на оккупированной территории, подвергнутых «административному переселению» в Германию (точнее говоря, в основном в т. н. Вартегау) и затем избежавших принудительной «репатриации» в СССР (согласно А. Герману, не менее 160 тыс.). Однако уже эта цифра выглядит весьма сомнительно. Она исходит из утверждений автора, что под оккупацией оказалось ок. 304 тыс. российских немцев, а в СССР за 1945-48 гг. было возвращено ок. 150 тыс. из них. Между тем, давно известно, что на 1.1.1953 г., по официальным данным, в СССР насчитывалось свыше 208 тыс. немцев-«репатриантов» или почти на 39% больше. Подобный прирост численности всего за 4-7 лет и в тех условиях, в которых содержались «репатрианты», представляется, по меньшей мере, маловероятным. Следовательно, повисает в воздухе и вывод А. Германа о том, что «внутренние» потери немецкого населения СССР за 1941-48 гг. составили примерно 150 тыс. человек.

Впрочем, рассмотрим расчет, который привел саратовского профессора к этому выводу, от начала до конца. Должен сразу же заметить, что даже если бы А. Герман сознательно задался целью запутать читателя (и заодно запутаться самому), он едва ли мог справиться с этой странной

задачей более успешно. Так, его выкладки во 2-м разделе доклада («Великая Отечественная война») начинаются с солидной, на первый взгляд, ссылки на дело 83 из фонда 9479 (фонд НКВД-МВД) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Неясно, однако, зачем же в данном случае отсылать читателей в архив: значительная часть материалов этого дела давно обнародована и известна всем исследователям депортации российских немцев. Опубликован и лист 41, на который ссылается А. Герман. Правда, те данные об общем количестве немцев, депортированных из европейской части СССР к началу 1942 г., которые, по А. Герману, содержатся на этом листе, там на самом деле отсутствуют. Они приведены в другом месте – на листе 49 того же дела. При этом приведенная цифра (856168 чел.) не может считаться сколько-нибудь достоверной, т. к. предполагает, что с территории АССР НП было депортировано 446480 чел. Кому-кому, а историку Немреспублики А. Герману известно, что последняя цифра очень далека от реальности (она включает депортированных не только из АССР НП, но также из Саратовской и Сталинградской областей). Более того, он когда-то уже каялся, что привел ее в одной из своих публикаций. Однако это почему-то не помешало ему повторить ту же грубую ошибку годы спустя. Помимо всего прочего совершенно непонятно, для чего А. Герману понадобилось ссылаться на документ от 25.12.1941 г. Там ведь заведомо не могло быть точных данных о числе депортированных «к началу 1942 г.», и его авторы этого ничуть не скрывали. Между тем давно известен другой аналогичный документ, содержащийся на листе 203 все того же дела и датированный уже 13.7.1942 г. Здесь приведены и верные данные по АССР НП, и уточненные цифры по целому ряду других регионов, и, естественно, совершенно другой итоговый показатель – 799459 депортированных с сентября 1941 г. по 1.1.1942 г.

Ничуть не лучше обстоит дело и с другими исходными данными в расчетах А. Германа – о том, что «накануне войны» в европейской части СССР проживало 1 млн 157 тыс. немцев, а в остальных районах страны – «чуть более» 230 тыс. Прежде всего неясно, что означает «накануне войны». В октябре-декабре 1941 г., в ходе подготовки и проведения депортации российских немцев, органы НКВД собрали множество сведений о численности немецкого населения в разных регионах. Однако свести эти данные воедино, увы, невозможно, поскольку их отличает полнейший разнородность: в одних местах просто воспользовались материалами переписи 1939 г., в других учли только взрослых, в третьих всякий раз отчитывались по-разному и т. п. Если пытаться охарактеризовать демографическую ситуацию немецкого населения СССР в целом за тот период, то ничего не остается, как воспользоваться данными последней предвоенной переписи населения 1939 г., сколь бы много сомнений ни высказывалось по поводу их достоверности. (Кстати сказать, работа с материалами этой переписи давно привела меня к выводу, что расхожее мнение о их тотальной фальсификации сильно преувеличено: из интересующих нас данных там явно сфальсифицированы только демографические показатели по АССР НП.) По всей видимости, к подобному заключению пришел и А. Герман. Во всяком случае, я могу объяснить вышеприведенную цифру 1157 тыс. лишь его обращением к материалам переписи 1939 г., приведенным на листах 1-3 дела 83. Сам он на сей раз загадочно умолчал об источнике, но мы все же заглянем в соответствующий, опять-таки хорошо известный документ. Он был составлен осенью 1941 г. в НКВД, а не в ЦСУ, и его авторов интересовала не демография, а проблемы депортации немецкого населения. Поэтому там имеются подробные сведения только о численности немцев в европейской части СССР (по терминологии авторов – «западнее Волги»).

Просуммировав соответствующие цифры по РСФСР, Украине, Белоруссии и Закавказью, получим 1145230 чел. Мне неловко об этом писать, но если добавить к данному итогу немецкое население Молдавии (11947 чел.), то как раз и получается 1157 тыс. Непонятен, правда, смысл подобной процедуры: в 1939 г. Молдавская АССР входила в состав Украинской ССР, и данные по этой автономии уже учтены в общей цифре по Украине, а значит и в итоговом количестве 1145230. Но это уж вопрос не ко мне, а исключительно к А. Герману.

Было бы небезынтересно узнать у него и о том, почему он совершенно некритично использовал данные этого специфического документа НКВД. Там ведь, между прочим, к территории «западнее Волги» отнесены Приморский и Хабаровский края, но не отнесен Ленинград. С точки зрения «демографов» из «органов», определенная логика в этом, конечно, была: осенью 1941 г. явно планировалась депортация немецких жителей Дальнего Востока (в немецких селах Приамурья она была осуществлена, к примеру, в ноябре 1941 г.), а вот перспективы изгнания немецкого населения из уже блокированного Ленинграда в то время не просматривались (немцев Ленинграда и частично Ленинградской обл. удалось депортировать в Сибирь лишь в марте 1942 г.). Неясно только, зачем современному историку понадобилось следовать в этом вопросе депортационной, а отнюдь не научной логике НКВД. И почему нельзя было дополнительно учесть данные переписи 1939 г. по немецкому населению Ленинграда и целого ряда других регионов европейской части СССР (Пермская обл., Башкирская, Коми, Марийская, Мордовская, Татарская, Удмуртская и Чувашская АССР), отсутствующие в указанном источнике, но также опубликованные?

Столь же туманно происхождение вышеупомянутой цифры 230 тыс., источник которой А. Герман также скрыл. Из итогов переписи 1939 г. ее вывести нельзя – если воспользоваться ими, то окажется, что в «остальных районах СССР» в то время проживало более 300 тыс. немцев. Незаменимое архивное дело 83 здесь тоже не поможет – в нем нет данных по большинству регионов за Уралом, т. к. в 1941 г. никто всерьез не планировал депортировать оттуда немцев. Остается предположить одно – А. Герман просуммировал обнаруженные им сведения за 1941 г. с данными переписи 1939 г. по остальным регионам азиатской части СССР. В итоге действительно получается цифра, близкая к 230 тыс. Правда, она лишена всякого реального смысла: данные НКВД за 1941 г. по многим регионам гораздо меньше соответствующих показателей переписи 1939 г. (как я уже отмечал, гебистские «демографы» нередко фиксировали только взрослое немецкое население). Если сложить приведенные А. Германом цифры 1157 тыс. и 230 тыс., то получится, что «накануне войны» в СССР проживало 1387 тыс. немцев – судя по всем имеющимся демографическим данным и оценкам, явно заниженная цифра. Примечательно, что сам А. Герман в дальнейшем ее не использует и исходит из хорошо известной цифры 1430 тыс. (1120 тыс. + 310 тыс.).

После всего изложенного читателя, вероятно, уже не удивит, что А. Герман исходил из неверной численности «советских» немцев и на 1948 г.: со ссылкой на В. Земскова он утверждает, что таковая составляла 1,12 млн, хотя последний приводит совсем другую цифру – 1012754 чел. Я допускаю, что данные В. Земскова могли быть искажены просто за давностью лет (его соответствующая статья опубликована еще в 1991 г.). Но никто ведь не мешал А. Герману свериться со свежими публикациями, тем более, что указанная цифра В. Земскова приводилась в литературе не раз. Не лишне было бы заглянуть и в недавнюю монографию В. Земскова (она вышла в свет еще до публикации доклада А. Германа), где сообщается, к примеру, что на 1.1.1949 г. в СССР был зарегистрирован 1035701 немец-спецпоселенец, – явное несоответствие с цифрой А. Германа.

Что получается в итоге? В действительности А. Герман пытался оценить демографические потери российских немцев за 1939–48 гг., а не за 1941–48 гг., о чем было заявлено в его докладе (цифра 1430 тыс., из которой он, в конечном счете, исходил, – это не что иное, как численность немцев в СССР по данным переписи 1939 г.). При этом он, помимо всего прочего, полностью обошел очень существенный момент: за эти 9 долгих и чрезвычайно тяжелых лет российские немцы не только умирали, но и появлялись на свет, причем в довоенные и особенно в послевоенные годы в немалом количестве. Точные статистические данные на этот счет, к сожалению, отсутствуют, но любой автор, коль скоро он взялся за исследование подобной проблемы, просто обязан привести соответствующие оценки. Если не принимать во внимание рождаемость и естественный прирост населения, то, как хорошо знают статистики, ни о каком

изучении демографических потерь говорить не приходится, что и произошло в случае с А. Германом. Что же касается его нескончаемой путаницы с цифрами, то возникает естественный вопрос: имеет ли вообще смысл углубляться в демографическую статистику на подобном уровне компетентности? Оставляю его на усмотрение профессоров истории, коллег А. Германа. Им, как говорится, видней.

В отличие от А. Германа, другой известный автор – Л. Белковец – избежала рискованных экскурсов в демографическую статистику и не пыталась создать у читателя впечатления, будто Конвенция ООН от 9.12.1948 г. ей вовсе неизвестна. Дважды воспроизведя в своей недавней книге основные положения этого документа, профессор из Новосибирска оба раза попросту заявила, что действия Советского государства в отношении немцев и других депортированных народов к нему не относятся, не утруждая себя вообще никакими аргументами. В итоге вполне закономерный вывод: «Политика СССР в отношении депортированных народов в 1940-1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление по причине отсутствия всех элементов состава такого преступления, как геноцид».

Столь далеко идущая ревизия нашей трагической истории смутила даже единомышленника Л. Белковец, более осторожного А. Германа. В самом деле, ведь отсюда уже один шаг до вывода о несостоятельности как Закона РСФСР от 26.4.1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», упоминающего о геноциде в отношении данных народов в преамбуле и ст. 2 (к примеру, Л. Белковец пренебрежительно приписывает этому закону «популистский характер»), так и Декларации ВС СССР от 14.11.1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». А может быть, дискредитация этих основополагающих реабилитационных актов и представляет собой подлинную цель крайне неуклюжих попыток некоторых историков безоговорочно отрицать сталинский геноцид в отношении российских немцев?

Что касается меня, то я уже давно обнародовал свои выводы по данной проблеме и не вижу оснований их воспроизводить. Хотел бы только отметить, что «трудармейские» концлагеря, организованные для немцев, как и для представителей некоторых других неугодных национальностей, являются, по моему убеждению, одним из самых весомых свидетельств сталинского геноцида в отношении российских немцев (но, конечно, отнюдь не единственным подобным свидетельством). И если находятся люди с высокими учеными степенями, публично заявляющие, что, мол, трудармия не имеет отношения к геноциду, поскольку трудармейцами были не только немцы, но также казахи, узбеки и киргизы (хотя, как известно, представители этих народов, в отличие от немцев, мобилизовывались в трудармию далеко не поголовно и содержались там в совершенно иных условиях), то остается только развести руками.

Итогом «антигеноцидных» изысканий А. Германа можно считать его вывод о том, что «с учетом вновь обнаруженных документов» в целом в трудармии умерло не 60 тыс. человек, как он считал ранее, а лишь 35-40 тыс. Никаких подобных документов и даже ссылок на них он, однако, не привел. Более того, во всех его работах нет ни единой ссылки на архивы лагерей и предприятий, где содержались трудармейцы. Вот так сегодня пишется история!..

Между тем, в архиве бывшего Усольяга, как уже отмечалось, хранятся учетные карточки более 3,5 тыс. погибших немцев-трудармейцев. Если верить А. Герману, то получается, что в одном этом лагере погибло 9-10% всех умерших трудармейцев. Согласно его же данным, в трудармию за годы войны было мобилизовано 316 тыс. чел. По моей оценке, через Усольяг прошло не более 4-5% от этого количества. Одно из двух: либо Усольяг резко отличался в худшую сторону от большинства других «трудармейских» лагерей (чего не подтверждают никакие документальные свидетельства), либо с цифрами проф. А. Германа опять что-то не так. Сам он по этому поводу горестно заметил: «Очень трудно определить число немцев, умерших в «Трудармии». Статистика велась из рук вон плохо».

В действительности, как я убедился в архиве Усольлага, «тудармейская» статистика велась ничуть не хуже, чем, к примеру, официальная демографическая статистика, на которую этот автор ссылается столь охотно. Проблема, думается, в другом: уважающему себя ученому следовало бы сначала спуститься с высот ГАРФа в архивы конкретных «тудармейских» лагерей, тщательно изучить все необходимые документы и материалы и лишь затем пытаться выступать с далеко идущими обобщениями, подвергая коренной ревизии самую ужасную национальную трагедию своего народа.

Виктор Дизендорф,
Общественная Академия наук российских немцев (Москва)

<http://www.nd-rt.ru/2007/01/30/o-genocide-trudarmii-i-demograficheskoy-statistike/>

Форум. «Репрессии. Раскулачивание. Депортация и тудармия»

Немцы тудармейцы «Челябметаллургстроя»

Mantyk: Я хотел бы узнать о тех людях и их судьбу в тудармии «Челябметаллургстроя», может есть ещё свидетели тех страшных дней. Мой дед Рихард и его брат Данил были там в годы ВОВ, к сожалению, мой дед умер там, если можно так сказать, ему было всего 28 лет. Это случилось 12 ноября 1942 года, когда он не смог дальше толкать вагонетку с породой, к нему подошёл НКВДшник, и со словами: «Вставай немецкая сволочь», стал его пинать ногами, большой и обессиленный репрессиями, голодом и издевательствами он не смог подняться. После всего его подтащили к колючей проволоке соседнего барака, там находился его брат Данил, которому он успел передать перед смертью свою волю. Он попросил Данила, если тот останется жив, не бросить его сына и его молодую жену Зосю одних, и помочь вырастить и воспитать моего папу. Данил выжил слава Богу! Данил был 1904 года рождения, и пред ВОВ ему пришлось ещё послужить и в Царской армии, он и поведал нам эту историю. Моя прабабушка Матильда не дала жить вместе моей бабушке Зосе и Данилу, она сказала, что брат с женой брата не имеет права жить по религиозным убеждениям.

Я прошу добавляйте сюда своих родственников, тех кто был в «Челябметаллургстрое».

Svetlaia: <http://www.chelarhiv.ru/kniga.shtml> Книга Памяти тудармейцев треста «Челябметаллургстроя» <http://wolgadeutschen.borda.ru/?1-5-0-00000006-000-80-0>

Mantyk: Svetlaia спасибо вам за помощь, я уже был на этих страницах, и на шёл там брата моего деда. Мой дед Рихард 1914 года рождения и его брат Данил 1904 года рождения попали в тудармию в 1942 году. Я нашёл там информацию на Данила, а вот на Рихарда не нашёл, я и звонил туда, они говорят что работаю со старыми истлевшими документами, некоторые из них невозможно прочитать.

vikki: Mantyk Мой отец и два дяди тоже были в тудармии в Челябинске. У одного дяди было так искажённая фамилия, что зная все данные о нём, смогла его определить. Другого дядю не нашла, хотя он с моим отцом в одной бригаде был. Попробуйте сделать туда письменный запрос на вашего деда.

Mantyk: Я туда звонил и разговаривал с работниками, они сказали хорошо, но с того времени не добавилось не одной фамилии, я проверяю ту страницу каждый раз.

heiner: Райхерт Петр Андреевич 1917 года рождения, место рождения - Орджоникидзевский край, Минераловодский р-н, ст. Константиновка, немец, проживал -

Московская обл., г.Москва, мобилизован - Пролетарским РВК, 13.02.1943, причина убытия - СУ 859 05.10.1946. Я чуть не упал со стула!!! Данные на дедова брата...Но!? Дата рождения у нашего Петра была 1908 год, а эта похоже на дату рождения моего деда Андрея. И причем тут Москва? Чудеса в решете ...

Nic: heiner пишет: Чудеса в решете ... Хм... У меня таких чудес в решете у половины родственников. Пора нанимать гадалок. Сертифицированных, естественно.

Mantyk: Я документально могу подтвердить, я имею в виду ошибки в фамилии моих предков. На прадеда одно написание фамилии, на деда - другое. Писаки такие были, или проблема с переводом, да и предки не могли исправить написанное, Они не понимали русскую рукопись. К примеру, записать мою фамилию на финском, и спросить: «Проверь правильность», ну что я смогу, так я сейчас свободно дышу и живу, а им бедным пришлось больше молчать, кто молчал, тот и выжил.

silvester: Mantyk пишет: Я документально могу подтвердить, я имею в виду ошибки в фамилии моих предков. Ну что Вы так переживаете! Как только не искажалась моя фамилия и имя в России. В трудовой книжке, военном билете, паспорте, свидетельстве о рождении - везде было разное написание фамилии и имени. Приписное свидетельство и военный билет, который выдаётся на основании приписного свидетельства, имели также разное написание. Мой диплом судоводителя с именем на «Александр» имел три вкладыша, которые удаляются за нарушение правил судовождения. Во всех этих вкладышах стояло имя «Сильвестр». Это были разные, по сути, документы. Я ничего не мог сделать с этим в России, т.к. получал уже готовый документ. А заехав в Германию, в пересыльном лагере «Frieddland» чиновники шли навстречу и правильно писали фамилию и имя. Это конечно касалось паспортных данных. Я то знал, как правильно пишется моя фамилия и имя, и чиновник ничего не имел против. Теперь у меня и фамилия, и имя пишутся правильно. Моей жене даже предложили вместо «Надежда» в новом документе написать «Надя», но мы по своему незнанию отказались, мотивируя тем, что так зовут детей. Теперь моя жена об этом жалеет. Все местные знакомые зовут её «Надя» и никто из них не говорит на неё «Надежда», т.к. для местных это труднее. Если у вас была ошибка в написании фамилии в России, то здесь во Фридланде можно было сразу изменить на правильное написание, если это так важно для Вас. Искажение фамилий и имён в России очень частое явление. Мой предок по материнской линии, был здесь в Германии «Johann Jöst Bender», а в колонии Бальцер среди первых колонистов в 1767г. уже «Just Bender». Важно, что я знаю его настоящее имя. Так что не переживайте по поводу таких разных написаний, самое важное знать, чей Вы потомок в действительности и выявить, когда началось неправильное написание фамилии.

resch: я точно знаю что брат моего деда, Феликс Реш, был в трудармии в Челябинске, но пока в списках его нет. Точно: Феликс Иванович Реш, 1909 года рождения. С 1933 по 1941 год жил в Сталинграде.

Irm@: heiner пишет: цитата: Райхерт Петр Андреевич 1917 года рождения, место рождения - Орджоникидзевский край, Минераловодский р-н, ст. Константиновка, немец, проживал - Московская обл., г. Москва, мобилизован - Пролетарским РВК, 13.02.1943, причина убытия - СУ 859 05.10.1946. я чуть не упал со стула!!! Данные на дедова брата...Но!? Дата рождения у нашего Петра была 1908 год, а эта похоже на дату рождения моего деда Андрея. И причем тут Москва? Чудеса в решете ... Возможно этот Петр-полный тёзка вашего деда. Я с этим столкнулась в архивах - одно Ф.И.О., место рождения, Думала ошибка по дате рождения, оказалось-разные люди

Mantyk: Спасибо вам Люди! За отзывчивость, пишете ещё, это важно, они не должны быть забыты .

Henriette: Наши говорили Коркино возле Челябинска, там было много строительных участков (=KZ). Свекра нашла, а деда (его отца) нет. Но дед нам всегда рассказывал, что из 72.000

человек в живых осталась половина. И первыми умерли большие крепкие мужчины. Буду дальше смотреть списки. Спасибо за ссылки.

Walerij: Из воспоминаний А. Ример. «Я был в трудармии недалеко от Челябинска. Одним из апрельских дней 1943г., после рабочей смены, начальник барака приказал выйти на работу. Мы должны были похоронить очередную партию умерших. Копали могилу в лесу, не успев закончить до темноты, земля была ещё промёрзшей, всех вернули в лагерь. Когда снимали тела умерших с повозок я узнал своего односельчанина – Александра Шекк...» Шекк Александр Иванович 1895 года рождения, место рождения - АССР НП, с.Моор, немец, проживал - Карагандинская обл., Кировский р-н, с.Самарканд, мобилизован - Кировским РВК, 16.04.1942, причина убытия - умер 13.04.1943. И сколько было таких воспоминаний, рассказов, анекдотов. Мой дед был ещё жив, когда я учился в институте, а вот бы записать все эти воспоминания и меня это сейчас сильно мучает. Не от того, что сколько было бы материала, а от отсутствия уважения к непростой судьбе своих близких.

Mantyk: Да, Коркино я тоже слышал, у моей мамы, она русская, папа, мой дед, прошёл 4 войны, был казак, Яганцев Григорий - Финская, Японская, Турецкая, и с Калчом воевали, а в 1941 попал в трудармию. Он тоже маме много рассказывал о времени проведённом там. Говорил. Что кормили отвратительно, гнилую капусту повара варили и хлеб был сырым, как тесто, один раз они поймали повара, и закатали ему этот хлеб в волосы. Если выбрасывал кто-то окурок, то все на него набрасывались сверху, как в регби на мяч. Моя бабушка, выращивала табак и посылала посылки деду, он часто вспоминал и говорил, если бы не ты, я бы там сгинул, там была страшная цинга.

Svetlaia: Если у кого родные работали после войны на Челябинском металлургическом комбинате, то могут прислать личную карточку трудящегося. Адрес: 454047 г. Челябинск, ул. 2-я Павелецкая, д. 14 ОАО «Челябинский металлургический комбинат «Мечел».

Марьяновка: Mantyk пишет: Да, Коркино я тоже слышал, у моей мамы она русская папа. Мой дед прошёл 4 войны, был казак, Яганцев Григорий – Финская, Японская, Турецкая и с Калчом воевали, а в 1941 попал в трудармию. Странно... Я ни разу не слышал, чтобы русские были в трудармии.

Mantyk: Вам странно Марьяновка? А я свидетель того самого случая. А кто такие казаки, вам думаю пояснять не надо, и против какой власти они были настроены, можно найти много информации по этому поводу в интернете.

Lili: Всем, здравствуйте! Нашла в книге памяти «Челябметаллургстроя» данные моего деда, сравнила с имеющейся у меня справкой из архива. Год рождения и смерти, а также место рождения, призыва и смерти сходятся, но только не фамилия и имя с отчеством... Грустно и обидно за деда, ведь каких только вариантов написания нет с его фамилией. Видимо у составителей книги, голова шла кругом... Дай Бог им здоровья!!!

Lili: Таг Кондратий Кондратьевич 1903 года рождения, место рождения - Саратовская обл., Маркштадтский р-н, с.Базель, немец, проживал - Южно-Казахстанская обл., Келлеский р-н, 18.04.1942, причина убытия - умер 16.11.1942. А фактически Таг Конрад Конрадович

RollW: Lili пишет: Таг Кондратий Кондратьевич 1903 года рождения, место рождения - Саратовская обл., Маркштадтский р-н, с.Базель, немец, проживал - Южно-Казахстанская обл., Келлеский р-н, 18.04.1942, причина убытия - умер 16.11.1942. А фактически Таг Конрад Конрадович Lili. Хоть и обидно за искажения, но Вы нашли своего дедушку, другим и этого не удастся. Просто канули в безывестность ... и всё. А если уж быть до конца точным, то у немцев нет отчества, это к немцам Поволжья тоже имело отношение. Для того, чтобы идентифицировать по происхождению, указывали как в Вашем примере - ТАГ КОНРАД сын КОНРАДА!!! Вот так было фактически правильно. А еще из-за того что имена часто повторялись людей еще разделяли по иным признакам (часто это были прозвища, клички). Ну, а на составителей Книг памяти не

стоит обижаться, они хотя и на русский лад, но написали литературно правильно, а в трудармии и спец. комендатурах так искажали, что вообще можно было не узнать к кому это относится.

Selma: Lili пишет: Видимо у составителей книги, голова шла кругом... Lili! Вы в руках держали хотя бы одно дело, а точнее там не дело, а одна-две бумажки, которым сегодня уже 70 лет! А, как и где они хранятся, видели, знаете? А кто такие составители этих книг знаете? И как и на каких условиях они работали?

Lili: Selma! Нет, я их не знаю и на каких условиях тоже. И могу представить, как хранятся архивные документы. И совершенно не в претензии к ним, учитывая такое множество интерпретаций данной фамилии.

Mantyk: Был там мой дед и я свидетель тому. По маме Яганцев Григорий Алексеевич, а причина была возраст, а может другая какая. По отцу там был мой дед Рихард, немец, в 1942 в ноябре умер от побоев, ему было 28 лет на тот момент.

С фронта в трудармию

Работа в рамках проекта «МК-Урал» к 70-летию Победы

22.03.2015

Приближается знаменательная дата - 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В 2015 году девятого мая салют Победы прозвучит уже в семидесятый раз. Идут годы, меняется жизнь, но быстротечное время не в силах стереть из памяти благодарных потомков великую дату - 9 Мая 1945 года. Она навечно вписана в историю всего человечества.

Леонгардт Б.Б. 1959 г

Всё меньше и меньше остаётся участников Великой Отечественной войны. Время не щадит поколения, которые принесли на алтарь победы свои молодые годы, здоровье и саму жизнь. Прошло уже столько лет, но в памяти народной и поныне живы бессмертные страдания и безмерное мужество народа. Каждого участника войны можно считать героем нашей страны.

Леонгардт Б.Б. и его жена Наталья Ивановна 1945 г.

Активом школьного музея МОУ СОШ № 2 «Моя малая Родина» ведется поисковая деятельность по сбору и изучению материалов о ветеранах Великой Отечественной войны, проживавших и проживающих в настоящее время в поселке Октябрьском Копейского городского округа.

По сведениям Совета ветеранов Октябрьского территориального отдела всего на учете в поселке Октябрьском состояло 277 участников Великой Отечественной войны. По спискам, хранившимся в Совете ветеранов, на 6 мая 1991 года в живых осталось только 69 участников ВОВ.

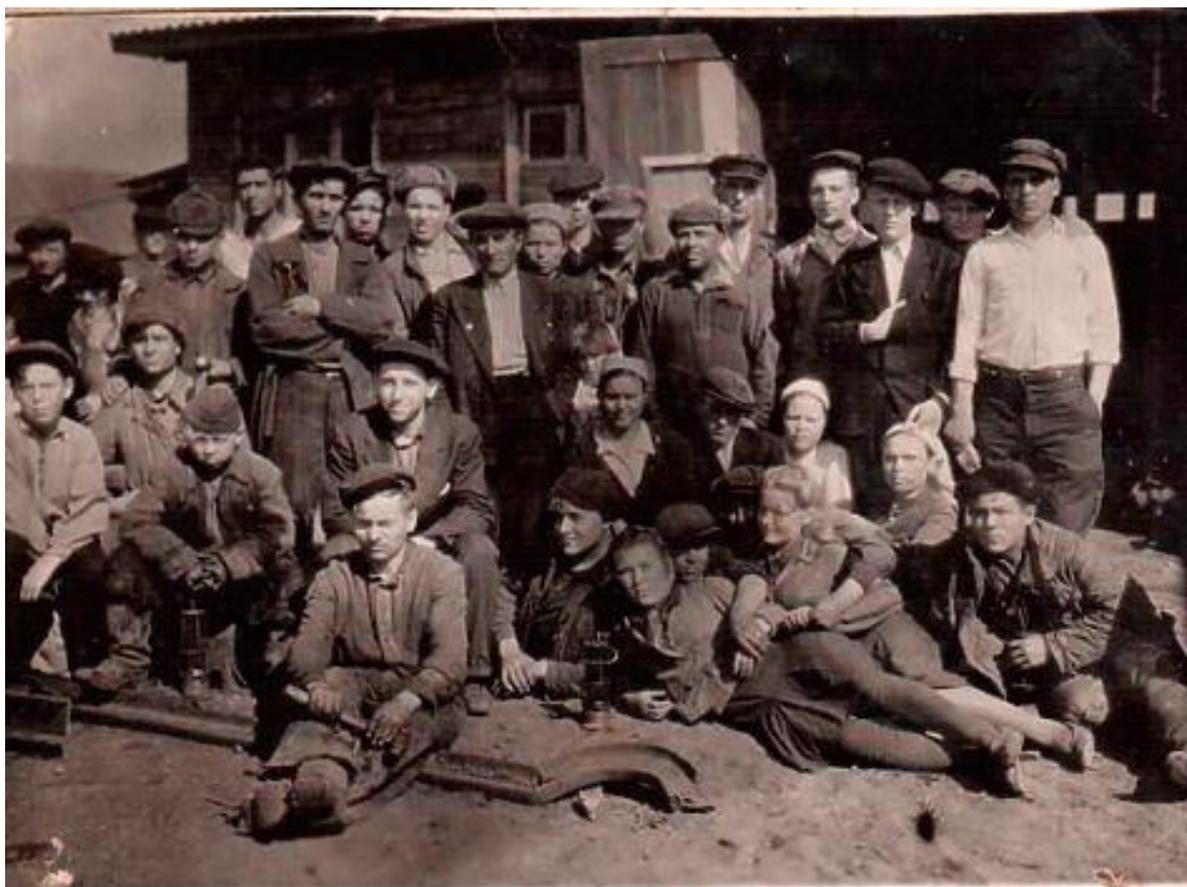

Карта участия в военных действиях прадедушки в 1941 г

В 2007 году был создан Музей истории школы и поселка Октябрьский «Моя малая Родина». В одном из разделов музея был начат сбор материалов об участниках войны - их было в то время 43 человека. К 65-летию Победы в школе проводилась работа в рамках проекта «Отрывной календарь войны». По результатам этой деятельности на «Стену памяти» Челябинской области было отправлено 68 фотографий участников войны. В 2010 году осталось в живых 10 ветеранов, в настоящее время – уже пять человек.

Ученики нашей школы собирают данные об участниках войны и пополняют базу школьного музея «Моя малая Родина».

Я хочу рассказать о моем прадедушке Богдане Богдановиче Леонгардте – участнике Великой Отечественной войны.

п. Роза после работы (прадедушка в последнем ряду второй справа на одной из шахт г. Коркино)

В семье сестры моей бабушки Наталии Богдановны Никитиной (младшей дочери Леонгардта Б.Б.) хранится письмо в Министерство обороны СССР, копия автобиографии, справка о признании пострадавшим от политических репрессий из областного архива, несколько фотографий прадеда во время работы в трудармии, куда был репрессирован Леонгардт Б.Б.

Мы решили изучить биографию прадедушки и его боевой путь, найти материал об участии 43-й армии Резервного фронта в военных действиях в период с 29 июня 1941 г. по 29 сентября 1941 г., чтобы больше узнать о фронтовой деятельности прадеда.

Леонгардт Богдан Богданович родился 30 июля 1919 года в семье крестьянина в селе Альт-Урбах Красноярского района Саратовской области. С 1927 по 1934 год учился в неполной средней школе. В 1934 году окончил семилетку. С 1934 по 1937 год работал учетчиком в колхозе «Спартак». Затем два года учился в школе ФЗУ завода «Коммунист» города Маркшадт

Саратовской области на токаря по металлу. С 1938 по 1939 годы прадед работал по специальности в районной МТС Красноярского района АССРНП. С 1939 по 1940 годы - учился на курсах политработников.

семья Леонгардт 1960-61г.г. (в последнем ряду двое слева и их дети, на фото нет самого старшего - служил в армии и самой младшей, т.к. родилась в 1963г.)

8 августа 1940 года Богдан Богданович был призван в ряды РККА. Он служил в городе Горьком. В октябре 1940 года был послан в Москву в особую Кавалерийскую бригаду учиться на инструктора козовых кузнецов. По окончании курсов вернулся в Горький в часть, где прослужил по этой специальности до 29 июня 1941 года. А затем, с 29 июня по 18 июля 1941 года воевал на фронте. 18 июля его дивизия была рассеяна, остатки воинских подразделений отправлены в формирующий пункт в районный город Кировск. Там был организован взвод по охране командующего 43-й армии Г.К. Жукова. В этом взводе прадедушка служил до 29 сентября 1941 года, а затем его сняли с фронта и направили служить в Магнитогорск (с 14 октября 1941 г. по май 1942 г.). В мае 1942 года он был демобилизован из рядов Красной Армии и мобилизован (репрессирован) в трудармию. В справке о реабилитации на имя моего прадедушки Леонгардта Богдана Богдановича. сказано, что он репрессирован по национальному признаку, как лицо немецкой национальности, в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 12.09.1941г. (ГОКО СССР от 29.09.41г.), Указа ПВС СССР от 29.08.41г. и реабилитирован 4.03.1993 г.

С мая 1942 года по май 1943 года Богдан Богданович работал в Челябинске в ЦЭММ токарем, затем был переведен в Коркинское шахтоуправление на шахты 7-10, 17-20. С мая 1943-го по май 1945-го работал слесарем. С июня 1945 года был переведен механиком на шахте №17-20 до 18 января 1949 года, затем до 1958 года работал на шахте № 19 в Коркино подземным

электромонтером, механиком. Затем трудился на шахте «Октябрьская» (ранее «3-я Калачевская шахта») электрослесарем участка ВШТ (внутришахтного транспорта). За годы работы на шахте «3-я Калачевская - Октябрьская» неоднократно избирался председателем шахтного комитета, а также несколько раз был избран депутатом городского и областного Советов депутатов. Шахтерский стаж 27 лет. В 1969 году прадедушка был травмирован на шахте и получил инвалидность.

В семье младшей дочери хранятся его наградные документы.

Прадедушка награжден медалью «За доблесть и отвагу», юбилейными медалями «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», «50 лет вооруженных сил СССР», Знаком «Шахтерская слава» двух степеней, ему присвоено звание «Почетный шахтер».

семья Леонгардт и Фритц 1957 г

К сожалению, боевых наград у дедушки не было, но я считаю, что если бы его не сняли с фронта как репрессированного по национальному признаку, то он обязательно бы их заслужил.

Автор: Наталья Квашнина, учащаяся 6 «В» класса МОУ СОШ № 2 Копейского городского округа;

Руководитель: руководитель музея МОУ СОШ № 2 истории школы и поселка Октябрьский Копейского городского округа «Моя малая Родина» Сысоева Екатерина Богдановна

Влияние русской культуры на язык российских немцев, проживающих на территории Челябинской области (К проекту создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала»)

Активное влияние русской культуры на язык южноуральских немцев началось во второй половине XX в. Оно проявлялось в усвоении из русского языка слов, отмеченных этнокультурной значимостью. Данный процесс обусловил усиление ассимиляции и укрепление двуязычия в речи исследуемого этноса.

Современная историческая наука обладает солидным комплексом исследований в области истории российских немцев. Собран богатейший материал, позволяющий проследить основные демографические, социально-экономические, политические и культурные процессы, происходящие в среде немецкого этноса, проживающего на территории России. Основное внимание исследователей сосредоточено на немцах Поволжья и Сибири, при этом одна из территорий традиционного расселения немцев России — Южный Урал — остаётся недостаточно исследованной. Анализ работ историков, этнографов, филологов, архивных документов, а также собранные нами в ходе этнографических экспедиций материалы натолкнули на мысль о необходимости создания словаря-справочника «Немцы Южного Урала». Планируется включить в него обзорные статьи, посвящённые основным историческим процессам, происходившим в жизни южноуральских немцев, биографические описания видных немецких деятелей Южного Урала, справки о немецких населённых пунктах рассматриваемого региона, а также информацию о культуре и религии данной этнической группы.

Исследование этнолингвистических процессов, происходивших в речевой среде российских немцев Челябинской области, будет проводиться в трёх направлениях: изучение изменения лексического состава родного языка, изучение уровня владения родным языком и изучение соотношения в предпочтении этнического или русского языка в различных жизненных ситуациях.

По мнению исследователей В. М. Жирмунского, Т. Б. Смирновой, Т. Ф. Лютовой, немецкий язык в России отличается рядом особенностей: 1) он имел множество диалектов, что объяснялось переселением немцев на территорию России до формирования немецкого литературного языка; 2) немецкий язык развивался в изоляции от своей исторической родины и находился под влиянием иноязычной среды.

На первоначальном этапе пребывания немцев-поселенцев в России, благодаря относительно автономному образу жизни и большим расстояниям между поселениями носителей различных диалектных форм, язык развивался и функционировал

Петренко Оксана Владимировна — аспирант кафедры истории России, старший лаборант кафедры русского языка и общего языкознания Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: petrenko_ov@mail.ru

Атнагулов Ирек Равильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

на основе «привезённого» с исторической родины набора языковых средств. Многие лингвисты, исследующие речевое поведение российских немцев, отмечают, что на протяжении второй половины XVIII-XIX вв. немцы сохраняли самобытность языка и не допускали в свою речь иноязычных слов.

Изменение языковой ситуации у российских немцев пришлось на XX столетие: в связи с ухудшением российско-германских отношений, немцы подверглись депортации, в результате чего носители разных немецких диалектов оказались на одной территории. Так, в деревне Спорная, Челябинской области, сосуществовали немцы из Украины и Поволжья. Согласно воспоминаниям проживающих там респондентов, переселенцам изначально сложно было понимать друг друга. ПНСЖ (в статье используются начальные буквы фамилии, имени, отчества и пола информантов) рассказывает: «Однажды, одна пожилая женщина мне сказала: «Vogaste suschene jacke!», на что я ей ответила: «Яки по горам ходят, а у нас яков нет». Я тогда не знала, что у них «jacke» — это кофта. У нас кофта произносится как «jürchelja»¹. ШМВЖ отмечает, что: «... язык украинских немцев отличается от поволжских немцев. Даже акцент у них разный: поволжские немцы говорят как-то грубо и даже картавят, а у нас говор мягче»². Результатом переселенческой политики советского правительства произошло смешение носителей разных немецких диалектов, что в конечном итоге приводило к их трансформации.

На изменения первоначального диалекта повлиял и русский язык.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выяснить степень проникновения русского языка в немецкую речь, а также определить характер русскоязычного влияния на повседневную жизнь российских немцев, проживающих на территории Челябинской области.

В 1892-1901 гг. на современной территории Челябинской области немецкие колонисты из Екатеринославской, Саратовской и Таврической губерний образовали компактные, обособленные селения со своим языком и культурой, которые были окружены иноязычным населением, преимущественно русским. Вплоть до 1938 г. русский язык слабо влиял на языковые процессы, происходившие внутри немецких поселений. Это было связано, прежде всего, с лояльным отношением власти к обучению в моноэтнических населённых пунктах на родном языке. По данным архивных документов, приобщение немецкоговорящего населения к русскому языку шло следующим образом: «по-русски говорить умеют, но некоторые плохо, а некоторые могут и писать, и читать по-русски»³. Особый интерес представляет депеша Оренбургского губернатора Якова Фёдоровича Барабаша, направленная 7 мая 1903 г. директору народных училищ (Попечителю Оренбургского учебного округа), где он просит «... имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уведомить меня <...> какие Вами приняты предложения к осуществлению мер по распространению русского языка в немецких колониях»⁴. В источниках не сказано, какие конкретно проводились мероприятия в данной области, но в газетах «Голос Руси» (29.12.1915) и «Свет» (04.01.1916) о немцах Оренбуржья писали «... Все они плохо говорят по-русски, ведут образ жизни обособленный от остального населения»⁵.

В социолингвистических работах (Л. И. Москалюк, Ю. В. Березина) отмечается, что в начале XX в. русский язык в немецких селениях распространён слабо, преимущественно он использовался для межэтнического общения, а языковые процессы зависели от того, носители каких диалектов и в каком соотношении в них проживали.

Начало изменения ситуации, как на Южном Урале, так и в России в целом, связывали с 20-ми гг. XX в., когда происходит проникновение в немецкую речь русской лексики. Так, в языке южноуральских немцев появляются такие слова, как «kolxo:z» (колхоз), «oblast'» (область), «гаеоп» (район). В дальнейшем внедрение новых языковых единиц в повседневную жизнь российских немцев неразрывно было связано с историческими процессами, происходившими в обществе. В годы депортации в языковом фонде российских немцев появились слова: «trudarme:» (трудармия), «vojenijs» (военные), «komissijs» (комиссия), «komendant» (комендант), «otmetka» (отметка), «unizhenijs» (унижение); в послевоенное время — «kolxo:znaja kontora» (колхозная контора), «tal'oni» (талон), «otschered'» (очередь), «nagra:di» (награды), а также слова, отражающие русскую культуру — «banja» (баня), «paritsa» (париться), «lapiti» (лапти)⁶.

Важную роль в русификации немецкого этноса сыграло принятие конституции 1936 г. и специального постановления СНК и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В результате русский язык постепенно начинает вытеснять немецкий из ряда сфер коммуникации: обучение ведётся на русском языке. Однако, во внутриэтнической сфере общения по-прежнему использовался немецкий язык; ШПФЖ вспоминает: «Когда я пошла в первый класс (~ 1960 г.) я совсем не могла говорить по-русски. Родители с нами разговаривали только на немецком языке».

Указ Президиума Верховного совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г. не предполагал «возвращение их в места, откуда они были выселены»⁷. Сохранение ограничения в выборе места

жительства повлекло за собой распространение межнациональных браков, следовательно, ассимиляционный процесс усиливался.

До начала 1990-х гг., в ряде немецких поселений Челябинской области, сохранялось относительное преимущество немецких диалектов над русским языком, хотя к этому времени последний уже проник в сферу повседневного общения на неофициальном межэтническом и внутриэтническом уровне. Председатель правления ЧООО «Немецкий культурный центр» А. Я. Нахтигаль вспоминает: «В начале 90-х гг. XX в. я вместе со съёмочной группой ездил снимать сюжет про российских немцев в Октябрьский район Челябинской области. Оказавшись там, я ощутил дух небольшого немецкого городка. Люди везде, в магазине, на улице, разговаривали на немецком языке»⁸. Ситуация стала меняться с 1994 г. В результате массовых реэмиграционных потоков российских немцев в исследуемом регионе сложились предпосылки для перехода русского языка в доминантную форму общения во всех общественных сферах.

1 ПМА 2012, Челябинская обл., п. Октябрьский.

2 ПМА 2012, Челябинская обл., Октябрьский р-н, д. Барсучье.

3 Тихомиров 1993.

4 Тихомиров 1993.

5 Тихомиров 1991.

6 ПМА 2012-2013, Челябинская область, Октябрьский р-н.

7 Ивлева 2012а, 468.

8 ПМА 2012, г. Челябинск.

Процесс утраты позиций немецкого языка в среде его носителей отражают данные переписей населения:

Год	Кол-во немцев, проживающих на территории Челябинской области	Кол-во немцев, считающих немецкий язык родным	Кол-во немцев, считающих русский язык родным
1970	40 688	18 609	22 029
1979	39 726	14 096	25 581
1989	39 215	12 968	26 201
2002	28 457	вопрос отсутствовал	вопрос отсутствовал
2010	18 687	1 320	17 327

Приведённые в таблице данные отражают только общую тенденцию. Более глубоко изучить языковую ситуацию исследуемого этноса на современном этапе мы можем посредством этнографических экспедиций.

Этносоциологическое исследование, проводившееся в Октябрьском районе Челябинской области (территория наиболее компактного проживания российских немцев), показало, что на современном этапе для российских немцев характерен билингвизм. При этом интересно отметить, что отношение к немецкому языку неоднозначное. С одной стороны, те, кто считают своим родным языком немецкий, подчёркивают, что используют его только при необходимости, основным же языком общения выступает русский. При ответе на вопрос о сфере применения немецкого языка, подавляющее большинство респондентов ответили — во время поездок в Германию; 44,3% — указали, что используют язык в бытовой сфере: с бабушками на нём говорят 14,1%, с родителями — 19%, с супругами — 6,2%, с детьми — 5%; 12% опрошенных разговаривают на немецком языке в Центре немецкой культуры⁹. С другой стороны, респонденты, утверждающие, что их родной язык русский, наделяют немецкий язык культурной ценностью: используют язык предков в национальных праздниках (Advent, adventskranz, heiliger Abend, Pelznickel и т.п.) — 98,9% опрошенных, готовят блюда с немецкими названиями (Rindfleischsuppe, Sauerkraut, Schweinebraten и т.п.) — 80%, используют язык в молитвах и песнях — 29,8%, употребляют минимальный набор слов (пожелание, приветствие) — 52,4%, называют родственников на родном языке (motta, opa и т.п.) — 32%.

В современной ситуации в исследуемом районе среди респондентов отмечается низкий уровень владения немецким диалектом. Анкетирование показало, что носителями диалектов и говоров являются люди 1930-1960 гг. рождения. Среднее поколение обнаруживает довольно высокий уровень владения языком предков. Младшее поколение знает отдельные слова, либо вовсе не владеет немецкими диалектами. Противоположная тенденция прослеживается в области владения немецким литературным языком. Так, при ответе на вопрос, в какой форме респонденты, владеющие немецким языком, его знают:

Возраст респондентов	Форма языка	Кол-во респондентов (%)
Старше 50	диалектная	59%
	Литературная	0%
От 25 до 50	диалектная и литературная	41%
	диалектная	51,6%
	литературная	8,2%
Младше 25	диалектная и литературная	43,4%
	диалектная	7,6%
	литературная	83,8%
	диалектная и литературная	8,6%

В сохранении немецкого языка, наряду с семейной сферой (где преимущественно говорят на диалектах), значительную роль играют образовательные структуры:

Образовательное учреждение	Кол-во респондентов (%)
Школа	64,5%
Вуз	23%
Специальные курсы	15%
Национально-культурный центр	10%

В среде российских немцев наблюдается рост осознания необходимости преподавания детям немецкого языка. На вопрос «Нужно ли детям преподавать немецкий язык в школе?» утвердительно ответили 93% опрашиваемых, затруднились ответить — 6,3%, отрицательно ответили лишь 0,7%.

В сфере пассивного участия в языковой деятельности (чтение литературы, газет, журналов, просмотр спектаклей и ТУ) большинство респондентов (98,8%) отдадут предпочтение русскому языку. Сами участники опроса объясняют это тем, что, во-первых, печатной продукции в России на немецком языке выходит немного, и она менее разнообразна, чем русскоязычная; во-вторых, тем, что слабо владеют немецким литературным языком.

Таким образом, влияние ряда социальных и языковых факторов и политика российского государства по отношению к немецкому населению в XX в., с одной стороны, приводит к стиранию различий между диалектами, с другой — к усилению ассимиляционных процессов. В результате характерной чертой современных этноязыковых процессов у немцев Челябинской области является укрепление билингвизма. При этом уровень владения литературным немецким языком у младшего поколения выше, в то время как основным носителем немецких говоров и диалектов остаётся старшее поколение. Русский язык

9 Здесь и далее данные приводятся из ПМА 2012-2013, Челябинская область, Октябрьский р-н.

стал средством общения не только между этносами, но и внутри немецкого этноса, в то время как сфера действия немецкого языка сужается до уровня внутрисемейного, бытового общения. Как показали переписи населения и социологический опрос немецкого населения, степень владения русским языком у немецкого населения Челябинской области выше, чем степень свободного владения немецким языком, следовательно, мы можем констатировать достаточно высокую степень ассимиляции со стороны русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Ивлева Т. В. 2012: Законодательство Российского государства в отношении российских немцев // Вестник КрасГАУ 5, 464-470.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010: в 11 т. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Население Челябинской области за 30 лет по данным переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. 1992: Челябинск.

Тихомиров А. Е. 1991: Страницы истории. Немцы на Урале. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gazetavseti.narod.ru/germans.htm>.

Тихомиров А. Е. 1993: Из истории немецких поселений в Оренбуржье. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gazetavseti.narod.ru/germans.htm>.

2014

КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-russkoy-kultury-na-yazyk-rossiyskih-nemtsev-prozhivayuschih-na-territorii-chelyabinskoy-oblasti-k-proektu-sozdaniya-slovarya>

Портфолио: Анастасия Богомолова

Наталья Дробязко

16 ноября 2015

В сегодняшнем выпуске рубрики — российский фотохудожник Анастасия Богомолова, которая путешествует по местам падения уральских метеоритов и посвящает свои работы проблеме человеческой памяти.

Анастасия Богомолова

30 лет

210

Родилась Кустанае (Казахстан). В 2007 году окончила факультет журналистики Челябинского государственного университета. В 2012-м обучалась по программе «Фотография как исследование» в петербургском «Фотодепартаменте». Участник множества групповых и персональных выставок. Автор образовательного курса «Мифология региона» и видеоблога о фотокнигах. В настоящее время занимается персональными видео- и фотопроектами.

«Я зашла в фотографию через журналистику: в какой-то момент перестала писать тексты и начала снимать картинки. Впрочем, занималась этим я не очень долго. Потому что я работаю медленно, а фотожурналистика предполагает быстрые темпы: пришёл, отснял, ушёл. Мне так сложно. Поэтому я перешла в арт-фотографию.

Я не мыслю классической картинкой, не придерживаюсь определённых технических рамок, достаточно легко переключаюсь от стиля к стилю. Использую и плёнку, и цифру, и полароид, и айфон — всё что угодно. И отдельным снимком тоже не мыслю, потому что работаю с проектной фотографией.

Одиночный кадр ничего не говорит на самом деле, как бы ни старались убедить в обратном последователи академической фотографии.

Все мои проекты связаны с различными аспектами памяти — семейной, личной, коллективной, исторической. Семейной памяти, например, посвящён проект Recall, который достаточно быстро превратился в книгу. Recall — размышление о том, как работают наши воспоминания. Чем чаще мы обращаемся к тем или иным фотографиям, к событиям, которые пытаемся восстановить по этим снимкам, тем наши воспоминания становятся более запутанными. Мы начинаем их видоизменять и как бы переписываем портреты своих родных заново.

Для меня вообще регион, в котором я живу, его мифология и история — один из главных источников вдохновения. Это очень важно — погружаться в пространство, где находишься, исследовать его, всматриваться, словно в первый раз видишь. Так рождаются новые идеи и приходят сюжеты фотоисторий.

Так было с проектом «Бакал». Он уже почти закончен и тоже про память места. Про Metallургический район Челябинска, территорию которого 70 лет назад практически полностью занимал БакалЛАГ (система ГУЛАГа). Большую часть заключённых составляли немцы-трудармейцы, силами которых был выстроен металлургический завод-гигант, инфраструктура района, дороги, улица, на которой я живу, часть моего дома. Но при этом реальных маркеров памяти о том, что здесь происходило 70 лет назад, почти нет. Да и сами немцы-заключённые не вписаны в официальную историю — об их вкладе в строительство Челябинска по-прежнему не говорится.

Фотографией на жизнь я почти не зарабатываю. Но хотела бы. Потому что заниматься искусством и получать за это деньги абсолютно нормально. Высказывания типа «Ах, я художник, я витаю в облаках и живу ради вдохновения!» кажутся мне лукавством. Не верю в такую позицию.

Я постоянно нахожусь в состоянии сомнения: могу ли я что-то сделать, правильно ли я это делаю и куда мне двигаться дальше. Думаю, что в такой ситуации главное — не останавливаться. Когда ничего не получается и нет возможности делать что-то конкретное, можно взять швабру и помыть пол в комнате — это поможет структурировать мысли. А если не поможет — помыть ещё раз. Самая главная сложность в творческой работе — продолжать и не сомневаться в том, что делаешь.

<https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/critika/portfolio-anastasiya-bogomolo>

Послесловие

Память. Мы очень любим порассуждать о том, как важно сохранять это качество, как это качество превращает человека из биологического существа в часть вселенской цивилизации. Но вот если попросить у человека проявить это качество, то сделать это будет не просто. Особенно трудно, если попросить подтвердить свою принадлежность к народу, частью которого ты себя считаешь.

Мне очень хотелось помочь своим, будем так говорить, соплеменникам. Сейчас немного тех, кто может гордо сказать: я – немец, а способных подтвердить это заявление знаниями истории, культуры, традиций, еще меньше. Тем, кто хочет быть частью небольшой, но крепкой семьи российских немцев, книги из серии «Немецкий мир России» очень помогут. Кто лично захочет продолжить немецкую линию своей семьи, найдут или нашли в них для себя серьезную основу для того, чтобы сказать: я продолжу историю российских немцев. Если хоть один россиянин вспомнит о своих национальных корнях и не только о немецких, тогда я посчитаю свою миссию выполненной.

Вы сейчас держите последнюю книгу серии. Но на этом не заканчивается история российских немцев. Я не ставлю точку, а ставлю многоточие. Радует, что немцы не забывают о прошлом, смело смотрят в будущее и сами строят будущее своей Родины - России.

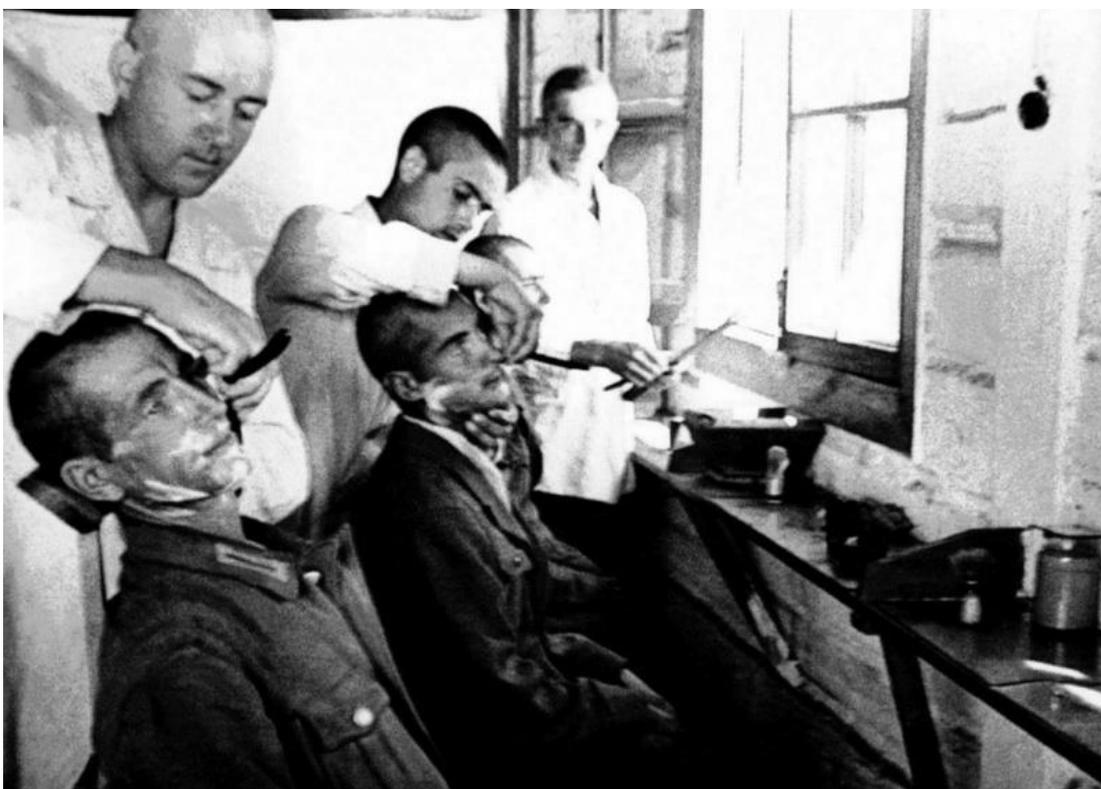
Я в этом уверен.

Александр Нахтигаль

Приложение

Агитбригада БАКАЛЛАГа, 1943 г. ,
(Музей средней общеобразовательной школы № 74, г. Челябинск)

Пленные в Челябинской области

Захоронение спецконтингента

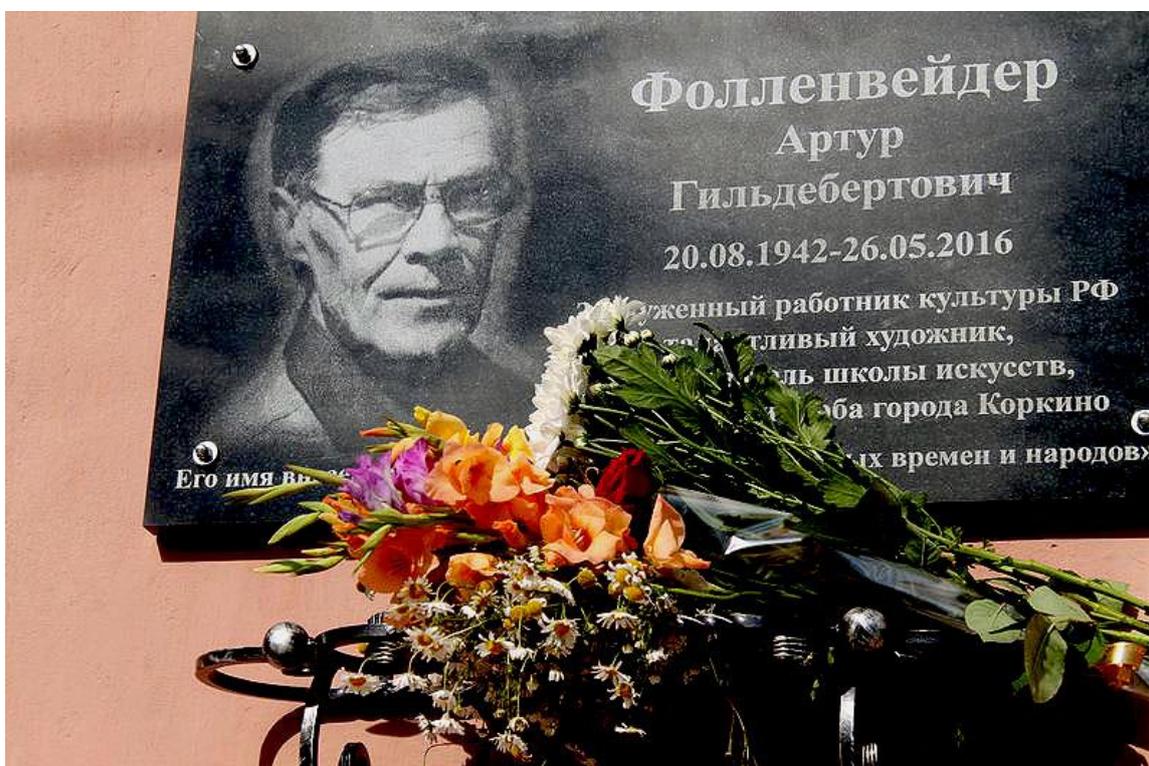
Маламуд Г.Я. Спецконтингент. «Мобилизованные немцы», заключенные и спецпоселенцы на Урале в 1940-х -50-х гг. – Челябинск, 2004.

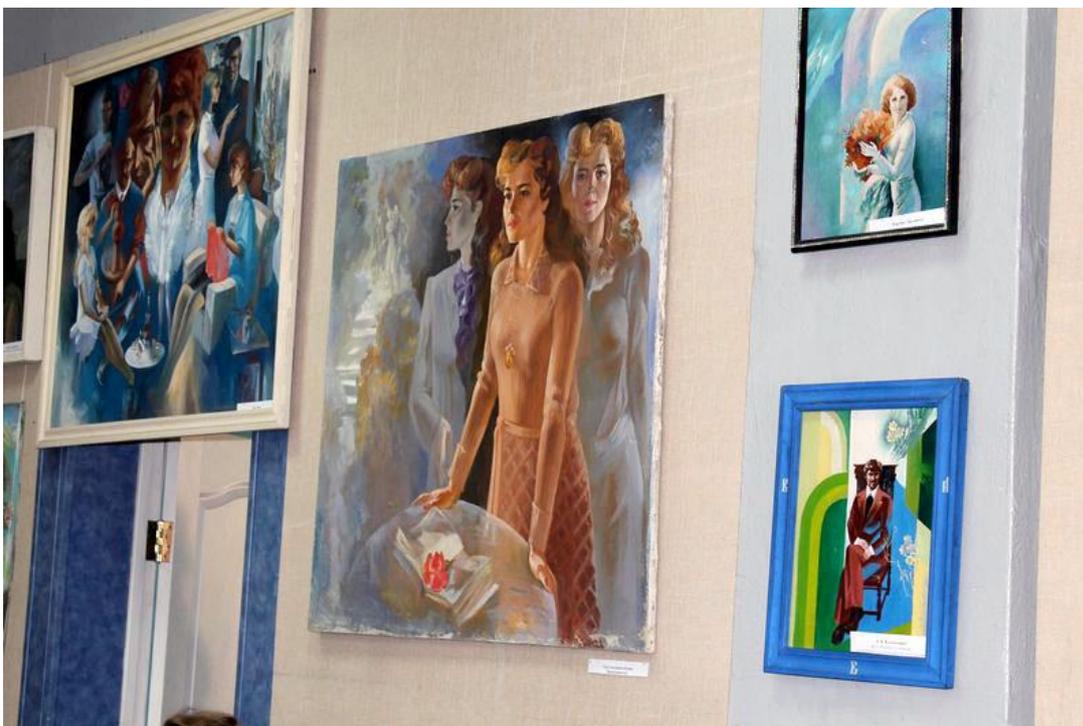

Земляные работы

GEDENKBUCH Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942-1946. Авторы-составители В. М. Кириллов, С. Л. Разинков,

Открытие мемориальной доски Артуру Фолленвейдеру (г. Коркино)

Картины художника

Людмила Борисовна Озорнина, куратор ГТЦ от Новосибирского Общества «Развития» до 2010 года по Южноуральскому региону (Тюменская, Челябинская и Курганские области)